ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Стальные девочки

ЕЛЕНА ВАЙЦЕХОВСКАЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Спорт – это, возможно, самая беспощадная игра, в какую когда-либо играло человечество. Хотите больше узнать о его жестокости? Добро пожаловать в самый трепетный и кружевной его вид – женское одиночное катание. Олимпийская чемпионка и спортивный журналист с тридцатилетним стажем Елена Вайцеховская рассказывает о наиболее ярких фигуристках последнего десятилетия, о цене, которую приходится платить за успех, и о том, почему ослепительно яркие карьеры оказываются самыми недолговечными.В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

- Елена Вайцеховская
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17

Елена Вайцеховская
Фигурное катание. Стальные девочки

Посвящается Валентину Николаеву – удивительному специалисту, благодаря которому я сумела узнать фигурное катание, полюбить его и понять, что победа – это не обязательно главное, а поражение не обязательно трагедия. А кроме того, сумела совершенно другими глазами взглянуть на фигуру тренера – человека, от которого в моментвыступления его спортсменов, казалось бы, ничего не зависит, хотя на самом деле зависит все…

© Елена Вайцеховская, текст, 2020
© Григорий Сысоев / РИА Новости, фото, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1
Осторожно, женщины! или Вместо предисловия

В последних числах декабря 2019 года я летела в Красноярск на чемпионат России по фигурному катанию, где впервые за много лет мне не нужно было работать. Этому предшествовали два года, проведенные в должности штатного обозревателя в редакции «Р-Спорт» – спортивном подразделении международного информационного агентства «Россия сегодня». Небольшой по жизненным понятиям срок вместил в себя зимнюю Олимпиаду в Пхенчхане, домашний футбольный чемпионат мира и еще пяток различных мировых первенств. Бонусом шла престижная и жутко денежная премия наиболее пафосного в стране конкурса «Спортивный Парнас» и… увольнение в никуда за недостаточную комплиментарность во взглядах на фигурное катание – именно в такой формулировке до меня неофициально, но сразу из нескольких источников была доведена точка зрения одного из высоких руководителей Агентства, чья шестая или седьмая по счету супруга оказалась рьяной фанаткой этого вида спорта.

Заявление мне подписали аккурат в день тридцатилетия моей журналистской работы: первыми соревнованиями, на которых мне довелось работать в официальном статусе, был чемпионат СССР 1989 года по фигурному катанию, который сейчас я толком, наверное, и не вспомню.

На недоуменные вопросы друзей и знакомых, какого черта я в статусе безработной вообще потащилась под Новый год в Красноярск, заплатив за билет сумму, достаточную для того, чтобы минимум дважды слетать в Вену, Париж или еще десяток европейских столиц, отвечала: «Составить компанию мужу».

Это было абсолютной правдой. На протяжении двух с лишним десятков лет мы с мужем, спортивным фотографом, фактически никогда не ездили в командировки и отпуска друг без друга, и перспектива остаться под Новый год в одиночестве ввергала нас в уныние. Ну и какое значение в этом случае имела цена на авиабилет?

Запоздалые мысли о том, что, наверное, все-таки не следовало ехать на соревнования без перспективы на них работать, в первый же день чемпионата были развеяны. В пресс-центре я оказалась за одним столом с пожилым японским

коллегой – журналистом телевизионного концерна «Асахи», приехавшим в Красноярск ради Алины Загитовой: телекомпания собиралась снимать фильм о том, как невероятно любимая японцами фигуристка, выигравшая за полтора года взрослых выступлений все существующие в фигурном катании титулы, будет сражаться с тройкой совсем юных учениц своего же тренера – Этери Тутберидзе. Под этот проект японскому коллеге заранее были сделаны визы, куплены билеты, оплачено жилье и добыты все необходимые разрешения и аккредитации.

Не учли японцы лишь того, что за две недели до чемпионата страны олимпийская чемпионка официально объявит о том, что временно приостанавливает свою спортивную карьеру и в Красноярск не приедет.

Без Загитовой японец грустил. И был, как мне показалось, даже благодарен за то, что периодически я развлекала его разговорами об Алине.

* * *

Когда-то я точно так же расспрашивала другого японского журналиста о Мао Асаде.

В декабре 2005-го 15-летняя фигуристка ворвалась во взрослый мир фигурного катания столь же нахально, как это сделала Загитова в декабре 2017-го.

Просто Асаде тогда повезло меньше: 15 лет ей исполнилось после 1 июля 2005 года, и это означало, что японка не сможет принять участия в зимних Олимпийских играх—2006 в силу возрастного лимита, установленного ISU – Международным союзом конькобежцев. Добиться для юной фигуристки персонального разрешения ISU на выступление в Турине у спортивного руководства Страны восходящего солнца не получилось, хотя, по слухам, в ход была пущена очень тяжелая как спортивная, так и спонсорская артиллерия. Вот и получилось, что самым ярким впечатлением того сезона для многих болельщиков осталась не Олимпиада, а финал Гран-при, в котором юная Асада с упоением сыграла свою первую взрослую победную роль.

Много лет спустя, когда уже близилась к завершению карьера Мао в статусе четырехкратной победительницы финалов Гран-при, трехкратной чемпионки мира, вице-чемпионки Игр-2010 в Ванкувере и главной неудачницы Олимпиады в Сочи— в 2014-м, я спросила приятельницу, прекрасно знакомую с культурой, обычаями и языком Страны восходящего солнца, почему именно

эту фигуристку в Японии любят так, как никогда не любили никакую другую. И услышала в ответ:

– Для японцев Асада – символ женщины эпохи Хэйан, просвещенного самурайства: маленькая, с идеальной по японским меркам фигурой, с правильными классическими чертами лица, кроткая, но в то же время очень сильная, умеющая за себя постоять. На льду Асада своими движениями, мимикой, пластикой способна выразить чувства, близкие каждому человеку. При этом она недосягаема. Женщина-махаон…

– Подождите, но как же в эту картину абсолютного совершенства вписываются откровенные неудачи Асады в виде проигранных турниров, ее технические недостатки, недокруты, падения? – переспросила я собеседницу.

– Так же, как они вписываются в картину несовершенства живого человека, стремящегося к достижению идеала, – последовал терпеливый ответ. – Это тоже в духе японской ментальности – стараться вновь и вновь преодолеть препятствие независимо от того, считают окружающие это реальным или нет…

Разговаривая с коллегой из «Асахи» в Красноярске, я не преминула воспроизвести ему тот давний разговор.

– Вам дали очень правильное объяснение, – вежливо закивал японец. И внезапно прямо на бумажной салфетке, которую он выдернул из-под картонного стаканчика с кофе, стал вычерчивать синусоиду. Начертив, ткнул пальцем в нижнюю точку кривой линии.

– Смотрите: настоящая сила Асады всегда заключалась в том, что, даже показывая минимальные результаты, она оставалась недосягаемой для тех, кто в Японии шел за ней следом. Хотя должен признать: в нашей стране никогда не было такого количества талантливых девочек, как сейчас у вас, в России. С ними, похоже, не выдержала конкуренции даже Алина. Хотя лично мне очень жаль. Дело в том, что мы, японцы, ставим превыше всего не тот момент, когда спортсмен стоит на пьедестале, а тот, когда он вот отсюда (с этими словами японец снова ткнул в нижний изгиб синусоиды пальцем) начинает выбираться наверх, преодолевая себя. Потому что именно тогда становится по-настоящему понятно, чего человек стоит.

– А что вообще говорят у вас в стране по поводу того, что происходит в российском одиночном катании? – поинтересовалась я скорее для того, чтобы не дать угаснуть беседе, и готовясь услышать традиционный для японской публики обтекаемый и щедро расцвеченный превосходными эпитетами ответ.

Собеседник отреагировал иначе. Он повернулся к сидящей рядом переводчице и, перейдя на японский, торопливо о чем-то заговорил, время от времени и явно со смыслом постукивая ногтем по пустому картонному стаканчику из-под кофе. Женщина с пониманием кивала, делая какие-то пометки в рабочем блокноте. Потом обратилась ко мне.

– Он не хочет в разговоре с вами произносить то слово, которым полны все японские форумы о фигурном катании. Его очень сильно расстраивает, что о фигурном катании вообще стали так говорить. Но еще сильнее его расстраивает то, что это слово становится все более и более популярным.

– И что же это за слово? – по-русски поинтересовалась я.

Переводчица покосилась на японца и вполголоса по-русски сказала:

– Одноразовые…

* * *

По сути, мой японский визави всего лишь озвучил то, о чем не первый год говорилось за кулисами всех мало-мальски значимых турниров по фигурному катанию в адрес российских одиночниц. А точнее – в адрес одного-единственного тренера – Этери Тутберидзе, ворвавшейся в элиту мирового тренерского цеха столь же стремительно, как все ее подопечные, начиная с Юлии Липницкой, врывались в элиту женского одиночного катания.

Взрослый век Юлии, «золотой девочки Сочи», получившей на своих первых и единственных Играх медаль высшей пробы за участие в командном турнире, начался осенью 2013-го и закончился в 2015-м. Карьера двукратной чемпионки мира и наиболее вероятной претендентки на олимпийское золото Пхенчхана Жени Медведевой уложилась в два года и четыре месяца.

Когда в 2016-м Женя Медведева выиграла взрослый финал Гран-при, а затем одержала свою первую победу на чемпионате Европы, я написала в одном из репортажей:

«Думаю, что не ошибусь, если скажу, что главная цель проекта „Медведева“ заключается отнюдь не в долгой и красивой карьере. А всего лишь в том, чтобы выиграть в этом сезоне вслед за финалом Гран-при и чемпионатом Европы еще и мировое первенство. Если так, то в контексте этой задачи вообще не важно, что будет со спортсменкой дальше. Потому что, даже если Женя сумеет относительно безболезненно преодолеть проблемы

роста, она непременно угодит в капкан – по совершенно объективным причинам потеряет способность бороться с очередной чудо-малышкой, которая (что совершенно не исключено) станет очередным проектом ее собственного тренера…»

Резонанс получился сильным. За эти слова меня публично предала анафеме даже бесконечно уважаемая и любимая мной Татьяна Анатольевна Тарасова. Комментируя чемпионат в прямом эфире, она долго и театрально сокрушалась, что журналист, который сам был спортсменом и выигрывал олимпийское золото, может оказаться столь жестоким и необъективным по отношению к маленькой талантливой девочке.

Три с половиной года спустя саму Тарасову потребуют навсегда отстранить от эфира за комментарий по поводу внезапно оборванной карьеры Загитовой: «Жаль, что продолжительность спортивной жизни олимпийской чемпионки измеряется только тремя программами…»

Эпоха Загитовой действительно оказалась непродолжительной. При этом Алине фантастически повезло: она подобралась к олимпийскому золоту Пхенчхана в свой самый первый взрослый сезон, причем под надежным прикрытием более старшей и гораздо более титулованной Медведевой, то есть не слишком загружая голову ответственностью за результат. Если бы Загитова вышла на свою первую Олимпиаду в статусе лидера, золота у нее могло не случиться, тем более что юная спортсменка, в отличие от своей предшественницы, никогда не отличалась стабильностью. Иначе говоря, 15-летняя девочка ухватила тот единственный счастливый билет, который вообще существовал, и сделала то, чего до нее не удалось ни Липницкой, ни Медведевой.

А осенью 2019-го Загитову сильно потеснили на взрослом льду сразу три спортсменки из группы ее же тренера – Александра Трусова, Анна Щербакова и Алена Косторная, или ТЩК, как немедленно окрестили троицу болельщики.

Трагизм ситуации заключался даже не в том, что молодые соперницы оказались олимпийской чемпионке не по зубам. А в том, что гениальная в плане добычи медалей система, благодаря которой мир и получил Липницкую, Медведеву, Загитову и ТЩК, изначально не предполагала возни со взрослыми спортсменками. Ничего личного, как говорится, просто бизнес, жестоко, но метко охарактеризованный в Красноярске моим случайным соседом по столу.

* * *

Впрочем, бушующие по этому поводу страсти уже не слишком меня волновали: к тому времени я перестала быть штатным журналистом и вообще не планировала искать новую работу. Как и менять свои взгляды на спорт в угоду потенциальным работодателям, и тем более – их женам.

С другой стороны, благодаря этому увольнению была написана книжка, которую вы сейчас держите в руках. Она прежде всего о женском одиночном катании – самом хрупком и, наверное, самом жестоком виде спорта, таком нежном со стороны. Здесь, как и в других моих книгах о большом спорте, не будет выставочных картинок или приукрашенной действительности. Скорее – это попытка в очередной раз понять, что стоит за ценой того или иного успеха. Почему звезды рождаются столь мучительно, а гаснут порой мгновенно? Почему кого-то забывают сразу, а иных запоминают на десятилетия независимо от того, насколько долог был их спортивный век? И зачем вообще люди лезут в эту адскую кухню большого спорта, где, по меткому выражению Алексея Мишина, температура внутри даже одной отдельно взятой группы бывает столь высока, что человек теряет способность ее выдерживать, даже близко не подойдя к собственной вершине?

А начать эту книгу я хотела бы с событий десятилетней давности. С истории о том, как меня обворовали в Париже и что из этого вышло.

Глава 2
Брайан Орсер и его команда

Спортивная память – штука короткая. Даже журналисты, привыкшие фиксировать все тщательнее, чем кто-либо другой, редко вспоминают детали уже прошедших событий – все это постепенно обретает довольно размытые очертания. Вот и сейчас не вспомню, в каком именно году мне довелось пережить в Париже одно из самых больших разочарований, обернувшихся в итоге одним из самых оберегаемых мною знакомств.

Разочарование называлось «Отель „Кларет“». Когда-то я разыскала его близ Берси и сразу безоглядно влюбилась. Отель был крошечным, очень уютным, с изысканным, оттенка слоновой кости, английским фарфором за завтраком и свежайшей выпечкой. И с возможностью жить в мансарде, где через узкие проемы окон в комнату заглядывало парижское небо. Мансардные номера выгодно отличались размерами от стандартных гостиничных клетушек: в городе, где по вечерам, за ужином, посетители ресторанов то и дело задевают локтями соседей, дополнительное личное пространство – большая роскошь. «Кларет» предоставлял ее за вполне умеренную плату. То есть безусловно стоил как денег своих постояльцев, так и их любви.

Но именно там меня совершенно бессовестно обворовали.

Случилось это во время моего очередного приезда на парижский этап Гран-при. Вернувшись с катка, я долго писала репортаж, который должна была передать в редакцию утром. Набросала скелет материала, щедро обвесила его фактурой и, уже лежа в кровати, решила, что текст фактически закончен и требует лишь поверхностной редактуры на свежую голову. После чего захлопнула крышку ноутбука и засунула его под кровать, чтобы случайно не наступить, вставая утром на завтрак.

Но утром компьютера под кроватью не оказалось. Портье, к которому я кинулась за помощью, с откровенно скучающим видом выслушал мою историю и отказался вызывать полицию, заявив, что это абсолютно бессмысленно.

– Вы же находились в номере?

– Ну да…

– Тогда чего вы от нас хотите? Мы не несем ответственность за вещи клиента после того, как вручили ему ключ.

Вернувшись в несчастливую мансарду и как следует рассмотрев дверь, я обнаружила интересную деталь: защелка, которая должна была срабатывать автоматически, по какой-то

причине стопорилась чуть раньше, оставляя комнату открытой. Кровать на достаточно высоких ножках стояла прямо у двери, соответственно, чтобы заметить лежащий на полу компьютер и вытащить его, не нужно было даже входить внутрь – достаточно было протянуть руку сквозь приоткрытую створку.

Но вот была ли дверная неисправность случайной? В этом меня быстро разубедил французский коллега на катке, объяснив, что, с тех пор как набирать низший обслуживающий персонал во многих парижских отелях стали из числа натурализованных эмигрантов с Востока, кражи в номерах превратились в абсолютную норму. Механизм прост: как только горничная или сантехник замечают в номерах что-то ценное, они просто сообщают об этом на сторону по цепочке многочисленных родственников. Настолько многочисленных, что концов не найти. Дальнейшее, как говорится, дело техники. И обращаться в полицию – действительно пустая трата времени.

Забирая свои вещи из «Кларета», я точно знала: больше в этом отеле не остановлюсь никогда. Было слишком обидно…

* * *

В свой следующий приезд на парижский этап я оказалась в «Новотеле». С ним мне на самом деле просто повезло: обычно официальные отели, предназначенные для участников соревнований, не выкладывают в Интернет информацию о доступном бронировании даже в тех случаях, когда свободные номера есть в наличии. «Новотель» представлял собой достаточно безликую сетевую гостиницу средней руки, все преимущество которой заключалось в том, что она вплотную соседствовала с Берси и в ней жили спортсмены и тренеры. С точки зрения работы, сам по себе этот факт вряд ли давал большое преимущество: весь мой прежний опыт общения с российскими фигуристами, да и не только с ними, говорил, скорее, о том, что до начала соревнований, да и в процессе тоже, журналисту лучше вообще лишний раз не попадаться спортивной публике на глаза – не отвлекать.

Примерно с этими мыслями, порядком вымотанная после длинного, с пересадкой, перелета и затянувшегося оформления на стойке регистрации, голодная, всклокоченная и изрядно взмокшая в теплой куртке, которую было невозможно снять по причине отсутствия свободных рук, я втиснулась с чемоданом в лифт и врезалась в Брайана Орсера – своего самого любимого фигуриста-одиночника времен зимней Олимпиады в Калгари.

Потрясение было столь велико, что я непроизвольно выпалила вместо приветствия: «Я вас знаю. Вы – Брайан Орсер».

– Да, – улыбнулся мой попутчик. И после небольшой паузы, несколько театрально поклонившись – насколько это позволяло тесное пространство лифта, – добавил с нескрываемой гордостью в голосе: – Канадский тренер.

В его случае слово «тренер» имело все основания звучать гордо. В 2005-м, когда к нему в Торонто впервые приехала кореянка Юна Ким, которой спустя пять лет предстояло стать едва ли не самой яркой звездой мирового одиночного катания, Брайан вовсе не имел тренерского опыта. Более того, даже не стремился к нему. 16 лет отработал в американском ледовом шоу Stars On Ice и совершенно, по его словам, не задумывался о тренерской карьере: весь педагогический опыт Орсера сводился к тому, что его время от времени уговаривали участвовать во всевозможных обучающих семинарах. На один из таких семинаров к нему и приехала Ким.

– В Америке и Канаде принято проводить такие семинары в разных городах, клубах. Но это совершенно нетренерская работа, – рассказывал мне Брайан в Париже. – Там ты просто катаешься, показываешь другим, как правильно выполнить то или иное движение. Получалось у меня неплохо, и я порой даже думал о том, что мог бы, наверное, стать неплохим учителем для новичков, когда уже не смогу выходить на лед и кататься…

Общаясь тогда с Орсером в ходе турнира (мы как-то сразу нашли с канадцем общий язык), я много думала о том, что его согласие работать с кореянкой можно было расценить скорее как пиар-ход: возможность напомнить о себе, выводя на лед спортсменку, успевшую потрясти своим талантом фигурнокатательную публику. Юна тогда впервые стала победительницей юниорского первенства мира, завоевав для Кореи вторую в истории страны международную медаль. Первая принадлежала ей же, была тоже юниорской, но серебряной.

Но всего через год стало ясно, что Ким попала в хорошие руки. На своем первом взрослом чемпионате мира в 2007-м она стала третьей, проиграв чемпионке порядка десяти баллов, еще через год снова завоевала бронзу, а предолимпийской весной 2009 года стала чемпионкой мира в Лос-Анджелесе, оторвавшись от второго призера на 16,42 балла. После чего все наперебой заговорили о том, что соперничать с Юной Ким в Ванкувере, скорее всего, не сумеет ни одна спортсменка.

* * *

На том турнире в Париже корейские журналисты ходили за Орсером толпами. Канадец терпеливо отвечал на вопросы, позировал перед телекамерами, несмотря на то что с утра и до вечера жил по довольно жесткому графику: помимо Ким в турнире принимал участие еще один его ученик – двукратный чемпион мира среди юниоров американец Адам Риппон. После того как оба спортсмена завершили выступления, у нас с Орсером наконец нашлось время для обстоятельного интервью. И началось оно, как и наш разговор в лифте, с паузы.

Пауза повисла после моего первого вопроса:

– Надеюсь, вы не будете возражать, если я вообще не стану спрашивать вас о Юне Ким и Риппоне?

От неожиданности Орсер рассмеялся.

– Как-то даже не задумывался, что журналистов могут волновать другие темы. А что именно вас интересует?

– Вы. Так получилось, что начиная с 1996 года я несколько лет подряд приезжала в Вашингтон на профессиональные чемпионаты мира, которые проводил двукратный олимпийский чемпион Дик Баттон. В надежде увидеть среди участников не только Брайана Бойтано, но и вас тоже. Не довелось.

– Я выступал у Баттона в течение шести лет, начиная с 1988-го. Четыре раза становился третьим. Но с 1993-го перестал там появляться.

– Но были, насколько мне известно, в великолепной спортивной форме. Почему же не захотели вернуться в любительский спорт для того, чтобы выступить на Олимпийских играх в Лиллехаммере, как это сделали Брайан Бойтано, Катарина Витт?

– Даже не рассматривал такой вариант, если честно.

– Почему?

– Главной целью моей спортивной жизни было выиграть Олимпиаду в Калгари в 1988-м. Я знал, что будет тяжело, и был готов к этому. Хорошо готов. Очень. Но проиграл. И с того момента сознательно сфокусировался на профессиональных выступлениях. Решение оставить любительский спорт далось мне тяжело, но оно было окончательным. И не подлежало пересмотру.

– Еще раз спрошу: почему?

– Не было желания. Я не хотел кататься на Играх. Слишком долго отходил от Игр в Калгари. И уж тем более не рассматривал возможность приехать в Лиллехаммер для того, чтобы взять реванш за поражение в 1988-м. Не хотелось еще раз проходить через все то, что ассоциировалось у меня с Олимпиадами. Быть в хорошей физической форме – это одно. А вернуться в очень жесткий спорт после шестилетнего перерыва в выступлениях на

серьезных соревнованиях, зная при этом, что такое быть первым в мире, – совсем другое. Мне было 32 к тому же. Не самый преклонный возраст, но… Наверное, на самом деле причина заключалась в том, что я не находил в себе главного: жажды борьбы. Она вся закончилась в Калгари. Словно из сердца ушло что-то очень большое и важное. Я опустел внутренне.

Своей прямотой и откровенностью Брайан нравился мне все больше и больше. Все, о чем он рассказывал, сильно диссонировало с историями, которые на протяжении лет я слышала от канадских и американских коллег, которые утверждали, что Орсеру никогда не был нужен спорт как таковой. Что катался он исключительно для собственного удовольствия, потому как любит это дело, и сам наверняка считает собственную карьеру стопроцентно удачной: все-таки выступал много лет, восемь раз становился чемпионом Канады, прошел столько же чемпионатов мира, две Олимпиады, на которых дважды завоевывал серебряные медали. Но чем дольше мы беседовали, тем отчетливее я понимала, что для Орсера его поражение в Калгари – это рана, которая не затянется никогда.

Наверное, было бестактно с моей стороны продолжать лезть в душу едва знакомого собеседника, но Брайан вел себя так, словно мы знаем друг друга сто лет.

– Не скажу, что считал себя неудачником, но и особой радости не испытывал, – продолжал он вспоминать свой уход из спорта. – В 1984-м на Олимпиаде в Сараево я выиграл и короткую программу, и произвольную. А в обязательных фигурах остался седьмым. Странно, да? Сделать лучше соперников 70 процентов из того, что было необходимо, и остаться без золотой медали. Но это были мои первые Игры. Я утешал себя тем, что второе место – это все-таки неплохой результат для 22-летнего новичка, что через четыре года в Калгари я обязательно выступлю лучше. Чувствовал себя там намного увереннее, кстати. Был к тому моменту действующим чемпионом мира, нес флаг Канады на церемонии открытия…

Ну а в Лиллехаммере я с большим интересом следил за тем, как выступают другие: комментировал соревнования фигуристов для канадского телевидения. Даже не поверите – болел за Брайана Бойтано. Хотя болел – громко сказано. Помню, постоянно думал, на него глядя, что категорически не понимаю, зачем он вернулся?

– Бойтано тогда говорил мне, что получает истинное наслаждение от одной только атмосферы соревнований.

– Да, он всегда их любил. Мне, напротив, гораздо больше нравилось тренироваться, нежели выступать. Выучивать что-то

новое, отрабатывать то, что умею. Ставить перед собой цель не выиграть какой-то очередной турнир или обойти какого-то конкретного фигуриста, а придумать и сделать что-то новое. Единственным исключением были те самые Игры в Калгари. Вот там я совершенно точно знал, что хочу победить…

* * *

Мы все-таки заговорили с Орсером о Юне Ким – было бы как минимум странно, если бы речь не зашла о сильнейшей фигуристке мира. И Брайан снова огорошил:

– Первые два раза я отказал ей сразу, не задумываясь – я реально не собирался становиться тренером. Но, видимо, в голове что-то засело. Во всяком случае, размышлять о том, чтобы прекратить собственные выступления, я стал значительно чаще. А потом решил, что момент все-таки настал. И, когда Юна приехала ко мне в четвертый раз, я сказал «да». Дело было даже не в том, что Ким сама по себе уже тогда была очень интересной и талантливой спортсменкой. Скорее, совпало сразу несколько факторов. Другими словами, образовалась именно такая ситуация, что решение в пользу тренерской работы не могло не вызреть.

Меня тогда сильно удивило, что тут же посыпались и другие предложения. То есть недостатка в учениках опасаться не стоило. К тому же, как только я заикнулся о том, что намерен перестать кататься, мне сразу предложили стать спортивным директором клуба в Торонто. И я стал собирать команду. Сначала в клуб на постоянную работу пришел наш нынешний хореограф – Дэвид Уилсон. Собственно, когда Юна в первый раз приехала из Кореи в США, она ехала именно к Дэвиду на стажировку – поставить программы. И уже не стала возвращаться домой – так и осталась в Торонто. Когда я дал согласие ее тренировать, то почти сразу поднял вопрос о том, что мне нужен специалист по технике конька. Так в группе появилась Трейси Уилсон. Потом пришли и другие. Я вообще люблю, когда возле моих спортсменов появляются новые люди. Это расширяет и кругозор, и возможности. В том числе и мои собственные…

Прощаясь с Брайаном в Париже, я тогда спросила:

– У вас не возникает на соревнованиях ощущения некоего дежавю? Вы в свое время насмерть бились с Бойтано, сейчас точно такую же битву предрекают в Ванкувере между Юной Ким и Мао Асадой…

– Смертельные битвы? – это сюжеты для журналистов, –

улыбнулся Орсер. – Мое дело как тренера подготовить свою спортсменку таким образом, чтобы в ее программах не было слабых мест. Поэтому мы и передаем Ким из рук в руки. И каждый старается сделать свою часть работы самым лучшим образом. Главное, что сама Юна очень трезво относится к себе. На каждой тренировке старается сделать хотя бы малюсенький шажок вперед. Глядя на нее я, кстати, понял, почему проиграл в 1988-м. Благодаря целому ряду успешных выступлений я был уверен в том, что сильнее соперников. И просто старался всячески это превосходство удержать. А на самом деле нужно было продолжать идти вперед…

* * *

У каждого, даже самого выдающегося тренера в глубине его внутреннего «шкафа» всегда найдутся скелеты, о которых не хочется вспоминать. Общаясь с Орсером на протяжении последующих лет на тему его первой звездной ученицы, я всегда чувствовала некую грань, за которой начиналась больная для тренера тема – расставание с Юной. За годы совместной с канадцем работы кореянка стала чемпионкой мира, трижды выиграла финал Гран-при, добилась золота Олимпийских игр в Пхенчхане, а вот потом…

Что на самом деле случилось потом, думаю, не узнает никто и никогда. Но не потому, что в конкретном уходе от конкретного тренера было что-то особенное. Просто олимпийская победа – это испытание, выворачивающее человека наизнанку. Заставляющее терпеть боль, которую невозможно терпеть, и выдерживать нагрузки, которые невозможно выдержать. Илья Кулик, став олимпийским чемпионом в мужском одиночном катании в Нагано, прямо в раздевалке, не сняв коньков, бросил в лицо своему тренеру Татьяне Тарасовой: «Вы мне больше не нужны!»

Две эти истории, случившиеся с разницей в 12 лет, на самом деле были очень похожи. Ради Кулика Тарасова вернулась в фигурное катание в 1995-м, навсегда оставив собственный ледовый театр, куда в свое время уходила «навсегда». Ради Кулика она принесла в жертву три года собственной жизни, и одному богу известно, чего ей это стоило.

Орсер, согласившись взять кореянку и профессионально с ней работать, получил не просто кота в мешке, но еще и изрядно переломанного.

– У нее было огромное количество всевозможных повреждений, – вспоминал он о Юне. – В основном это касалось

суставов и позвоночных дисков. Менее серьезные проблемы были с лодыжками и верхней частью стоп. Долгое время мы занимались исключительно решением всех этих проблем. Юна ходила на процедуры, ей подобрали индивидуальный комплекс специальных упражнений, благодаря чему она восстановилась настолько хорошо, что болевые ощущения при катании полностью ушли. Последние два года своей карьеры она вообще не получала серьезных травм, но если вспомнить первые два года – это была одна ходячая травма, до такой степени Юну беспокоили боли в спине, ногах и тазобедренных суставах.

За год до Игр в Ванкувере тренеры уже четко понимали, к чему именно готовят спортсменку: ей предстояло выиграть у своей самой непримиримой соперницы, тоже чемпионки мира Мао Асады. Как раз тогда «Крикет-клаб», созданный фактически под Орсера, стал, пожалуй, первым и очень ярким примером того, как должна быть организована работа на результат.

Процесс превращения Юны Ким в звезду очень хорошо описал Дэвид Уилсон. Уже после ухода Ким из группы хореограф дал пространное интервью моему коллеге и хорошему знакомому с ютьюб-канала TSL (TheSkatingLessons) Дэйву Лизу и экс-фигуристке Дженнифер Кирк (которая в свое время добралась до титула чемпионки мира среди юниоров).

– Знаете выражение: «Чтобы вырастить одного ребенка, нужна целая деревня»? Такой деревней и был наш «Крикет-клаб»: Трейси, Брайан, я сам и многие другие тренеры и сотрудники этого клуба, которые поддерживали Юну. – Когда Юна, еще не работая с Брайаном, приехала ко мне ставить программы, я был потрясен тем, насколько тонко она слышит музыку. Будучи хореографом, ты тратишь девяносто процентов своей энергии на то, чтобы вталдычить спортсмену: «Ты катаешься мимо музыки, мимо музыки, мимо музыки!..» Они никогда не катаются точно под эту чертову музыку и даже не понимают этого! Это самая большая проблема в любительском катании. Эта девочка не каталась мимо музыки никогда. Это было внутри нее, Божий дар. Она быстро училась и умела моментально воспроизводить все, что я ей показывал. Хотя первые три месяца я потратил на одну-единственную вещь – заставить Юну улыбаться.

* * *

Олимпийские победы зачастую приводят к разрыву отношений не только между тренером и спортсменом, но и внутри тренерского штаба. Когда в танцах на льду произошел

конфликт между выдающимися танцевальными тренерами Игорем Шпильбандом и Мариной Зуевой и они перестали работать вместе, было трудно избавиться от ощущения, что в основе ссоры лежит банальная ревность, нежелание делиться успехом. Из интервью Уилсона несложно было понять, что творилось у него в душе после того, как Ким стала олимпийской чемпионкой, а он, так получилось, даже не имел возможности увидеть ее выступление своими глазами. На Олимпиадах хореографам редко выпадает шанс получить аккредитацию, дающую право на проход в зал.

«Когда я летел домой из Ванкувера, в голове непрерывно крутился вопрос: „А кто-нибудь вообще знает, что я был хореографом олимпийской чемпионки?“ С одной стороны, я никогда в жизни не ощущал большей уверенности в себе: вместе с Трейси и Брайаном мы вывели Юну на другой уровень, преобразили ее, превратили в звезду, которая может зарабатывать 50 миллионов долларов в год, просто участвуя в рекламе. Не думаю, что она смогла бы достичь всего этого, если бы, например, я в свое время не показал ей, что такое быть настоящей солисткой.

Но вместе с тем я ощущал себя совершенно непризнанным. После тех Игр все внимание было сфокусировано на Брайане Орсере. Всем очень нравился сюжет: тренер, который сам никогда не выигрывал Олимпийские игры, хотя дважды был очень близок к этому, завоевывает золото со своей ученицей. И не где-нибудь, а в Канаде! Когда я где-то появлялся вместе с Брайаном, он постоянно подчеркивал: „Это Дэвид, ее хореограф“. Но все продолжали проходить мимо…»

Спустя шесть месяцев после олимпийского триумфа своей подопечной Орсер получил официальное уведомление о том, что семья Ким больше не нуждается в его услугах, и уже через день тренеру и спортсменке перемывали кости все СМИ мира.

Противостояние осложнилось тем, что, решив разорвать отношения с Орсером, Юна Ким пришла к Уилсону и попросила его стать ее тренером или хотя бы остаться с ней в качестве хореографа. Сильнее всего Дэвида тогда потрясло, что Орсер, глубоко переживающий разрыв с ученицей, не стал против этого возражать. Кто сейчас может сказать, чем бы закончились взаимоотношения внутри «Крикет-клаба», если бы главный тренер поставил подчиненным ультиматум: либо я, либо она!

Наверное, миру просто повезло в том, что у канадца оказалось большое сердце. Хотя, возможно, это был просто здравый смысл, понимание, что в одиночку, как бы ни был талантлив спортсмен, значительных результатов ему не добиться.

А значит, нужно беречь тех, кто идет с тобой в одной связке. Как бы то ни было, за все годы, что прошли после расставания Орсера с Ким, тренер ни разу не позволил себе даже крошечной шпильки в адрес прежней ученицы.

Когда история была уже порядком подзабыта, а в группе Орсера катался и шел к своей второй золотой олимпийской медали японец Юдзуру Ханю (он пришел в «Крикет-клаб» в 2012-м), Брайан сказал мне в интервью:

– Тренер часто попадает между молотом и наковальней. С одной стороны на него давят родители, которые искренне полагают, что лучше знают, что их ребенку нужно, а на самом деле пытаются реализовать через него собственные амбиции, с другой стороны находится сам спортсмен и мои тренерские представления о том, как должна быть выстроена работа конкретно с этим фигуристом. Многие почему-то до сих пор считают, что между мной и мамой Юны Мии-Хи на протяжении всей нашей совместной работы постоянно возникали проблемы, хотя на самом деле их не было в принципе. Мии-Хи делала все от нее зависящее, чтобы Юна тренировалась, восстанавливалась и была в прекрасной форме, – в этом отношении я всегда знал, что могу полностью на нее положиться. Хоть мы и прекратили сотрудничать с Юной вскоре после Ванкувера, я и сейчас могу сказать, что вклад мамы в ее олимпийскую победу огромен, его невозможно переоценить. Мии-Хи никогда не позволяла себе вмешиваться в мою работу, никогда не стремилась настаивать на своем. При этом я четко видел: первое время после начала тренировок со мной в Торонто Юна Ким внутренне преодолевала себя. Вся ее жизнь была постоянным преодолением ради того, чтобы быть «правильной» в глазах мамы. Но когда она каталась на Олимпиаде в Ванкувере, я видел уже совершенно другую Ким. Которой нравится то, что она делает, которая хочет кататься и получает от этого непередаваемые эмоции. Скажу больше: я очень горжусь именно тем, что сумел развернуть сознание спортсменки в эту сторону.

Впрочем, тогда же Орсер сказал и другое: «Я никогда не стану мириться с ситуациями, когда родители начинают мне объяснять, как именно я должен тренировать их детей. На моей „кухне“ никогда не будет места для второго повара. Понимаете, о чем я?»

Глава 3
Мао Асада, которой не повезло

…За двухчасовую тренировку девочка не остановилась ни разу. Каждый шаг был либо каким-то элементом, либо заходом на прыжок. Один раз тренер крикнула ей: «Иди сюда!» Девочка подъехала к борту и не останавливаясь стала нарезать круги по небольшому радиусу, на ходу внимательно слушая все замечания. Потом снова заскользила по большой дуге на прыжок. Аксель. Тройной. И тут же заход на следующий тройной аксель – в другую сторону катка.

«Сколько уже прыжков она сделала? 36?» – вполголоса, не поворачивая головы, спросила тренер. Суровый молодой японец с блокнотом в руках – тренер по ОФП – стал быстро-быстро что-то подсчитывать, водя карандашом в своих записях. «Сорок восемь», – продублировала его ответ переводчица.

«Концовку!» – снова крикнула тренер. Последовал каскад из двух тройных – флипа и риттбергера – и какая-то умопомрачительно навороченная дорожка шагов, в конце которой тройные снова посыпались как горох.

На лице спортсменки не было ни усталости, ни недовольства, которое в конце тяжелой тренировки появляется обычно само по себе даже у самых терпеливых. На балкончике катка примостилась небольшая группа зрителей – то ли родителей с детьми, то ли тренеров с учениками. На то, что происходит на льду, они глядели, как порой смотрят выступления в цирке: вроде бы обычный человек выходит на манеж, а делает такое – что не укладывается в голове.

На самом деле это была обычная тренировка. Самой обычной японской девочки – Мао Асады, приехавшей в Москву к тренеру – Татьяне Тарасовой.

* * *

Иногда спортивная судьба словно намеренно сводит в одном пространстве людей, каждый из которых абсолютно самодостаточен и мог бы украсить своим присутствием любую эпоху, единолично царствуя на спортивном троне. Но вместо этого вынужден биться за каждый титул с таким же жестким соперником, как он сам. Триумф одного автоматически становится в этом антураже настоящей трагедией для другого,

даже когда итоговый результат разнится в сотые доли балла. Мао Асада и Юна Ким появились на свет в один год с разницей в 20 дней. Сам факт их рождения в сентябре 1990-го переплел судьбы двух будущих фигуристок на два с половиной десятилетия вперед. Причем японке, в силу этого рокового стечения обстоятельств, была уготована наиболее драматичная роль – роль проигравшей.

Интересно, как сложилась бы карьера Асады, доведись ей выступить на Олимпийских играх в Турине? За два месяца до тех Игр юная японка блестяще выступила в финале взрослого Гран-при в Токио – выиграла турнир, опередив на восемь с лишним баллов двукратную чемпионку мира Ирину Слуцкую. Юна Ким в том финале выступала в юниорской категории и тоже выиграла турнир, но на фоне первой взрослой победы Асады ее результат вообще не воспринимался как нечто примечательное – это была рядовая юниорская победа.

А вот Асада чуть было не совершила в фигурном катании революцию. Точнее, могла бы совершить, если бы Международный союз конькобежцев пошел навстречу японской федерации фигурного катания и в виде исключения разрешил 15-летней Асаде поехать на Олимпиаду в Турин. Спортивные функционеры Страны восходящего солнца были абсолютно уверены в том, что талантливая, бесстрашная и амбициозная малышка имеет куда больше шансов принести стране медаль, чем чемпионка мира 2004 года Шизука Аракава.

За три последующих года Асада завоевала серебро и золото на чемпионате мира, стала победительницей престижного чемпионата четырех континентов 2008 года, затем несколько опустилась в табели о рангах, не попав в призеры мирового первенства-2009, но это было связано с серьезным изменением технического арсенала: Мао решила включить в произвольную программу сразу два тройных акселя – самого физически тяжелого из существующих тройных прыжков.

Чем больше впоследствии я размышляла о карьере Асады, дважды имевшей все шансы выиграть олимпийское золото и дважды упустившей их, тем сильнее мне казалось, что причина такого фатального невезения неразрывно связана с ее жгучим желанием собрать воедино все лучшее сразу: не только самую сложную программу, но и самых известных постановщиков и самых лучших тренеров. Мао не хотела ждать. Любая маломальски серьезная неудача казалась ей фатальной и требующей незамедлительной смены наставника, а в идеале – и обстановки.

Хотя начиналась ее взрослая карьера почти так же, как у Юны Ким. Примерно тогда же, когда кореянка уехала в Канаду искать

счастья в клубе Орсера, Мао перебралась в Калифорнию. В забытый богом, абсолютно оторванный от большой цивилизации горный Лейк-Эрроухед, где уже несколько лет работал бывший советский тренер Рафаэль Арутюнян. Произошло это почти сразу после того, как Асада, уже имея титул чемпионки мира среди юниоров, уступила эту корону Юне Ким на мировом юниорском первенстве-2006 в Любляне. В связи с этим японка впервые решила поменять в своей жизни почти все: страну проживания, климат, тренера и хореографа.

* * *

Экс-советский тренер переживал тогда не самые лучшие времена. К Играм в Турине он готовил одну из самых харизматичных фигуристок мира – американку Мишель Кван, которой фатально не везло на Олимпиадах.

В 1994-м 13-летняя Мишель могла выступить на Играх в Лиллехаммере, но осталась в запасных. На Игры в Нагано фигуристка приехала на правах стопроцентного фаворита: неделей раньше она выиграла чемпионат США, причем ее выступление было признано лучшим за всю мировую историю женского одиночного катания. Но олимпийское золото досталось совсем юной Таре Липински – девочке, которую можно было бы считать однодневкой, но это было не совсем так: за год до тех Игр Тара стала чемпионкой мира, причем выиграла титул как раз в борьбе с Кван.

До Игр-2002 Мишель выиграла еще два чемпионата мира подряд, но в Солт-Лейк-Сити она проиграла снова. Тогда-то она и обратилась к Арутюняну, а параллельно – к Тарасовой. Ради призрачной олимпийской победы Кван была готова работать круглосуточно, но ей было неимоверно сложно: в возрасте, когда большинство ее ровесниц уже заканчивает карьеру, Мишель пришлось учиться многим элементам заново – этого требовала новая система судейства, введенная после Солт-Лейка.

Многомесячное фанатичное самоистязание завершилось предсказуемо – травмой. Проблемы со здоровьем были у американки и раньше. Слишком большие физические нагрузки и постоянные переохлаждения привели к артрозу тазобедренных суставов. Любые мало-мальски действенные рекомендации медиков по возможному лечению натыкались на жесткое неприятие матери Кван («Сначала ты должна родить здоровых детей, а потом можешь сколько угодно принимать сильнодействующие препараты»).

Попытки лечить артроз традиционными китайскими методами иглоукалывания не давали эффекта. Не на такую боль они были рассчитаны. И не на столь истерзанный нагрузками организм.

В Турине заболевание вспыхнуло с новой силой. Сам климат альпийского предгорья часто оказывается для ревматиков чрезмерно опасным. Возможно, Кван имело смысл приехать на Игры еще раньше: временна́я разница в девять часов требует как минимум девятидневной адаптации. В этом случае у Мишель был бы шанс пережить акклиматизацию в режиме умеренных нагрузок, а после этого плавно подвести организм к привычным тренировкам. Она же, наплевав на недомогание, бросилась в Игры как в омут. По ночам просыпалась от невыносимой боли, но изо всех сил запрещала себе даже думать о том, что не сумеет еще раз выйти на олимпийский лед.

Последней каплей стала церемония открытия. Простояв несколько часов на холоде, Мишель окончательно поняла: все кончено. И жизнь окрасилась в черный цвет.

Точно так же жизнь потеряла краски и для Арутюняна.

Когда Рафаэль только начинал работать с Кван, многие подтрунивали над тем, как трепетно наставник относился к ученице, стараясь предугадать каждый ее каприз, – словно боялся не оправдать ожиданий своей новой подопечной. Мне же он после Турина сказал:

– Думаю, тогда было страшно не только мне. Кван – это эпоха, глыба. К тому же Мишель обратилась ко мне на излете своей карьеры, когда всем было очевидно, что она – уже нисходящая звезда. Она и сама прекрасно это понимала, но я, как тренер, не имел ни малейшего права дать ей хоть в чем-то почувствовать, что смотрю на нее как на человека, чье время уходит. Мы никогда в жизни не говорили об этом, но до сих пор у меня сохранилось чувство, что Мишель была благодарна мне уже за то, что эту ношу я столько времени нес вместе с ней.

В 2006-м ей ведь сразу после зимних Олимпийских игр сделали операцию, – продолжал тренер. – Мишель не могла ни сидеть нормально, ни ходить, когда вернулась из Турина в Америку, – до такой степени было больно. Я и сам пережил сильный шок. Когда мы только начали вместе работать, Кван не раз жаловалась, что кости таза у нее «шевелятся внутри». Я был склонен списывать все это на мнительность: никак не мог понять, как такое вообще может быть. Но при обследовании в клинике выяснилось, что правое крыло тазовой кости отслоилось от крестца, причем довольно давно. Так что Кван с этим мучилась все два года до Игр в Турине. И молчала.

Наши занятия перед той Олимпиадой порой выглядели так: Мишель приходила на тренировку и начинала наматывать круги по льду. Я смотрел только на выражение ее лица. Если она, проезжая мимо меня, едва заметно качала головой из стороны в сторону, я понимал, что тренировки не будет. Что бедро болит у нее до такой степени, что нет никаких сил терпеть. Когда случались совсем уж сильные обострения, Мишель ездила в Лос-Анджелес к китайскому врачу-мануальщику и он каким-то образом вставлял кости на место. Последствия этой травмы сильно усугубило и то, что незадолго до Игр Кван открыла в Лос-Анджелесе свой каток и, по соображениям бизнеса, должна была тренироваться именно там – на гораздо более жестком льду, чем привыкла в Лейк-Эрроухеде. От постоянных жестких приземлений тазобедренный сустав пострадал еще сильнее. Я видел это, нервничал, злился. Но что я мог поделать? И как я мог ее в этой ситуации бросить?

* * *

Приезд в Калифорнию Асады стал для тренера поистине подарком судьбы. Проработав с японкой несколько месяцев, он сказал мне при очередной встрече:

– Эта девочка – совершенно особенная. Талантище. И очень мощный ум. Этим, кстати, Мао очень напоминает совсем молоденькую Мишель. Попала она ко мне на каток совершенно случайно. Приехала в Лейк-Эрроухед с мамой, сестрой и менеджером, покаталась неделю или полторы. Я уже знал, что до этого семья успела побывать и в Канаде, и на Восточном побережье США. А в самом конце лета Асада снова приехала в Калифорнию и сказала, что хотела бы работать со мной постоянно. Как показывает практика, спортсмены такого уровня ищут не только тренера, но и наиболее удобные для тренировок условия. Сколько времени Асада захочет пробыть в Лейк-Эрроухеде, предсказать было невозможно. Если задержится на длительный срок, тогда, возможно, мы будем разговаривать о каких-то контрактных отношениях. Сейчас у нее сложный период – 16 лет. У восточных девочек, как мне кажется, перестройка организма проходит несколько легче, чем у европейских или американских, хотя должен заметить, что японцам в принципе несвойственно предпринимать превентивные меры. Я как профессионал всегда вижу, когда те или иные качества спортсмена начинают ослабевать. И стараюсь что-то поменять еще до того, как недостатки станут очевидными для зрителей. Но

в Японии, похоже, все с самого детства приучены с удовольствием относиться даже к самой тяжелой работе. А потому, если японцы видят, что что-то у них перестало получаться, они чуть больше концентрируются, чуть сильнее упираются, если нужно – работают вдвое дольше, потому что свято верят, что количество рано или поздно обязательно перейдет в качество. Причем никогда не говорят «нет». Если ты видишь, что человек тебя выслушал, а сам продолжает делать по-своему, значит, он сознательно не хочет принимать твою точку зрения.

Асада и меня заставляет работать с большей отдачей, – продолжал Рафаэль. – Мне порой кажется, что я нагрузил ее уже достаточно, а она не останавливается. Не катается, только когда спит. Умеет много тренироваться, и главное – ей это нравится.

Тогда же Арутюнян произнес фразу, на которую я поначалу не обратила внимания, даже не подозревая о том, что его слова окажутся пророческими.

«Совершенно не исключаю, что, если японскую федерацию перестанет что-либо устраивать, они без всяких претензий просто заменят меня на другого специалиста», – сказал он.

Примерно так вскоре и произошло. В декабре 2007-го Асада отпросилась домой в Японию на новогодние праздники и застряла там почти на полтора месяца. Потом логично рассудила, что возвращаться в Америку и оттуда сразу же лететь обратно на чемпионат четырех континентов в Корею нет никакого смысла, позвонила тренеру и попросила, чтобы он приехал в Коян. Но Арутюнян отказался. На этом его работа с Асадой была завершена, что не помешало японке, катаясь в одиночку, победить как в Корее, так и на чемпионате мира—2008 в Гетеборге. После чего, прекрасно понимая, что восстановить прежний контакт с Арутюняном, скорее всего, уже не получится, она и обратилась к Тарасовой. Летом 2008-го Асада официально объявила о том, что будет работать с легендарным тренером на постоянной основе, и несколько месяцев провела в Москве.

* * *

38 минут – именно столько длилась разминка на московском катке ЦСКА, во время которой Асада на большой скорости исполняла не очень сложные, на первый взгляд, элементы. «Обратите внимание на то, что она делает, – вполголоса комментировала у борта Тарасова. – Очень немногие спортсмены так умеют».

Мао закончила выполнять первую комбинацию шагов по

часовой стрелке и тут же, не сбавляя темпа, повторила весь набор в обратную сторону. Взялась за другую шаговую связку, и снова все повторилось. Слева – направо, справа – налево. Потом пришла очередь твизлов, вращений на одной ноге. В глаза первым делом бросался идеальный баланс, какой бывает разве что у цирковых канатоходцев: словно какая-то невидимая струна, протянутая сквозь тело, удерживает хрупкую фигурку от малейшей потери равновесия.

– Она всегда разминается долго, – вновь вполголоса сказала тренер, не отрывая глаз ото льда. – Старается довести все движения до автоматизма и сделать каждый шаг максимально рациональным, чтобы на шаговые связки не уходило слишком много сил. Потому что силы нужны на прыжки. Между ними у Мао почти не получается передохнуть. Насколько мне известно, решение о смене тренера и о том, чтобы приехать ко мне в Москву, Асада принимала вместе с мамой и менеджером корпорации IMG, который ведет все ее дела. – Когда они ко мне обратились, я сразу попросила, чтобы в моем распоряжении была грамотная переводчица и японский тренер по скоростно-силовой подготовке. Эти просьбы удовлетворили. Мао очень просила, чтобы я позволила ей оставить в произвольной программе два тройных акселя. Аксель – прыжок особенный. Для него требуется более длинный заход, что тоже отнимает время. А нужно все успеть…

Фигуристка тем временем перешла к прыжкам. Эта часть тренировки тоже в какой-то степени была разминкой – для выполнения тройного акселя. Вот только подбиралась Мао к нему не через двойные прыжки, а как бы заводя себя все более и более сложными элементами. Каскад из двух тройных риттбергеров («Этого не делает никто!» – уже привычно прозвучал голос Тарасовой), каскад из флипа и риттбергера. Наконец – аксель. Еще один. Еще. Каскад – аксель – и двойной тулуп. Все безукоризненно. Затем пошли прокаты произвольной программы по частям. Под музыку.

Изредка Тарасова делала спортсменке какие-то замечания на английском. Иногда переходила на русский язык, и тогда к процессу незамедлительно подключалась переводчица. В самом конце занятия тренер сказала мне:

– Вы пришли не в самый удачный момент. Мао катается в новых ботинках, поэтому не чувствует привычной легкости. Соответственно, и настроение у нее не может быть хорошим, потому что в том, чтобы обкатывать ботинки, нет ничего приятного. Но и другого выхода тоже нет: одной пары ей на сезон не хватает. Эта модель немножко другая, чем те, в которых

катаются наши фигуристы. Более легкая, но и более хрупкая. А нагрузка при прыжках огромная. Поэтому ботинки, бывает, ломаются. И нужно иметь запасную разношенную пару.

Тарасова замолчала, внимательно наблюдая за тем, как Асада выполняет сложнейшую дорожку шагов, затем продолжила:

– Честно говоря, я совершенно не ожидала, что Мао приедет в Москву в новых ботинках. Но так решила ее мама. В Японии с Асадой постоянно работает моя помощница Жанна Фолле. Но иногда уезжает и она. И тогда мама фигуристки направляет всю свою энергию на то, чтобы в наше отсутствие довести все выученное до совершенства. Мао подчиняется ей беспрекословно…

Последняя фраза прозвучала странно. В ней скорее чувствовалось плохо скрытое осуждение, что сильно диссонировало со всеми превосходными эпитетами, высказанными Тарасовой в адрес Асады по ходу тренировки. Впрочем, тогда я еще не задумывалась о том, какую огромную роль способны сыграть фанатичные родители в судьбе собственных детей. И какую разрушительную.

* * *

– Вам не страшно смотреть, как ваша дочь прыгает? – спросила я через переводчика маму фигуристки Кёко. Спросила, скорее, для того, чтобы просто поддержать разговор, пока идет тренировка. И неожиданно услышала в ответ:

– Бывает очень страшно. На соревнованиях. Я каждый раз ужасно боюсь, что Мао не сделает что-то из того, что должна…

Слова Кёко напомнили мне одну очень давнюю историю. В свое время я была знакома с потомственной цирковой артисткой Мариной Осинской – дочерью знаменитого послевоенного эквилибриста Льва Осинского. Он ушел на войну мальчишкой, был тяжело ранен, потерял руку, а потом вернулся в цирк, самостоятельно сконструировав себе реквизит для работы под куполом и специальный протез, глядя на который никому не приходило в голову, что у артиста нет руки.

Мама Марины работала в той же цирковой программе – на проволоке. Когда в семье появилась и подросла девочка, цирковая карьера была уготована ей по умолчанию, как и множеству других детей, чье детство прошло «в опилках». В качестве специализации Марина выбрала канат – без страховки работала на семиметровой высоте, используя уникальное приспособление, которое придумал и сделал для нее отец. Однажды на гастролях в

каком-то небольшом российском городе в конструкции каната не сработала защелка и Осинская упала с большой высоты на манеж. Спас ее униформист – успел подскочить и собственным телом пассировать удар. Девушке просто повезло: она отделалась переломом нескольких ребер и сотрясением мозга, но позвоночник остался цел.

Когда несколько дней спустя об этом узнали родители, мать тут же позвонила в больницу и Марине передали трубку. Раздался вопрос:

– Ты с манежа ушла сама?

– Нет, мама, меня унесли.

– Боже мой! Какой позор, – простонала родительница. На этом разговор был закончен.

Похожим фанатизмом в отношении своих детей отличаются многие японцы. Другое дело, что японская мораль не стимулирует появление выдающихся личностей. Вековые традиции предписывали гражданам страны прежде всего знать свое место, быть как все.

В 60-х годах прошлого века получила широкую известность история выдающегося японского дирижера Сейдзи Одзава. Когда он вернулся домой после грандиозного успеха за границей, японские оркестры наотрез отказались с ним играть.

Ломать традиции в спорте одним из первых начал выдающийся японский тренер Нобуо Сато. Именно он первым озвучил тот факт, что в японской культуре нет такой открытости, как в европейской или американской. И что по этой причине японские тренеры не всегда способны по-настоящему раскрыть возможности своих подопечных. А значит, нет ничего зазорного в том, чтобы на определенном этапе обращаться за помощью к иностранным специалистам.

Собственно, это подтвердила мне и Кёко, объясняя свое решение отправить дочь за океан к Арутюняну.

– После того как Мао впервые выиграла финал Гран-при в Токио в конце 2005-го, она стала дико популярна в Японии, – рассказывала мне женщина, не отрывая взгляда ото льда, где продолжала работать ее дочь. – Не было ни одного катка, куда мы могли бы приехать тренироваться, потому что вокруг немедленно собирались толпы фанатов. Я уже в то время мечтала, чтобы у моих девочек был русский тренер, потому что в моем представлении русское фигурное катание всегда ассоциировалось с великими спортивными и балетными традициями. Сама я в свое время занималась гимнастикой и балетом. И своих дочек отвела в балет в очень раннем возрасте. Именно балетные педагоги посоветовали нам заняться фигурным катанием, чтобы укрепить

голеностопы. Маи – она у нас старшая, мы назвали ее в честь Майи Плисецкой – начала ходить вместе с Мао на каток, потом обе девочки стали принимать участие в каких-то детских соревнованиях. Это им страшно понравилось, потому что на соревнованиях постоянно давали какие-то подарочки – призы, медали, – чего не было в балетной школе. До определенного возраста занятия балетом и фигурным катанием удавалось совмещать. Но как-то незаметно балет у Мао отошел на второй план – стал вспомогательной дисциплиной. Просто ехать в Россию мы поначалу побоялись. Такая поездка казалась слишком дальней, не очень доступной, не очень понятной. Вот и полетели в Калифорнию. Хотели найти такого тренера, у которого на тот момент не было сильных учеников. Чтобы он мог посвящать нам все свое время. Поэтому выбор пал на Арутюняна. Хотя я, признаться, продолжала мечтать о том, чтобы когда-нибудь у Мао появилась возможность поработать с Тарасовой.

– Связаться с Татьяной в те времена вы даже не пытались?

– Мне это просто в голову не приходило. Почему-то я была уверена, что тренеру такого ранга будет просто неинтересно с нами работать. Мао тогда еще не достигла серьезных успехов, Тарасова же в моем представлении была богиней, небожительницей. Совершенно недосягаемой. Почти нереальной. До сих пор иногда не верю, что моя мечта сбылась…

Во время того московского визита Мао Асады к легендарному российскому тренеру имела место еще одна примечательная ситуация. Каждый день, когда спортсменка тренировалась на льду, на нее с балкона тренировочного катка во все глаза смотрела маленькая девочка, которая никак не могла набраться храбрости зайти к японке в раздевалку и взять у нее автограф. Девочку звали Аделина Сотникова. И никому даже не могло прийти в голову, что пройдет еще несколько лет и именно эта фигуристка завоюет на Олимпийских играх в Сочи самую заветную для любого фигуриста золотую медаль. Ту, которую так и не довелось выиграть Асаде…

* * *

Ближе всего к олимпийской победе Мао была в 2010 году в Ванкувере.

Итог женской короткой программы на тех Играх был невероятным: Асада потрясающе выполнила все предписанные элементы, включая уникальный для женского катания каскад – тройной аксель с двойным тулупом, – набрала рекордную для

себя в том сезоне сумму в 73,78, а следом на лед вышла кореянка Ким Юна и… без каких бы то ни было видимых усилий получила на 4,72 балла больше.

Кореянка, конечно же, была фаворитом в этой дуэли. Перед Играми в кулуарах непрерывно курсировали разговоры о том, что после победы Юны Ким на предолимпийском чемпионате мира—2009 корейские корпорации вложили во всевозможные проекты, связанные с фигурным катанием, суммы такого масштаба, что игнорировать свои интересы они не позволят никому. В том числе – Международному союзу конькобежцев. Возможно, тот факт, что Юна Ким в своем стартовом выступлении опередила японку почти на пять баллов, несмотря на то что Асада совершенно безошибочно исполнила в Ванкувере короткую программу с уникальным набором прыжков, и стал следствием большой политики.

Столь большой отрыв разом убил всю интригу женского турнира. Публика, предвкушавшая красивую и упорную борьбу двух выдающихся спортсменок, вместо этого получила «игру в одни ворота». Уже после Игр Тарасова скажет, что судьи совершили преступление не только по отношению к японке, но и ко всему миру фигурного катания, лишив его зрелища потрясающей и равной борьбы.

Отчасти тренер была права: это был показательный прецедент, прекрасно отражающий все особенности новой системы судейства. По логике, Асада должна была получить гораздо более высокие оценки, поскольку тройной аксель для женского катания означал по тем временам примерно то же самое, что четверной прыжок для мужского. То есть совершенно революционный элемент и безусловное новаторство исполнителя. Но баллы никак этого не отразили.

Был и другой аспект, который прекрасно сформулировал один из лучших в мире тренеров одиночного катания Валентин Николаев.

– Сколько бы компьютеров ни стояло на линии, все равно главную роль играет человеческий фактор, – сказал он мне. – Не важно, насколько честен сидящий за столиком арбитр, все равно он оценивает прежде всего свое впечатление от катания, а не само катание.

На практике это означало следующее: все без исключения выступления Юны Ким, которые предшествовали Олимпиаде, убедили судей в том, что кореянке нет равных по обе стороны океана. В предолимпийском сезоне фигуристка трижды превышала рекордный для женского катания результат и довела его до фантастического по тем временам уровня – 76,28 балла. В

программах кореянки не было ни одного прыжка, который заставлял бы ее чрезмерно нервничать и тем более рисковать. Соответственно, катание в целом выглядело более размашистым и одновременно плавным. На этом фоне все прыжковые элементы выглядели солиднее, чем у соперницы.

А вот олимпийская короткая программа Асады, поставленная на музыку из балета Арама Хачатуряна «Маскарад», успела запомниться по ходу сезона разве что непрерывной борьбой спортсменки с тройным акселем, который никак не хотел ложиться в программу, и множеством нареканий в адрес самой программы, которую успели посчитать совершенно неподходящей и слишком взрослой для юной японки. Публике и судьям надо было дождаться Игр и совершенно фантастического проката в Ванкувере, чтобы убедиться, что программа Мао способна до такой степени заиграть всеми красками. Но, увы, это уже не имело никакого значения: заранее сложившееся мнение в пользу Ким оказалось сильнее. Она и получила весомое преимущество уже на старте.

Было ли это справедливо? Наверное, все-таки нет. По сути, Асада двумя своими тройными акселями в произвольной программе и еще одним – в короткой задала тренд женского одиночного катания на много лет вперед. Тогда, правда, казалось, что уже следующее поколение одиночниц придет на взрослый лед не только с тройными акселями, но и с четверными прыжками. Но на самом деле великая японская фигуристка просто слишком сильно опередила свое время – мир сумел перепрыгнуть эту планку лишь через десять лет.

А тогда тот же самый мир не слишком задавался вопросом, чего стоили Асаде ее программы.

«Два тройных акселя в одной программе были настолько сложной задачей, что приходилось жесточайшим образом держать вес, – вспоминала ассистентка Татьяны Тарасовой Жанна Фолле, постоянно работавшая с фигуристкой в Японии. – Перед Играми в Ванкувере Мао держала этот вес вплоть до грамма. Он составлял 46,6 кг, притом что летом Асада могла весить более пятидесяти килограммов. Она сама готовила себе еду – преимущественно из риса и водорослей, а когда чувствовала, что становится совсем тяжело, мы шли с ней в Японии в ресторан и заказывали мозги краба. Это странная, ни на что не похожая субстанция дает человеку огромное количество энергии. И прямо из ресторана мы шли на тренировку…»

Сейчас уже невозможно наверняка сказать, почему у самой выдающейся и самой фанатичной одиночницы той эпохи (придя во взрослое фигурное катание в 2005-м, Мао ушла из него весной

2017-го) не случилось олимпийской победы. Может быть, дело просто заключалось в том, что Мао, мечась между разными специалистами в поисках самого лучшего, незаметно для себя упускала время, вынужденная раз за разом привыкать к новым рукам. Как бы то ни было, те несколько баллов преимущества, которые Ким получила в Ванкувере за короткую программу и которые, по сути, сделали ее недосягаемой уже после первого выступления, подломили Асаду до такой степени, что заставлять себя соревноваться она уже не смогла. Спустя два месяца Мао завоевала свой второй титул чемпионки мира, опередив кореянку почти на семь баллов, но это даже близко не могло компенсировать упущенный в Ванкувере шанс.

Глава 4
Взгляд в прошлое. Станислав Жук

Человеческая жизнь часто складывается таким образом, что спустя годы даже самые разные и вроде бы не связанные друг с другом события могут закольцовываться самым непредсказуемым образом. Не случись столь яркого сотрудничества Юны Ким с Брайаном Орсером, вряд ли в 2018 году к канадскому специалисту попросилась бы и стала его первой российской ученицей Евгения Медведева. И вряд ли сам он сумел бы стать выдающимся тренером, воспитавшим, помимо Ким, двукратного олимпийского чемпиона Юдзуру Ханю, а заодно – и двукратного чемпиона мира и семикратного чемпиона Европы Хавьера Фернандеса, если бы не собственная не удавшаяся так, как хотелось, спортивная карьера. То, что великие тренеры получаются, как правило, из неудачников, – это вовсе не расхожий штамп. К этой категории относилась, например, Татьяна Тарасова, вынужденно завершившая карьеру в 19 лет. Елена Водорезова, благодаря которой мир получил первую российскую олимпийскую чемпионку Аделину Сотникову, тоже ушла из спорта досрочно, а ее тренер Станислав Жук оставил соревновательный лед, вовремя осознав, что звездой фигурного катания он не станет.

Когда в мировом женском катании стали доминировать исключительно подопечные Этери Тутберидзе, в адрес молодой женщины то и дело начали раздаваться восхищенные возгласы: мол, она совершила в фигурном катании настоящую революцию.

Эти высказывания были не вполне корректны. Совершенно аналогичную революцию за сорок с лишним лет до появления на взрослом льду Юлии Липницкой, первой звездочки с конвейера Тутберидзе, – совершил Жук.

* * *

С Жуком мы познакомились в 1991-м на последнем чемпионате СССР в Киеве. 56-летний тренер был там просто зрителем. Ему уже никто не отдавал своих учеников, как это было двадцатью годами ранее, он в одиночестве сидел на трибуне с карандашом и блокнотом в руках и, найдя в моем лице заинтересованного слушателя, по-тренерски перейдя на ты, стал с энтузиазмом комментировать по ходу соревнований чужую

работу:

– Смотри, замечательно вращается парень. А теперь считай вращения. Их должно быть как минимум по пять на каждой ноге. Три, четыре… Пяти не было – четвертушку недотянул. Можно, конечно, засчитать, что элемент выполнен, а можно и придраться. Почему не сделать по восемь, чтобы уже ни у кого не возникало вопросов? А дорожка шагов? Здесь можно усложнить, здесь, здесь. Вот и получается, что проигрывают по собственной дури. Надеются только на то, что соперник упадет. Надо быть на голову выше. На голову!!! Если же после соревнований двое судей спорят, была у фигуриста ошибка или нет, – это вина только тренера.

Периодически меня подмывало возразить: мол, легко критиковать со стороны, когда не несешь ответственности за результат. Но в то же время я понимала, что Жук, как никто другой, имеет право так строго судить. Потому что как раз его собственные ученики всегда были на голову выше остальных.

Чего стоил фурор, который в 1977-м на чемпионате мира в Токио произвела в фигурном катании 13-летняя Лена Водорезова? Чемпионкой мира она, увы, так и не стала. Но первой из советских фигуристок сумела получить малую золотую медаль – выиграла произвольную программу, причем ее композиция была до такой степени нашпигована безупречными тройными прыжками, что зрители лишь разводили руками, не понимая, каким образом маленький ребенок блестяще выполняет то, на что не способен ни один взрослый спортсмен.

Четверной прыжок, вокруг авторства которого в фигурном катании в начале 90-х шли нескончаемые дебаты, а четырехкратный чемпион мира канадец Курт Браунинг был внесен в Книгу рекордов Гиннесса как первый исполнитель этого элемента, на самом деле первым за несколько лет до этого показал на соревнованиях ученик Жука – Александр Фадеев.

Однако в самом начале 90-х тренер остался безработным. К этому привел целый ряд примененных к нему дисциплинарных мер. Его постоянно обвиняли в слишком сильном пристрастии к алкоголю, а за два года до Олимпийских игр в Калгари в ЦК КПСС поступило письмо, подписанное двумя подопечными тренера, в котором они обвинили Станислава Алексеевича в аморальном поведении по отношению к спортсменкам. Никаких доказательств предоставлено не было, однако Жука в конечном счете все же отстранили от тренерской работы.

Однажды зимой я шла на интервью с Жуком в его московскую квартиру со смешанными чувствами. Опасалась, что не смогу

удержаться от жалости, сочувствия, задену тренера неосторожным словом. Безработный же… Почему-то была абсолютно уверена, что по вечерам тренер выходит на балкон своей квартиры и смотрит на сияющий в сумерках каток ЦСКА, где прошла почти вся его жизнь. Пыталась представить, что чувствует, возвращаясь с прогулок в пустую квартиру. Или когда включает видеомагнитофон и прокручивает пленки с выступлениями и тренировками своих бывших учеников…

И растерялась, услышав надтреснутый смех.

– Да нет у меня никаких таких чувств. Я просто трезво размышляю и вижу, что никому я ничего не должен. И одиночество не давит, тем более что я к нему стремился всегда. Например, безумно люблю музыку, но дома никогда не включаю. Отдыхаю от людей подальше – на природе. Предел мечтаний – подводная охота: целый год, бывало, ждал, когда удастся вырваться на море на недельку. Это меня и восстанавливало во время работы в спорте. Да и сейчас безработным себя не считаю. Безумно увлечен составлением таблицы элементов фигурного катания. Если с умом ее использовать, то можно добиться просто невероятных результатов: сразу видно, как построить программу, чтобы по сложности и по оригинальности близко никто подойти не мог. А если бы у меня при этом была и практическая работа…

Тренер был искренне рад моему приходу. Суетился, не по-мужски изящно накрывая стол к чаю, выставлял из шкафчика какие-то искрящиеся хрустальными гранями вазочки с конфетами, вареньем, орехами. Наконец, окинул комнату оценивающим взглядом и произнес фразу, сразившую меня наповал:

– Вы как больше любите, Лена, – в кресле или на диване?

Двусмысленность вопроса в сочетании с напряженными от журналистской неопытности нервами сделала свое дело: я зашлась в истерическом хохоте. И на нервной почве не придумала ничего лучше, как пробормотать сквозь слезы:

– Станислав Алексеевич, ну как не стыдно… С вашей репутацией…

– Ну вот, начинается, – нарочито строго отозвался он. – Хотя я давно уже ничему не удивляюсь. Когда в Японии работал, сел как-то обедать с тренером японской сборной, а он вопросительно так на меня смотрит: что пить будете? Ничего, говорю, не буду – тренировка вечером. Уже потом он мне признался, что мой же бывший ученик, который работал в Японии до меня, предупредил: Жук, мол, без бутылки за стол не садится, а потом несколько дней на лед не выходит.

– И как вы относитесь к своей скандальной популярности?

– Знаете, еще в мою бытность спортсменом моего тренера Петра Петровича Орлова как-то совершенно незаслуженно облили грязью в газете. Помню, я возмутился: давайте, говорю, ответ напишем. А он мне сказал: «Запомни, Стасик, даже плохая реклама – это реклама». И я ему за это благодарен. Именно так я и живу. Я же всегда вижу, кто за чем стоит и чего хочет добиться. Врать не стану, бывает обидно. Я страшно переживал, например, когда буквально «сломали» Катю Гордееву и Сергея Гринькова, убеждая их уйти от меня в тот момент, когда они только-только начали выходить на нужный уровень. Вполне реально могли выиграть и следующую Олимпиаду, но увы. Хотя те, кто убеждал, били именно на это: Роднина ведь ушла от меня к Татьяне Тарасовой и все равно еще дважды становилась олимпийской чемпионкой.

– Но ведь это действительно так.

– Ира длительное время работала на том фундаменте, что был создан мной для нее за долгие годы. У Кати с Сергеем такого фундамента не было.

– Кстати, если мне не изменяет память, то все ваши неприятности начались как раз с уходом Родниной и Зайцева к Татьяне Тарасовой. Именно тогда Жук из великого тренера вдруг превратился в алкоголика.

– А это самый удобный, скажу вам, способ убрать конкурента.

– Но для слухов, видимо, был повод?

– Я считаю, что это личное дело каждого – как себя вести в частной жизни. Что касается меня, то я никогда не пил во время соревнований. Потому что абсолютно уверен: состояние тренера, стоящего у бортика, моментально передается спортсмену. Волнение, кстати, тоже. Поэтому я не только не пил, но непрерывно по несколько дней – мои-то всегда выступали в трех видах программы из четырех – глотал успокоительное и снотворное. Зато после такого количества таблеток было достаточно одной рюмки, чтобы свалиться с ног.

– Это правда, что вы как-то пытались прыгнуть двойной тулуп в кабинете тогдашнего председателя Спорткомитета Сергея Павлова?

– Не пытался, а прыгнул. У нас с министром дни рождения почти совпадают, вот ему и доложили, что я свой слишком бурно отметил. Вызвали меня на ковер в присутствии всех павловских заместителей. Меня, помню, даже смех разобрал, ну и…

«А вы так сможете?» – спрашиваю потом.

Правда, после этих слов на чемпионат мира я не поехал. И, несмотря на все это, воспоминания о Павлове у меня остались самые теплые. Это был один из немногих в нашей истории

великих руководителей спорта.

– Не противно было столько лет оставаться в обстановке интриг, дрязг и сплетен?

– Ну, в Большом театре обстановка еще похлеще. А в шахматах по-другому? Я знаю одно: хорошо там, где нас нет. Другое дело, что многих такие вещи ломают. Мне же, наоборот, помогли. Я даже благодарен тем, кто лил на меня грязь: не давали застояться. Ответить-то я мог только одним – результатом. Я человек азартный, меня это заводило, но не считал никогда нужным отвечать гадостью на гадость.

– А хотелось?

– Конечно. Но, знаете ли, Бог не фраер…

* * *

За долгие годы своей журналистской работы я не раз приходила к мысли, что великие тренеры – это совершенно особенная порода людей. Первым мне сказал об этом отец, который более десяти лет проработал главным тренером в сборной СССР по плаванию. Уже на исходе его тренерской карьеры я получила редакционное задание сделать с отцом интервью и надолго запомнила его слова:

«Считается, что не боги горшки обжигают. Но чтобы подготовить олимпийского чемпиона, нужен бог. Не верю, что это способен сделать любой тренер. Таким тренером надо родиться…»

Примерно с тех времен я и стала задумываться: а что, собственно, выводит в чемпионы одного-единственного атлета или команду из дюжины равных соперников? Готовность? Уверенность в себе? Банальный фарт? И неизменно приходила к выводу: львиная доля успеха всегда принадлежит тренеру.

Тренеры-боги, которым, вне всякого сомнения, был Жук, вообще рождаются крайне редко. На первый взгляд – все они предельно жесткие, непоколебимые в собственной уверенности. Не боящиеся ни самых рискованных решений, ни ответственности за них. Отнимающие много крови и нервов как у противников, так и у самых близких людей. Но умеющие дать максимальный результат тогда, когда это больше всего нужно.

Добиваются они его как раз потому, что видят перед собой единственную цель – победить. Конфликтуют, режут по живому, где-то идут по трясине, где-то – по трупам (тоже случается), но дают результат. Всерьез и очень жестоко по отношению к себе и другим играют в игру, в которой на кону стоит такая вроде бы

маленькая и по-бытовому никчемная медалька. Но они играют. Потому что сделали эту игру жизнью.

Однако у каждого великого тренера неизбежно наступает момент, когда результат заканчивается. И достойно пережить этот период способны далеко не все. Почти всегда за внешней бравадой стоит непереносимая, нечеловеческая боль.

Пока мы пили чай, Жук периодически прерывал разговор, демонстрируя мне какие-то трофеи, добытые во всевозможных уголках мира на подводной охоте, а у меня в голове вертелся все тот же вопрос, который не давал покоя с момента нашего знакомства. В конце концов я решилась его озвучить:

– Не знаю, что думаете на этот счет вы сами, но в моем сознании не укладывается: Станислав Жук, великий тренер и… безработный тренер. Кстати, как вы относитесь к формулировке: «Станислав Жук – великий тренер»?

– Во-первых, не я об этом должен говорить, – индифферентно пожал плечами Жук. – Если вас интересует, что я сам о себе думаю, то я просто знаю, что к чему. И вполне объективно понимаю, что я сделал в своем виде спорта больше, чем кто-либо другой: только в парном катании ввел более двадцати новых элементов, мои ученики завоевали – было время, посчитал – 67 золотых, 34 серебряных и 35 бронзовых медалей на чемпионатах мира, Европы и Олимпийских играх: Жук – Гаврилов, Жук – Горелик, Роднина – Уланов, Роднина – Зайцев, Гордеева – Гриньков, Черкасова – Шахрай, Пестова – Леонович, Першина – Акбаров, Четверухин, Фадеев, Водорезова, Кондрашова. Конечно, вы можете сказать, что последние медали Родниной и Зайцева не мои… Но дело-то в другом. Победы никогда не были для меня самоцелью. Я всегда абсолютно точно знал, что, если спортсмену удается сказать новое слово в фигурном катании, он непременно рано или поздно станет первым.

– И поражения ваших учеников никогда не становились для вас трагедией?

– Это спортивная борьба, а не трагедия, – привычно пожал плечами Жук. – Вот когда Лена Водорезова – девчонка, какой в женском одиночном катании еще сто лет не будет, – вдруг подцепила инфекционный полиартрит, это была трагедия. К тому же, когда она была молодая и невероятно прогрессировала, руководство мне говорило: к чему торопиться, она свое возьмет. И Лену откровенно «продавали» на соревнованиях.

– Вы имеете в виду судейские сговоры?

– Да. Они были всегда, хотя доказать это невозможно. Разговоры-то между судьями ведутся один на один, и говорится

порой напрямую: мы вам отдадим танцы, а вы нам помогите в одиночном катании. Нельзя же, в конце концов, выигрывать все виды. И Лена так никогда и не стала первой, хотя в 77-м на чемпионате мира в 13 лет прыгала те элементы, которые иные мужчины-фигуристы не делали еще много лет.

– А надо ли это было прыгать в 13?

– А почему нет? Гибкость, координация гораздо лучше воспитываются именно в этом возрасте. К тому же я не просто бесконечно нагружал Водорезову, а строил тренировку так, чтобы организм мог восстанавливаться. Мне всегда претил лозунг, особенно популярный именно в спорте: «Победа любой ценой». Если у тренера достаточно знаний, то он никогда не пойдет этим путем…

Уже прощаясь, я рискнула задать Жуку еще один вопрос: «А если бы вдруг вам снова позвонили и снова попросили помочь. Взялись бы?»

– Сложный вопрос, – помедлив, ответил он. – Во-первых, браться за работу и фанатично пахать на старости лет, не получая за это соответствующей оплаты, просто несолидно. За два месяца работы в Японии я заработал и привез в дом больше, чем за всю свою спортивную жизнь. Мы ведь пока не привыкли к мысли, что за работу тренера надо платить. И большие деньги. Когда-нибудь к этому придем. Хотя мне уже сейчас постоянно звонят родители, просят поработать с их детьми на любых условиях. Но в данный момент у меня нет льда. Есть кое-какие планы, но о них пока рано…

* * *

Последний раз мы разговаривали с Жуком по телефону в самом конце октября 1998 года. Он позвонил сам, как звонил обычно, когда в его тренерской жизни начинали вырисовываться какие-то новые перспективы. «Ты знаешь, я опять в команде. Должен тебе сказать, что скоро удивим кое-кого. Есть одна девочка…»

Но первого ноября тренера не стало. В тот день он договорился с журналистом одной из московских газет поехать на ВВЦ – встретиться с читателями. Выглядел, по обыкновению, великолепно. По случаю «выхода в люди» надел даже костюм с галстуком. Уже потом, задним числом, очевидцы вспоминали, что, выйдя из дому, Жук вдруг зашагал очень медленно. Дошел до ближайшей станции метро, начал было спускаться вниз по ступенькам и вдруг стал оседать на пол…

Скорая помощь приехала лишь минут через 40. Приехала, чтобы констатировать скоропостижную смерть: по неизвестной причине у тренера остановилось сердце. Как потом признался один из медиков: «Если бы знали, к кому едем, поспешили бы…»

Вот так в спортивном мире стало одним великим тренером меньше.

Наверное, такова судьба многих профессионалов от Бога – оставаться непонятыми, непризнанными при жизни и очень неудобными для окружающих. Ученики Жука, с которыми мне приходилось встречаться уже после завершения ими спортивной карьеры, редко вспоминали тренера с благодарностью. Чаще повторяли иное: слишком жесток, слишком уверен в собственной правоте и непогрешимости, слишком неудобен для того, чтобы постоянно находиться с ним рядом, слишком… слишком… слишком…

Даже Катя Гордеева – совсем юная девочка, ставшая для Жука, по сути, его лебединой песней в большом спорте, как-то сказала о нем: «Мне иногда казалось, что он делает все, чтобы мы с Сергеем расстались. Сереже не нравилось то, как тренер ведет себя, а я еще не имела собственного мнения».

Советская система подготовки, несмотря на все ее недостатки, была для Жука идеальной – он мог по своему усмотрению отбирать лучших в любой точке страны, привозить их в Москву, в ЦСКА. Жук-тренер был своего рода гарантией качества, а значит – медалей. Рецепт был прост: работать так, чтобы быть на голову выше остальных в сложности, выносливости, скорости, стабильности. Чего это стоило – другой вопрос. Кто выдерживал – становился чемпионом. При этом никому не приходило в голову задуматься, чего же больше в системе Жука – золотых медалей или поломанных судеб. Медали интересовали мир больше. Все остальное было не в счет.

Очень часто со стороны и вправду казалось, что Жук-тренер был слишком жесток. Что спортсмены для него – лишь расходный материал. Он одним из первых в фигурном катании выдвинул и поставил на конвейер идею объединить в паре большого сильного фигуриста и миниатюрную партнершу. Такими были пары Черкасова – Шахрай, Пестова – Леонович, Першина – Акбаров. Правда, Черкасова, в которой Жук был склонен видеть новую Роднину, обманула надежды тренера – выросла за год больше чем на 15 сантиметров. Но до этого Жук успел шокировать публику, выставив на показательном прокате сразу две свои пары. Под музыку популярного шлягера партнеры то и дело менялись, что отнюдь не мешало им делать предельно сложные парные элементы. Потом то же самое было проделано с тремя парами.

Тогда новшество не оценили. Признавали, что задумка интересная, но, с другой стороны, индивидуальность в фигурном катании всегда ценилась выше, чем механическая отлаженность исполнения. Думал ли сам Жук, что пройдет время, и в его виде спорта на мировом уровне появится новая дисциплина – precision (или synchronized) skating – групповое катание, основанное на геометрически правильных линиях и элементах? Скорее всего, им просто двигало желание в очередной раз придумать что-то совершенно новое.

Сказанная тренером в 1992-м фраза: «Эх, если бы у меня была практическая работа!» – недвусмысленно давала понять, насколько страдает Жук без настоящего дела. Убеждая себя в том, что фанатично пахать на старости лет, не получая за это соответствующей оплаты, просто несолидно, он мгновенно согласился на это, когда его все-таки пригласили в сборную консультантом. Правда, в команде он продержался недолго. Говорили, что виной тому была все та же неисправимая слабость – алкоголь. Хотя, скорее всего, тренеру было просто скучно.

* * *

Одним из самых обиженных на Жука людей долгое время казался мне первый партнер Ирины Родниной Алексей Уланов. После Олимпийских игр 1972 года в Саппоро, уйдя – во многом по собственной инициативе – от Родниной к Людмиле Смирновой, Уланов фактически поставил крест на своей столь блистательно начинавшейся карьере. Его место рядом с олимпийской чемпионкой занял Александр Зайцев, вновь созданная пара вскоре перешла к Татьяне Тарасовой, а все более редкие воспоминания болельщиков об Уланове сводились к одному: да, катался когда-то…

С фигуристом я встречалась еще при жизни тренера – в 1993-м. Застарелая обида как на тренера, так и на прежнюю партнершу прорывалась в разговоре чересчур заметно даже спустя два десятка лет.

– То, что меня вынуждали делать на льду, очень часто казалось просто диким, – рассказывал Алексей, имевший помимо всего прочего еще и музыкальное образование. – Я категорически не приемлю, когда балетмейстер, составляя программу, берет из симфонии Моцарта три такта начала, четыре такта главной темы, восемь побочной и 25 – из финала. Это варварство. Но это сплошь и рядом практикуется в фигурном катании. Что касается Ирины, то я прекрасно понимал, что, несмотря на все наши успехи, она

никогда не сможет стать моим идеалом фигуристки. У нее был один очень серьезный недостаток. Она не слышала музыку – только ритм. И когда мы сделали «Калинку», это было в каком-то смысле ее творческим пределом. К тому же Ира совершенно открыто говорила, что после Игр в Саппоро кататься не будет. Когда я узнал об этом, то еще раз предложил Смирновой выступать вместе. Тем более что после возвращения из Японии мы поженились. Но когда Жук осознал, что произошло, нас с Людмилой, с его подачи, стремились любыми способами убрать из сборной вообще. Доходило до того, что на чемпионате мира—72, куда мы с Людмилой приехали уже будучи мужем и женой, но катались еще в своих парах, нам пытались запретить жить в одном номере. И на следующий год мы смогли поехать на чемпионаты Европы и мира только благодаря тому, что у нас были персональные приглашения от организаторов. Кстати, помните легендарный случай, который возвели в ранг подвига, когда Роднина и Зайцев катались без музыки и стали чемпионами мира?

– Да, конечно.

– Это была величайшая авантюра Станислава Алексеевича. Который просто-напросто попросил своих друзей воткнуть отвертку в магнитофон, чтобы остановить музыку!

Эта фраза выдающегося фигуриста произвела на меня, помнится, шокирующее впечатление, и я не выдержала: «Ну, знаете! Такие обвинения требуют доказательств!»

– Я слишком хорошо знаю Жука, – ничуть не смутившись, продолжал Уланов. – Он – большой профессионал, но всегда подстраховывался со всех сторон. Вспомните, как все происходило: когда музыка оборвалась, главный судья скомандовал фигуристам остановиться, а Жук кричал: «Продолжайте!» Уже потом ИСУ вынесло решение, согласно которому за неподчинение главному судье спортсмены должны быть дисквалифицированы. А тогда Родниной и Зайцеву просто предложили перекатать программу, после того как закончат выступать все остальные. А это значило, что если бы они что-то сорвали, то имели бы право прокататься еще раз.

– Но они же ничего не сорвали.

– А кто знал, что не сорвут? Перед этим-то Зайцев на чемпионате СССР простоял 30 секунд на двух ногах, когда надо было исполнять дорожку. Ну а когда уже после чемпионата мира Роднина сказала, что накануне старта видела все, что произошло, во сне, то я окончательно убедился, что их победа была спланирована заранее…

Тогда я, естественно, не знала, что после выхода улановского

интервью мне позвонит Жук и скажет: «А я ведь видел, как Алексей уронил Иру с поддержки на их последнем совместном чемпионате мира – вниз головой, просто убрав руки. Видел, но так и не смог сказать Ире об этом. Какими бы глазами она стала смотреть потом на близких людей?»

Не знала, но вновь не удержалась от сарказма в адрес Уланова:

– Точно так же, видимо, в свое время были спланированы и ваши победы с Родниной?

– Мы действительно были лучшими, – последовал ответ…

* * *

Собственно, в этой заключительной фразе была изложена суть всей работы Жука-тренера. Его спортсмены были лучшими всегда. Другое дело, что в кругу коллег далеко не все готовы были признать этот факт вслух. Гораздо более популярной была иная точка зрения: что Жук, имея неограниченный приток в свою группу свежего «материала», просто бросает людей через высоченный барьер, откуда они штабелями падают вниз, на землю. Кто выживет – тому повезло…

Считалось, что больше других выдающегося тренера должна не любить Татьяна Тарасова. Когда Роднина с Зайцевым ушли в 1974-м к ней в группу, тренеру еще не было и тридцати лет. Отношения Тарасовой с Жуком после этого испортились сразу и надолго. Маститый мэтр еще много лет не здоровался с «самозванкой».

Одиннадцатью годами позже в своей автобиографической книге «Четыре времени года» Тарасова написала о Жуке:

«Станислав Алексеевич – тренер, который, кажется, из любого может сделать чемпиона, человек, который, как никто, предан фигурному катанию. Человек, которого нельзя не уважать за то, что он вот такой, какой есть: то со зверским выражением лица, то с чрезмерной радостью и без всякой попытки выглядеть лучше перед камерой телевидения.

Не понимать и не отмечать, что Жук талантливейший тренер, может только человек, далекий от фигурного катания. Великолепно знающий технику катания, умеющий находить для себя материал – и только для себя. Предугадывающий на год, чему надо учить и, главное, как, какие мышцы накачивать, сколько часов провести в зале, с какими предметами. Сколько нужно пробегать, сколько нужно проплакать, сколько нужно выкатать, сколько нужно выстрадать. Прежде он тонко чувствовал

время, когда необходимо тренироваться вместе с ним, а когда нужно выходить на лед без него… Энциклопедические познания Жука в фигурном катании нельзя не признавать любому тренеру, даже и тому, который не любит Станислава Алексеевича.

<…> Я наблюдала за ним, еще когда была спортсменкой. Он постоянно что-то изобретал в фигурном катании, постоянно экспериментировал, не жалея спортсмена, но в первую очередь самого себя. Рассказывали, что, когда распался его союз с первым и единственным тренером Петром Петровичем Орловым, Жук себя и Нину (свою партнершу и жену) тренировал сам. Тренировал много и жестоко. Я плохо помню, как он катался, но зато прекрасно помню его первых учеников – Татьяну Жук (Таня его родная сестра) и Александра Гаврилова, которые уже в те годы катались точно как часы. А глядя на них, можно было понять, что молодой Станислав Алексеевич – незаурядный тренер. Его питомцы не срывали элементы, каждый шаг у них был отточен, движения строго параллельны. Они делали элементы, которые никто в парном катании не делал, а то, что уже было известно, они исполняли с абсолютной чистотой.

<…> Жук создал новую пару Роднина – Зайцев. И весь тренерский состав сборной сидел и смотрел их тренировки. Это было феноменально. Чувство нереальности происходившего тогда не покидает меня и по сей день. Невозможно себе представить, чтобы за такой короткий срок можно было сохранить чемпионский почерк дуэта, в котором осталась только партнерша. Мало того, сделать катание пары еще лучше – мощнее и интереснее. Первая победа Родниной и Зайцева – настоящая победа – пришла к ним не на международном турнире, а именно на том выступлении в Запорожье, когда лучшие специалисты страны увидели, что можно сделать в фигурном катании. Я помню, как Ира и Саша впервые поднялись на пьедестал – это было на европейском первенстве в Дортмунде в 1973 году, на табло горели оценки в шесть баллов, и Жук хохотал.

Я помню, как на следующий год в Братиславе, на чемпионате мира, во время произвольной программы, отключилась музыка, и композицию Ира и Саша докатывали в абсолютной тишине. Потом, когда на видеозапись наложили музыку, выяснилось, что спортсмены двигались точно в мелодию. Такое самообладание под силу только ученикам Жука. Он как скульптор лепит не только великих спортсменов, но и великие характеры.

<…> Говорят, что Жук жестокий. Конечно, он суров, но только по отношению к работе. Я не раз видела, как его ученики, правильнее сказать, его дети, по рассказам, будто бы замученные и угнетенные им, обнимали Стаса, ползали по нему, когда мы

летали вместе в самолетах (самолет, по-моему, становится самым популярным местом общения тренеров сборной) на чемпионаты и турниры. Они всегда относились к Жуку как к отцу с тяжелым характером, но единственному и родному…

Не испытывая к Жуку теплых чувств и практически не встречаясь с ним, вижу, что ему нелегко, что он страдает и мучается, и тренерский хлеб достается ему не только с потом, но и со слезой, хотя он никогда не жалуется. Впрочем, мы почти с ним не разговариваем. С ним трудно общаться: он обособленный человек, не хочет никого к себе подпускать».

* * *

За свой тренерский успех Жук заплатил сполна. Внутренним одиночеством, несложившейся семейной жизнью, кучей болячек, накопленных за годы, проведенные на льду, бессонными ночами, а лишившись работы – постоянными мыслями о том, что он никому не нужен.

Уже после смерти тренера Ирина Роднина сказала в одном из интервью:

– Есть одно золотое правило, которому меня научил Жук. Оно заключается в том, что тратить силы на интриги – пустое дело. Силы надо тратить только на труд. Пока другие интригуют, ты трудишься и добиваешься результата. Зависть, интриги всегда ведь появляются там, где ты не можешь выиграть в честной борьбе. Лидер всегда раздражает.

А еще он часто повторял: «Даже стояние на высшей ступени пьедестала почета – это потеря темпа…»

Глава 5
Елена Буянова. Ученица, тренер, жена

Возможности сделать интервью с тренером Еленой Буяновой после триумфальных для нее Игр в Сочи, где в женском одиночном катании победила Аделина Сотникова, я ждала больше месяца. Никаких проблем в том, чтобы договориться о разговоре раньше, не существовало: с Леной мы были знакомы с тех самых пор, когда я прыгала в воду, вообще не помышляя о будущей карьере спортивного журналиста, а она занималась фигурным катанием на катке по соседству и выступала под фамилией Водорезова. То есть более тридцати лет. Просто интуитивно я понимала: не стоит садиться за разговор с тренером первой российской олимпийской чемпионки, пока все впечатления и эмоции не улеглись и не отстоялись.

Ждала, как выяснилось, не зря. Иначе, наверное, никогда не услышала бы фразы: «Я ведь только сейчас начинаю понимать, что действительно стала тренером. Им меня сделала Аделина…»

* * *

Тренерская карьера Буяновой складывалась во всех отношениях нестандартно. Это был точно не тот случай, когда экс-фигурист становится к борту, потому что больше ничего не умеет: о профессии тренера Лена начала задумываться почти сразу после того, как была вынуждена оставить спорт из-за прогрессирующей тяжелейшей болезни – ревматоидного полиартрита. Но сначала она вышла замуж, поменяла фамилию, родила сына. И лишь потом вернулась на каток, хотя супруг, очень состоятельный и горячо любящий Елену бизнесмен, искренне не понимал, зачем его жене нужна вся эта тренерская нервотрепка.

Спортивная карьера Водорезовой была одной яркой вспышкой. Лена первой из советских фигуристок пробилась на пьедестал европейских первенств, демонстрируя катание, которое никак не вязалось с понятием «женское». Завоевала первую медаль (бронзу) для страны на чемпионате мира в 1983-м. Выступала на двух Олимпиадах, причем на первую – в Инсбрук – поехала в 12-летнем возрасте.

Подобной вспышкой стало и появление на международной арене одной из первых учениц Буяновой – 16-летней грузинской девочки Элене Гедеванишвили. Дебютировав в 2006-м на взрослом уровне, спортсменка сразу стала пятой на чемпионате Европы. Тремя годами позднее аналогичный фурор на своем первом чемпионате мира среди юниоров произвел 15-летний казахстанский мальчик Денис Тен. Чтобы фигуристы совершенно не «фигурных» стран с ходу попадали в первую десятку на взрослых соревнованиях – такого до этого не случалось еще никогда.

Впрочем, слово «никогда» – вообще не из лексикона Буяновой. Не прижилось как-то…

«Наверное, нельзя сравнивать мою собственную карьеру с карьерой моих спортсменов, – как-то сказала мне Лена. – Когда в 12 лет я впервые поехала на Олимпийские игры, то была материалом, из которого можно лепить что угодно. А это сложно, если у спортсмена нет выдающихся данных. Еще Жук говорил, когда я только начинала тренерскую карьеру: „Не тренируй середнячков, это – пустая трата времени“. Но у Жука была возможность тренировать самых талантливых. Сейчас же такое время, что дети выбирают нас, а не мы – их. К тому же в первые годы моей тренерской работы у меня забирали всех лучших. Родители стремились к тому, чтобы с их детьми работали специалисты с более громкими именами.

Но даже при этом я довольно быстро поняла, что упорной работой можно добиться очень высокого результата. Талантливые спортсмены обычно бывают с ленцой. Им все дается легче, быстрее, и работать им становится попросту неинтересно. Это главная беда. А другие пашут. Поэтому всех своих спортсменов я всегда старалась нацеливать на максимальный результат. С той же Гедеванишвили мы приезжали на чемпионаты Европы и мира совсем не для того, чтобы попасть в финал и на этом успокоиться. Хотя грузинская Федерация фигурного катания не скрывала, что будет счастлива даже в том случае, если Лена на этих соревнованиях войдет в число 24 спортсменок.

Мы не планировали занимать первые места, понимая, что это попросту нереально, но в то же время я готовила Гедеванишвили к максимально высокому результату. Потому что прекрасно понимала: если на чемпионат Европы приедет девочка из Грузии и станет кататься как все, начинать она будет в лучшем случае на 15—20-х позициях. Для того чтобы обогнать остальных и обратить на себя внимание, должно быть что-то большее, нежели умение спортсменки выполнять предписанные элементы. Жук нас всегда приучал к тому, что нужно быть на голову сильнее

соперников. А как иначе? Средний уровень – он и есть средний. В одной только Москве на детских соревнованиях выступают по 25 человек. И выделиться из этой массы не так просто. Если ты как все – тебя никто и не заметит. Должна быть яркость, вспышка».

* * *

Приезжать в ЦСКА к Буяновой я любила. Лена позволяла задавать любые вопросы, не пытаясь уходить от ответов. Могла сама позвонить вечером и спросить: «Слушай, тут ситуация у меня такая сложилась… Что ты по этому поводу думаешь?» И я прекрасно понимала: дело вовсе не в том, что конкретно мое мнение она как-то по-особенному ценит. А всего лишь в желании получить максимум возможной информации и, соответственно, быстрее понять, какой следующий шаг предпринять.

Все интервью с Леной начинались стандартно: она открывала дверь тренерской собственным ключом, тут же начинала метаться по комнате, включая чайник, доставая кофе и кофейные кружки, раскладывая какие-то бумаги, отвечая то на телефонные звонки, то на вопросы то и дело заглядывающих в комнату людей. Периодически она фыркала, глядя на мой диктофон:

– Да подожди включать. Сейчас присяду и поговорим спокойно.

– Как у тебя сил и энергии на все хватает?

– Когда себя преодолеваешь постоянно, подталкиваешь, то в жизни все воспринимается спокойно. Окружающие, бывает, начинают о своих проблемах рассказывать, я же понимаю, что для меня это – вообще не проблемы. Часто ловлю себя на мысли, что даже не задумываюсь о том, о чем задумываются женщины моего возраста.

– Может, это связано с тем, что у тебя была тяжелая спортивная жизнь?

– Ха! А у тебя – легкая? Она разве вообще легкой бывает?

– Наверное. Если человек не повернут на спорте.

– Ну а кто из нас не повернут? Тренер, будь он тысячу раз фанат своей работы, никогда не добьется результата, если ученик не горит таким же желанием. Это совсем маленьких детей ломать можно, заставлять их что-то делать. А с 15-летними такое уже не проходит. Я сама начала тренироваться у Станислава Жука, когда мне было немногим более десяти лет. Что может в этом возрасте понимать ребенок? Вот я ничего и не понимала. Мне просто нравилась та атмосфера. ЦСКА, компания фигуристов… Я мучилась, когда наступал выходной. Потому что совершенно не

знала, что делать. Вся жизнь на катке проходила. Хотя, если честно, вообще сначала не хотела кататься у Жука. Меня ему порекомендовали, когда он тренировал только пары. Одиночников в группе не было вообще. Только после того, как родители объяснили, что Станислав Алексеевич не собирается ставить меня в пару, я согласилась. Но даже тогда шла не столько к Жуку, сколько в группу, где катаются Роднина и Зайцев. Вместе с ними тренировались Надежда Горшкова и Евгений Шеваловский, все они были намного старше меня. Совершенно другой мир, другое поколение. На самом деле я только сейчас понимаю, как сложно было Станиславу Алексеевичу подстраиваться под работу со мной. Он же до этого вообще с детьми не работал…

В один из ранних приездов я спросила Лену, задумывалась ли она хоть раз, почему на нее обратил внимание самый великий по тем временам тренер мира. И услышала:

– Прыгучесть, наверное. Папа в высоту в молодости прыгал, сын у меня очень прыгучий и легкий. И я была такой же. А главное – помимо прыжков, я была очень «плюсовая», когда доходило до соревнований. Был период, когда я по два месяца лежала в больницах, потом месяц каталась – и ехала на соревнования. Причем не на первенство Москвы, а на чемпионат Европы или мира. К тому же тогда Жуку нужна была именно одиночница. В стране их не было, а он взялся сделать. Ему стало интересно. Как тренер я его понимаю…

Личные спортивные обстоятельства в свое время сложились совсем не в пользу Водорезовой-фигуристки. В самый разгар карьеры ей поставили страшный диагноз – ревматоидный полиартрит. Сначала симптомы никому не казались серьезными, просто иногда бывало больно держать в руках чашку или учебник. Потом на одном из сборов у 16-летней Лены заболели все мелкие косточки кисти. Когда массажист услышал, что боль давняя и постоянная, он даже не закончил массаж – сгреб спортсменку в охапку и повез в местную больницу. Там сделали анализ крови и только тогда определили диагноз.

– …Ты когда-нибудь связывала свои проблемы со здоровьем с теми нагрузками, которые приходилось переносить?

– Нет. Те, кто тренировался вместе со мной, нагружались не меньше. А кто-то, может, и больше. Так что связи нет никакой. Да и в больницах я видела множество людей, которые вообще никогда в жизни не занимались спортом. К тому же я маленькая была, поэтому все воспринималось легче. Не задумывалась о том, какие могут быть последствия. Считала, что моя болезнь – как ангина. Полежал какое-то время, вылечился – и снова всё в

порядке. Потом приучила себя постоянно что-то делать через боль. И даже закончив кататься, понимала, что двигаться необходимо. Врачи мне подобрали какие-то лекарства, объяснили, что нужно делать для того, чтобы разрабатывать суставы. Моя подруга, с которой мы познакомились как раз в больнице и дружим до сих пор, однажды сказала: «Если бы не ты, я давно бы сдалась».

– Почему тогда вообще было не уйти из спорта? Жить в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая, не думая о материальной стороне жизни, о необходимости зарабатывать. Рискну предположить, что тебе не раз говорили в семье: «Бросай ты эту работу к чертовой матери!»

– Да. Муж много раз поднимал эту тему. Особенно когда я начала выезжать со своими учениками на соревнования. Переживал. Для мужчины вообще, как мне кажется, очень тяжело, когда жена добивается успеха, когда ее имя постоянно на слуху. Я очень уважаю Сергея за то, что он дал мне возможность заниматься тренерской работой. Не каждый мужчина на это способен. Более того, я же вижу по реакции друзей мужа, что они его не понимают. Я и сама никогда не предположила бы, выходя замуж, что Сергей позволит мне работать. Тем более что сам он вырос в семье, где мама – совершенно замечательная и очень хозяйственная женщина – была образцом того, как все должно быть устроено в доме. Первое время она вообще не понимала, как ее сын со мной живет.

Мы поженились в 1984-м. Зимой была Олимпиада в Сараево, потом все фигуристы на месяц уехали на показательные выступления в Австралию. Вернувшись в Москву, я через два дня вышла замуж. И началась другая жизнь.

Самое смешное, что я вообще ничего не умела. В первый день нашей совместной жизни опрометчиво спросила, что приготовить на завтрак, имея в виду какие-нибудь бутерброды. А Сергей попросил яичницу. Помню, как стояла на кухне, не имея ни малейшего понятия, как это делать и с чего начинать. Муж даже развестись пригрозил. Когда мы стали встречаться, ему было 26, мне – 18, а что такое 18 лет для спортсмена? Вообще детский сад. Вот муж и начал всему учить. А мне понравилось учиться. Сейчас даже не понимаю, каким образом все успевала, когда сын был маленьким. У меня была четко расписана каждая минута. Были задействованы обе бабушки, дедушка. Я приезжала с первой тренировки, готовила обед, ждала сына из школы, потом дедушка вез его на тренировку, я снова уезжала на каток, вечером забирала сына, мчалась готовить ужин для всей семьи. Если из моей тщательно выстроенной цепочки выскакивало хоть одно

звено, то мгновенно рушилось все. Когда ко мне в группу попросилась Ольга Маркова, которая тогда была одной из сильнейших фигуристок страны, и я стала ездить с ней на соревнования, снова начались проблемы. Муж был категорически против моих разъездов. Не знаю, как он это пережил. Стоило мне уехать из дома, что-то обязательно происходило. Ребенок тут же заболевал. Но я как-то справлялась. Опять же благодаря спорту – умению все четко организовать. Мне кажется, что в этом отношении для нормального мужчины жена-спортсменка – идеальный вариант. Хотя все решения в нашей семье принимает Сергей. В этом плане я сразу поняла, что такое быть замужем в полном смысле этого слова. За мужем. Сергей – глава. А я – белая и пушистая как ягненок. Только на катке я ужасна. Муж один раз в жизни случайно заехал ко мне на тренировку, увидел, как я работаю, – как раз в этот момент я кого-то ругала, была в гневе, что называется. Эта картина так его потрясла, что он сказал: больше никогда в жизни на каток не приду. Долго потом успокоиться не мог: мол, что это за работа? Пришла, наорала на всех и ушла. А так по жизни я очень домашняя. Думаю, это сыграло большую роль в моей карьере: при всей своей занятости я никогда не жертвовала домом и семьей. Если бы меня поставили перед выбором, выбрала бы семью. Муж всегда это понимал, как мне кажется…

* * *

Когда в группе Буяновой появилась Аделина Сотникова, я порой думала о том, что таким образом, наверное, с человеком иногда расплачивается судьба. Дает ему в руки неограненный драгоценный камень и отстраненно наблюдает откуда-то сверху: справится человек с этим даром или нет. Первое, чему тренер научила свою новую подопечную, что высокие цели – это не подвиг, а самая что ни на есть норма.

Этому она, собственно, учила всех своих учеников. Просто вышло так, что сначала Гедеванишвили, а затем и Тен оказались вынуждены расстаться с тренером.

– Сейчас уже сердце по этому поводу не болит, – призналась мне Буянова спустя год после ухода от нее грузинской спортсменки. – А вот когда она ушла, мне вообще хотелось закончить с работой. После Игр в Турине, когда Элене стали приглашать в Грузию на всякие чествования, я понимала: происходит что-то такое, на что я не могу повлиять. Было горько, больно, обидно. Сейчас у нас хорошие отношения и с Леной, и с

ее мамой, но если в моей душе что-то умерло, то навсегда.

– Что же заставило снова прийти на каток?

– Как ни странно, муж. Я думала, что он обрадуется. А он вдруг сказал: «Другие ребята ни в чем перед тобой не виноваты». Большую роль сыграло и то, что и спортсмены, и тренеры, с которыми я работаю в ЦСКА, стали слать мне эсэмэски. Никто не звонил – боялись. Но сообщения, которые сыпались на телефон, пробирали до слез. Тренеры без всяких просьб подхватили всех моих спортсменов, продолжали готовить их к соревнованиям и просто ждали, когда я приму решение. Если бы не эта поддержка, я бы не вернулась на каток уже никогда.

– Ты отдаешь себе отчет в том, что через некоторое время с любым твоим спортсменом может повториться та же самая ситуация, что и с Гедеванишвили? – спросила я тогда Лену.

– Конечно, – ответила она. – И предпосылки были. Мир фигурного катания в этом отношении очень жесток. Желающих заполучить чужого сильного спортсмена всегда хватает.

В 2011-м, когда до Игр в Сочи оставалось чуть менее двух лет, Сотникова впервые вышла на взрослый лед, будучи уже трехкратной чемпионкой России среди взрослых. Отчасти это была вынужденная мера. Женское катание в стране находилось в столь плачевном состоянии, что в 2008 году руководство Федерации фигурного катания России пошло на небывалый эксперимент: решило допустить 12-летних Аделину Сотникову и Елизавету Туктамышеву на всероссийском уровне во взрослую компанию, чтобы они встряхнули ситуацию, подстегнули более старших. Это получилось. Однако, когда девочки получили уже законное право представлять Россию на международном большом льду, у Аделины начались проблемы роста. Водорезову же стали постоянно за глаза винить в том, что она просто задавила подопечную ответственностью. Из-за этого, мол, и срывы.

На самом деле все было не совсем так. В фигурном катании Аделина стала первопроходцем в очень многих вещах. В сложности программ, которую она сумела сохранить, став взрослой. В завоеванном после семи безмедальных чемпионатов титуле вице-чемпионки Европы – в 2013 году. В ошеломительно высокой планке, которую она для себя ставила. Во многих своих интервью Сотникова признавалась, что фигурное катание для нее отнюдь не увлечение, а работа. И делать эту работу она должна хорошо, поскольку от этого напрямую зависит возможность лечить младшую сестру – Маша родилась с тяжелым врожденным заболеванием. Ей постоянно требовались очень дорогостоящие операции в Германии, причем врачи с самого начала предупредили семью, что не могут сказать, сколько еще раз

девочке придется ложиться на операционный стол. Просто об этом знали немногие.

Периодически читая в Интернете рассуждения болельщиков о том, что Сотникова чрезмерно задавлена ответственностью и что у нее слишком слабая нервная система, чтобы добиваться серьезных успехов, я каждый раз мысленно задавала критикам вопрос: «А что чувствовали бы вы сами, ежеминутно думая о том, что от точности выполняемой вами работы напрямую зависит жизнь самого близкого и самого любимого человека в мире?»

Наверное, поэтому, когда Аделина, вопреки всем прогнозам, выиграла в Сочи личную золотую медаль, это воспринималось всеми, кто близко знал фигуристку, как высочайшая спортивная справедливость.

* * *

В том интервью с Буяновой, которого мне так долго пришлось ждать после Сочи, мне почти не приходилось задавать вопросы. Со стороны Лены это скорее был монолог человека, сумевшего реализовать заветнейшую мечту. И было уже совершенно не важно, сколько сил осталось на той олимпийской вершине, где, по меткому выражению великого гандбольного тренера Евгения Трефилова, нет даже одуванчиков, сколько потрачено нервов и пролито слез…

– Она ведь столько лет шла к этому, – негромко рассказывала мне Лена в пустой тренерской раздевалке, где мы, по-моему, впервые за все время совместной работы, закрылись на ключ, чтобы никто не мешал. – Нам действительно было очень тяжело. У нас обеих в последние два года уже начали опускаться руки. Аделина и Лиза Туктамышева в свое время очень высоко подняли планку женского катания и этим спровоцировали достаточно высокую конкуренцию. А потом вдруг почувствовали, что удерживаться на этой высоте у них самих не всегда получается. Если спортсмен, который не падал на протяжении двух лет, вдруг начинает падать, ему бывает очень сложно понять, что происходит. Я так рада на самом деле, что Аделина дотерпела, – сама ведь знаешь, сколько девочек на этапе взросления вообще сходит с дистанции.

Я много раз об этом думала, еще когда тренировалась сама. Почему одни в спорте выигрывают, а другие проигрывают? Кроме меня, у нас на катке было еще несколько спортсменок, которые точно были не хуже, чем я. А в чем-то, возможно, и лучше. Уж наверняка никто из них не работал меньше меня. Но у меня вдруг

пошел результат, а они в итоге ушли в никуда. Когда я стала работать тренером, то больше всего боялась именно этого. Что не сумею, взяв спортсмена, довести его до цели. Мне кажется, это ужасно – отдать столько сил, здоровья и уйти из спорта ни с чем. Много раз замечала, кстати, что у таких людей, какими бы успешными в другой профессии они ни становились, всю их последующую жизнь где-то очень глубоко сидит эта боль. Оттого, что ты мог добиться чего-то очень большого, но не сумел. А всего лишь как-то не так сложились обстоятельства…

Знаешь, – Буянова сделала паузу в разговоре, наливая чай, – меня, если честно, очень настораживали домашние Игры. Я слишком хорошо помнила Турин – как вся эта атмосфера родных стен полностью сломала Каролину Костнер. Поэтому старалась вообще никак не акцентировать внимание Аделины на возможных медалях. Но у нее это первое место подспудно всегда сидело в голове. У нас ведь в олимпийском сезоне довольно долго все шло наперекосяк. Когда Аделина плохо каталась на тренировках, я порой спрашивала: на что ты вообще можешь рассчитывать с таким катанием? Она же сквозь зубы мне постоянно твердила: «Я все равно выиграю эти Олимпийские игры». Думаю, что прежде всего она убеждала в этом сама себя. Знаешь, что в Сотниковой главное? У нее где-то в глубине души есть очень прочный и совершенно несгибаемый стержень. Всегда был. Она всегда знала, чего хочет. У нас была очень показательная в этом отношении ситуация. Татьяна Анатольевна Тарасова решила сделать для одной из программ Аделины новое платье, которое в день выступления оказалось неготово. Утром к нам на каток приехала портниха и стала прямо на Аделине что-то закалывать, подрезать, перекраивать. Продолжалось это довольно долго. Любая другая спортсменка уже устроила бы истерику – из-за того, что не успевает отдохнуть, а должна вместо этого стоять на ногах. Я уж не говорю о том, что вообще было непонятно: будет платье готово к соревнованиям или нет. Сотникову кто-то даже спросил тогда: не выводят ли из себя такие вещи? А она в ответ только рукой махнула. Мол, ничего страшного, надо – значит, надо.

Помимо всего прочего, с Аделиной работало очень много самых разных специалистов. Тренеры по скольжению, по общей физической подготовке ОФП, постановщики, хореограф, массажист, врач-физиотерапевт, диетолог… Наверное, это прозвучит грубовато, но все это порой напоминало мне хорошую конюшню, где коней холят, лелеют, они выходят на скачки, и шкура у них блестит и переливается, словно шелковая. Вот в таком состоянии мы подвели Аделину к Играм. А потом…

Голос Лены внезапно зазвенел и тут же упал почти до шепота:

– Сейчас я понимаю, что это была моя ошибка – заранее сказать Сотниковой, что она будет выступать в командном турнире. После чемпионата Европы, где и Аделина, и Юля Липницкая очень хорошо выступили, их лично поздравил наш министр спорта Виталий Мутко и сказал, что обе они наверняка будут в олимпийской команде. Для нас это было важно, поскольку с участием или неучастием спортсменов в командном турнире были напрямую связаны сроки их отъезда в Сочи, а значит, и весь план тренировок. Поэтому я постоянно проявляла беспокойство по этому поводу – до тех пор, пока мне не сообщили, что всё в порядке и что состав на командный турнир утвержден. Вот я и поспешила обрадовать Аделину. Но потом что-то случилось. По словам Горшкова, оставить в списке участников всего одну девочку было решением Мутко, причем сообщил мне он об этом таким тоном, что я поняла, что Горшков и сам находится в глубоком шоке. Все остальное, что до меня доходило, было из разряда слухов. Вроде бы на министра очень сильно давили некоторые наши танцевальные тренеры, которые были к нему вхожи, вроде бы он с кем-то обсуждал все это в неформальной обстановке, но между двумя совершенно противоположными решениями прошла всего одна ночь. Вечером мы с Аделиной еще были в команде, а утром я узнала, что моей спортсменки в составе уже нет. Когда я сказала об этом Аделине, то увидела, как человек, который буквально звенит от готовности соревноваться, прямо у меня на глазах превращается в пустую, сдувшуюся оболочку. Словно из нее ушла жизнь. При этом я не имела права ее жалеть. Понимала, что если допущу хоть каплю жалости, то уже никогда больше не сумею ее «собрать». Да и себя тоже. Чувствовала себя тогда до такой степени виноватой, что даже не могла смотреть Аделине в глаза. Мне казалось, что это именно я ее предала. Не предусмотрела, что ситуация может повернуться таким образом, упустила момент, не отстояла… Именно тогда у меня в первый раз резко подскочило давление…

– Что переломило ситуацию?

– Первый приезд Аделины в Сочи. Она поехала туда с нашим хореографом Ириной Тагаевой в качестве запасной перед самым началом командного турнира. Посмотрела церемонию открытия, провела одну тренировку, увидела разминку и поняла, что хочет выступать на этом льду и готова бороться. С этого момента Аделина начала переть вперед как танк. И у нас на глазах вдруг каким-то невероятным образом стало складываться все то, чему мы ее столько времени учили. На последней тренировке она каталась так, что Петя Чернышев, который ставил нам программы, сказал: «Лена, мне страшно. Что-то будет…»

* * *

После того как олимпийская чемпионка Ванкувера Юна Ким осталась в Сочи второй, мировое информационное пространство очень долго не желало смириться с ее результатом. Стрелы интернет-ненависти летели в основном в адрес Аделины Сотниковой, ставшей в Сочи чемпионкой. Одни откровенно возненавидели спортсменку – считали, что победа достигнута исключительно за счет подковерных игр, другие смотрели на ситуацию более взвешенно, понимая, что силы трех спортсменок – Сотниковой, Ким и итальянки Каролины Костнер – были примерно равны, и «домашний» перевес в пользу российской фигуристки был вполне допустим. В действительности, как это часто бывает, суть проблемы лежала вообще в другой плоскости: после двух лет перерыва Юна вернулась на лед победительницей – на чемпионате мира в канадском Лондоне оставила позади себя и Костнер, и Асаду, двух сильнейших на тот момент соперниц. Неудивительно, что весь мир и особенно корейцы жаждали продолжения невероятной истории – второй подряд олимпийской победы. Однако как раз в Сочи постоянный хореограф кореянки Дэвид Уилсон, который продолжал сотрудничать с Юной после того, как она разорвала отношения с Орсером, заметил, что дело неладно.

«Юна идеально откатала свою произвольную программу: все было в музыку, чисто, все под контролем. Но „лицо“ ушло. А с ним ушла и магия катания, – вспоминал хореограф в одном из более поздних интервью. – Особенность корейского лица заключается в том, что оно почти не отражает эмоции, глаза не приглашают вас, не заставляют сопереживать. В Торонто мы всячески развивали и поощряли в Ким именно эту особенность, но с возвращением в Корею она стала пропадать. Я продолжал поддерживать Юну, оставаясь ее хореографом, но, как бы я ни любил эту девушку и как бы ни был благодарен за возможность стать частью ее выдающейся карьеры, должен признаться, что в конечном счете ее карьера стала для меня разочарованием. В моем представлении Юна была тем грандиозным талантом, который мог бы изменить весь наш вид спорта и принести великую славу не только ей самой, но и всем нам. Но этого не случилось. Ну а если говорить о катании, прокат Юны оказался явно не лучшим с точки зрения прыжков, техники. Проблема была и в том, что Сотникова просто снесла крышу арены своим выступлением. Эти огромные великолепные прыжки, необычные позиции во вращениях, ее энергия и то, как она держала зал… Юна получила более высокие оценки за компоненты, но этого

оказалось недостаточно…»

Послеолимпийское интервью с Буяновой закончилось моим довольно безжалостным вопросом: «Если Аделина придет к тебе на каток и скажет, что больше не хочет кататься, отпустишь?»

– Ее право, – ответила после паузы Лена. – Пока она сама очень настроена на то, чтобы продолжать. Говорит, что не была еще ни чемпионкой мира, ни чемпионкой Европы и очень хочет эти пробелы восполнить. Пока же я лишний раз убедилась в том, до какой степени Сотникова – боец. Когда человек проходит через такое количество неудач, внутри него иногда что-то ломается и он просто перестает бороться. По себе знаю, как может быть тяжело, когда тебя все наперебой возносят до небес, восхищаются, а в следующую секунду ты уже летишь вниз и никого уже нет рядом.

Кто мог тогда знать, до какой степени слова тренера окажутся пророческими…

Глава 6
Аделина Сотникова. Несостоявшееся возвращение

Об уходе Сотниковой к олимпийскому чемпиону Турина Евгению Плющенко, открывшему в столице свою школу с громким названием «Ангелы Плющенко», Буянова узнала 4 апреля 2017 года, получив от ученицы эсэмэс. Это выглядело не столько неправдоподобно, сколько нелепо, причем для всех: слишком близки и доверительны были отношения Аделины с тренером все те годы, что они работали вместе. Когда я узнала об этом, в памяти непроизвольно всплыла прочитанная когда-то в женском журнале довольно анекдотичная история о том, как девушка из российской глубинки познакомилась по переписке с преуспевающим американцем, дала согласие выйти за него замуж, а приехав к жениху в Америку для церемонии бракосочетания, узнала, что он уже несколько лет делит постель с молодым темнокожим коллегой. На шоковую реакцию новобрачной незадачливый жених произнес, похоже, первое, что пришло ему в голову: «Дорогая, мы так недавно с тобой знакомы, что я просто не успел обо всем сообщить. Подумал, что наш брак – не повод менять устоявшиеся привычки».

Еще я почему-то совершенно не могла представить, как отреагирует на такую эсэмэску Буянова. Ну да, история российского фигурного катания помнит случай Ильи Кулика, посчитавшего, что тренер выполнил свою миссию и больше ему не нужен, но Илья всегда отличался резкостью в поступках – у него был крайне неоднозначный характер. А вот пережить подобный фортель от ученицы правильной, доброй и позитивной настолько, что ее, по меткому выражению Тарасовой, можно прикладывать к ранам и те будут затягиваться сами…

Если отбросить шутки в сторону, все было, конечно же, очень трагично, причем для обеих сторон – слишком многое, включая Олимпиаду, было пройдено спортсменкой и тренером вместе, в одной упряжке. Почему же тогда трещина все-таки возникла?

Возможно, дело было просто в том, что после тех триумфальных Игр все стало немножко иначе – и для Аделины, и для ее наставницы.

Пять или шесть лет спустя, разговаривая с Тарасовой о превратностях спортивной жизни, я спросила тренера, не считает ли она, что, после того как Сотникова стала олимпийской

чемпионкой, Буянова оказалась к этой новой ответственности не готова, предоставив спортсменке возможность самостоятельно принимать решения относительно собственного будущего? И что точно так же к этому оказалась не готова Этери Тутберидзе, чья спортсменка Юлия Липницкая стала обладательницей золотой олимпийской медали в командном турнире.

– На мой взгляд, Аделину не надо было отпускать, – безапелляционно ответила Тарасова. – Когда спортсмен становится олимпийским чемпионом, это накладывает на тренера особенную ответственность. В том числе – и за дальнейшую судьбу подопечного. Аделина никогда не была в самостоятельном плавании, ее просто-напросто не учили этому. Могу ошибаться, но мне кажется, что изначально Лена готовила эту спортсменку не на одно четырехлетие и не на одну победу. Просто все, что творилось после тех Игр вокруг Сотниковой, было немножко похоже на всеобщее сумасшествие. То же самое, как мне кажется, происходило и вокруг Липницкой. Когда спортсмен добивается большого успеха, вокруг него мгновенно появляется большое количество советчиков. Этот процесс обязательно нужно контролировать, но у тренера, как правило, уже не остается на это никаких сил. Вот и тогда, я считаю, ни у Буяновой, ни у Тутберидзе не было четкого плана, как строить дальнейшую работу, чтобы не выпускать ситуацию из-под контроля. К сожалению, такие вещи тренер начинает понимать всегда с опозданием…

Все последующие интервью с Буяновой и Сотниковой, с одной стороны, все больше убеждали меня в нелепости этого разрыва, с другой – убеждали в обратном – что подобное развитие событий было предрешено какими-то высшими силами. Зачем? Возможно, как раз затем, чтобы показать, сколь хрупкими и уязвимыми бывают даже самые великие люди и самые прочные отношения. И как эфемерен может быть успех, если из него выпадает хоть одна составляющая.

* * *

Когда я перечитывала тексты когда-то сделанных интервью, мне было неимоверно сложно избавиться от ощущения, что между безгранично любящими друг друга тренером и фигуристкой в какой-то момент вдруг выросла стеклянная стена, они бились в нее с двух сторон в попытке достучаться друг до друга – и не смогли этого сделать. Смешно, но даже на те интервью я ездила в ЦСКА к каждой из них по отдельности. К

Буяновой, к Сотниковой, потом снова к тренеру и снова к Аделине.

– Я ведь сразу после Олимпийских игр собиралась ехать в Японию на чемпионат мира, планировала это, – рассказывала мне спортсменка. – После Игр съездила на шоу, где полностью откатала обе свои программы – специально для того, чтобы поддерживать форму. Потом вернулась домой, возобновила тренировки, а несколько дней спустя вдруг почувствовала, что наступила резкая усталость. Видимо, позитивных эмоций, полученных после победы на Олимпийских играх, какое-то время хватало, чтобы продолжать кататься, ощущая при этом подъем. А потом они как-то враз закончились. Не хочу сказать, что у меня испортилось настроение или пропало желание тренироваться. Просто внутри образовалась абсолютная пустота.

Это очень меня напугало. Никак не могла понять, что со мной происходит. Делилась своими ощущениями с мамой, с тренером. Они объясняли, что это нормально, когда после невероятного эмоционального взлета наступает столь же сильный спад. Но все равно было не по себе. Может быть, потому, что при всей послеолимпийской эйфории я так и не смогла до конца осознать, что произошло. Слишком быстро и неожиданно все случилось. Олимпийская победа во всех отношениях изменила мою жизнь. Начиная с того, что меня везде стали узнавать. Иногда внимания бывало действительно слишком много, но… Нет. Я всегда хотела этого. С детства. Глупо, да? Но мое детское представление о счастье было именно таким: я куда-то прихожу, и все знают, кто я такая.

– Выиграв Олимпиаду, вы хоть немного колебались, прежде чем принять решение продолжать кататься?

– Сначала я хотела просто от всего отдохнуть. Ничего не делать хотя бы месяц. Не ходить на каток, не видеть лед. При этом у меня и мысли не было пропускать сезон. К тому же я быстро поняла, что целый месяц ничего не делать – это плохая идея. Особенно если отдыхать на каком-нибудь курорте в режиме «все включено». Слишком долго и мучительно придется потом приводить себя в рабочее состояние. Дело даже не в том, что фигурное катание составляло и продолжает составлять смысл моей жизни, от которого трудно отказаться. Мне всегда очень хотелось понять: что такого есть в олимпийской победе, что заставляет совсем молодых спортсменов уходить из спорта? Я ведь точно знала, когда выиграла в Сочи, что не хочу никуда уходить. И уж тем более не хочу уйти из спорта так, как сделала это Тара Липински. Хотя понять ее могу. Это очень большой груз ответственности – продолжать кататься и выступать, когда на

тебя не просто смотрят миллионы людей, но обсуждают каждый твой поступок, твою спортивную форму, твой внешний вид, твои результаты. Я все-таки постарше. А Таре, когда она выиграла Олимпиаду в Нагано, было 15 лет. Да возьмите ту же Юлю Липницкую – ей сейчас всего 16. Чуть что-то пошло не так, со всех сторон на нее посыпались упреки. Мол, Юля уже не та, что была год назад, не такая уж она и железная… А люди никогда не бывают железными. Они – просто люди. И всем нужна поддержка.

– Вы боитесь начать проигрывать?

– Нет. Более того, я прекрасно понимаю, что невозможно выигрывать все соревнования подряд. И никакая другая спортсменка этого не сможет. У всех будут и взлеты, и падения – это нормально. Главное, чтобы рядом были те, кто верит и поддерживает. Вот это действительно важно. Все остальное – ерунда…

* * *

Об ответственности говорила после Игр и Буянова:

– Мы с Аделиной долго не могли привыкнуть к тому, что приезжаем на тренировку, а на катке нас встречает оркестр. Представляете? Выходишь из машины, а на тебя со всех сторон обрушивается музыка из «Серенады Солнечной долины». Для нас в ЦСКА устраивали всевозможные флешмобы, танцы, праздники, приводили даже ряженых медведей. Аделинка сначала жутко стеснялась, но я ей сразу сказала, что нужно, напротив, постараться получить от происходящего максимум удовольствия и зарядиться позитивной энергией. Когда еще такое будет, чтобы на работе с оркестром встречали?

Другой вопрос, что нам действительно надо было решить, что делать дальше. Нужно ведь было не просто соответствовать своему статусу, но становиться лучше, а это не так просто, когда ты уже проделал огромную работу и выиграл главный титул. Вот мы и решили попробовать. Хотя далеко не все шло гладко. С точки зрения тренировочной работы у меня не было никакого беспокойства. Я видела, что Аделина находится в прекрасной физической форме, полностью в рабочем состоянии, но был целый ряд психологических факторов. Во-первых, ответственность за результат. Перед зрителями, перед судьями, перед Федерацией фигурного катания. У женщин огромная конкуренция – это тоже ни для кого не было откровением. Абстрагироваться от этой конкуренции было невозможно, поэтому я считала, что нам нужно стремиться как можно больше выступать на соревнованиях.

Но тут у Аделины случилась травма – частичный разрыв связок голеностопа…

Как именно все происходило в тот роковой для ученицы день, тренер не видела – она была на соревнованиях в другой стране с другим своим подопечным, Максимом Ковтуном. О случившемся мне рассказала тогда сама Аделина.

– Когда осенью я начала тренироваться уже в полную силу, то почувствовала, как быстро все начинает получаться. Это придало сил – сразу захотелось, чтобы побыстрее начались уже серьезные соревнования. Сезон мы открывали в Сочи, на этапе Кубка России. На этом турнире я ужасно нервничала. Возможно, сказалось то, что после Олимпиады это был мой первый старт, или просто появилась дополнительная ответственность, но ощущения перед выходом на короткую программу были просто ужасными. Внутри все сжалось в комок, и я совершенно ничего не могла с этим поделать. При этом головой я прекрасно понимала всю нелепость ситуации: я прошла в своей жизни уже столько самых разных турниров, включая Олимпийские игры, а здесь собираюсь соревноваться с детьми и при этом трясусь от волнения.

Из-за того, что у меня немного болела подвернутая нога, мы катали в Сочи облегченный вариант программы. Прыгать сложные каскады начали только в Москве, и снова я поймала себя на том, что с каждой тренировкой я чувствую себя все лучше и лучше. Наверное, в какой-то момент просто перепрыгала. И нога снова стала болеть.

Как раз тогда Елена Германовна и уехала с Максимом Ковтуном в Шанхай. У меня же по плану стоял прокат произвольной программы со всеми прыжками. То, что с ногой не все в порядке, я поняла еще на разминке и сильно растерялась. Стала думать, что, если откажусь от проката, тренеры могут решить, что я не готова его сделать. А если пойду кататься, то непонятно, что может произойти с ногой.

В общем, решила, что должна во что бы то ни стало выйти и прокатать программу. Чтобы ни у кого даже мысли не появилось, что со мной что-то не так. Вот и прокатала… Устроила себе каникулы…

В тот момент мне еще и голова сильно мешала. Сколько бы мы ни говорили, что нужно выбросить мысли о том, что ты олимпийская чемпионка, все равно это постоянно крутится в голове. У тебя золотая медаль, весь мир бурлит вокруг тебя, тебя везде зовут, приглашают. Если при этом что-то не получается, начинается самое поганое. Потому что ты не можешь даже выговориться. Ты же – олимпийская чемпионка, у тебя нет права

на ошибку. Возникает ощущение, что все вокруг тебя думают только об этом. Но олимпийские чемпионы – не роботы. У них тоже есть душа, есть тело, которое постоянно меняется. Каждый раз это новые ощущения на льду. То у тебя все болит, то ты худеешь, то поправляешься, причем это может быть вообще не связано с тем, сколько ты ешь. Мне приходилось жестко держать диету в тот период, и я утешала себя тем, что диета, разработанная для меня, состояла, по крайней мере, из еды. Я никогда не пила никаких таблеток или порошков, хотя знаю, что такие методы существуют, чтобы приостановить процесс созревания. Оно у нас и так приостанавливается – от работы. От каждодневных тренировок по семь часов в день. Если еще и не есть при этом – какой организм выдержит?

А главное, ты никогда не знаешь, как долго это будет продолжаться и с чем придется столкнуться завтра. И никто от всех этих внутренних изменений не застрахован…

Насколько сильно Аделина тогда жаждала продолжить карьеру, очень точно, хотя и в достаточно случайном разговоре, сформулировал тренер Евгения Плющенко Алексей Мишин, с которым мы как-то начали обсуждать итоги женского олимпийского финала.

«На мой взгляд, победа Сотниковой была абсолютно справедлива, хотя родные стены, конечно же, помогают, – сказал тренер. – Катание Аделины в том финале было прежде всего зрелищем. А катание той же Юны Ким было лишено такой зрелищности. Я ведь видел Юну в том году – она выступала на турнире в Загребе, куда я приезжал с Лизой Туктамышевой. Помню, меня попросили дать комментарий местные журналисты, и я долго подбирал слова – до такой степени катание кореянки мне показалось подернутым нафталином. В Сочи Юна Ким каталась хорошо, но не настолько, чтобы я мог этим восторгаться. Видно было, что это – не то. Но на прокатах в начале следующего сезона я был реально впечатлен Сотниковой – увидел, как в ней раскрылись совершенно новые и очень яркие грани таланта. И понял, что она по-прежнему хочет кататься, ей это нравится. Там был такой узел чувств, такие эмоции… Когда в спортсмене это есть, его трудно убедить оставить спорт.

* * *

Реакция фигурнокатательной публики на отсутствие олимпийской чемпионки в числе участников Гран-при послеолимпийского сезона оказалась неоднозначной. Перед

началом московского этапа чемпионской серии Сотникова приехала в Лужники на специально организованную для нее пресс-конференцию, после чего чуть ли не весь пресс-центр на полном серьезе стал обсуждать, не является ли гипс спортсменки бутафорским. Договорились до того, что никакой травмы на самом деле у Аделины нет, а есть самый что ни на есть банальный страх проиграть.

Ну а после того, как стало известно, что фигуристка, едва восстановившись после травмы, дала согласие на участие в телевизионном проекте «Танцы со звездами», народное негодование обрушилось на нее со всех сторон.

Спокойствие сохраняла только Буянова. Или, по крайней мере, старательно делала вид.

– Если бы речь шла о том, чтобы отдать в такой проект Ковтуна, я бы, наверное, подумала тысячу раз, прежде чем согласиться, но Аделина – совершенно другой человек, – говорила мне тренер. – Во-первых, я слишком хорошо ее знаю. Во-вторых, посчитала, что такой проект пойдет на пользу во всех отношениях. И в плане восстановления после травмы, и в плане хореографического развития. Плюс – постоянное нахождение на виду у зрителей, что тоже важно для фигуриста, когда он лишен возможности выступать на соревнованиях. Главное же заключалось в том, что организаторы проекта с самого начала выразили готовность максимально идти нам навстречу. Мало кто, возможно, помнит, но первое выступление на этом проекте Аделина провела вообще босиком – чтобы не травмировать больную ногу, потом танцевала в кроссовках и лишь на третий или четвертый выход надела небольшие каблучки. Все это заранее обговаривалось, как и то, что Сотникова в любой момент может покинуть проект, если вдруг начнет чувствовать дискомфорт в голеностопе.

Как тренера меня полностью устраивало то, что Аделина работает в танцевальном зале по пять часов в день, – продолжала Буянова. – В этом плане мой интерес к проекту был достаточно шкурным. Просто таким образом заполнилось ее свободное время, чтобы моя спортсменка не мучилась от безделья, сидя дома на диване. Ну а насчет того, что Аделину может испортить шоу-бизнес, я не переживала изначально. Она для этого слишком цельный человек.

Все вопросы досужих болельщиков насчет ее участия в танцевальном проекте Сотникова тогда пресекла одной фразой. Сказала:

– Когда моей сестре Маше была жизненно необходима очередная операция, найти на нее деньги нашей семье помог

фонд Чулпан Хаматовой. Я была очень благодарна тогда за помощь и не могла даже представить себе, что когда-нибудь сумею вернуть долг. Когда меня пригласили на проект, то первое, о чем я подумала, что свой гонорар за участие в проекте я смогу перевести в фонд Чулпан. Поэтому не колебалась с решением ни секунды.

Следующий сезон получился для Сотниковой неудачным. А спустя год, уже вроде бы начав очередной этап подготовки, она вдруг подписала контракт с очередным телевизионным шоу, не поставив в известность ни своего тренера, ни менеджера.

Позже она скажет мне: «Я тогда попала в очень сложную финансовую историю, потому что взяла в ипотеку квартиру в хорошем доме. Посчитала, что это правильный вариант, чтобы вложить деньги, которые я заработала. Разменяться этими деньгами, покупать машины, что-то еще или ездить отдыхать на дорогущие курорты – я не такой человек. Помимо необходимости выплачивать ипотеку было много всего еще. Просто это не для чужих ушей».

Впрочем, в тот момент Буянова уже не питала никаких иллюзий относительно возвращения ученицы в большой спорт. Косвенным подтверждением этого было приглашение в ее группу Марии Сотсковой, хотя на протяжении трех лет, прошедших после Игр в Сочи, тренер, к которой просились многие, отвечала всем одиночницам отказом.

Много позже, когда мы в очередной раз затронули все еще больную для Буяновой тему, я сказала ей:

– Признайся, ты ведь до сих пор обижена тем, что о своем уходе к Плющенко Аделина сообщила тебе, прислав эсэмэс.

– Я и не скрываю, что обижена, – ответила Лена. – Но дело не в этом. Я просто слишком хорошо знаю Аделину – может быть, даже лучше, чем она сама, чем ее мама. В каких-то вещах Сотникова, несмотря на возраст, осталась маленьким ребенком. Это вообще свойственно большим спортсменам: они свято уверены в том, что всего добиваются сами, исключительно собственным трудом. Не понимают и не хотят понимать, что результат зачастую всего лишь следствие того, что тренер много лет толкал, толкал, толкал тебя вперед, тащил на себе там, где ты не мог идти самостоятельно. Когда у нас с Аделиной началась вся эта неопределенность в отношениях, она как-то сказала: «Вам будет тяжело со мной». Я про себя усмехнулась: «Думаешь, с тобой когда-нибудь было легко?»

Мне одно время казалось, что в фигурном катании для меня уже нет ничего нового. Что никогда не будет более сложных спортсменов чем те, с которыми уже доводилось работать, и со

всеми последующими все вообще будет намного проще. А потом к тебе приходит кто-то еще, и ты понимаешь, что они все разные. Что нельзя брать человека и тупо под копирку с ним работать. Я, по крайней мере, так не умею. С каждым что-то приобретаешь, какой-то новый опыт. И сам за счет этого движешься вперед.

А насчет вернуться – все это мы уже пережили и проехали. У меня просто закончился лимит доверия. Я не стала меньше любить Аделину, она по-прежнему дорога мне как спортсменка, с которой мы прошли большой и сложный путь, но доверие к ней уже подорвано. Мы же почти не виделись в последний год из-за всех ее шоу, а тренировать спортсмена в свободное от выступлений в шоу время я никогда не стану. Поэтому как я ни старалась, у меня уже не получалось верить, что Аделина действительно хочет вернуться. И я решила, что будет неправильно продолжать обманывать в этом отношении себя и ее.

– Может быть, все гораздо проще? – продолжала я допытываться. – Может быть, Сотникова, зная твою требовательность и то, как высоко ты всегда ставишь планку, просто испугалась, что не сможет соответствовать? Согласись, не так просто в статусе олимпийской чемпионки вернуться в группу, где вовсю набирает форму уже совсем другая спортсменка и где ты каждый день будешь чувствовать собственную ущербность. Есть же, в конце концов, и самолюбие.

– Мне кажется, Аделина в глубине души действительно не смогла поделить меня с Машей, – ответила моя собеседница. – Ждала, что ради нее я брошу всех.

– И?..

– И заставлю ее кататься. Моя тренерская позиция всегда состояла в том, что спортсмен сам должен принимать решения относительно своей судьбы. Я не считаю нужным заставлять человека работать. Мое дело – помочь и научить, если сам спортсмен этого хочет. Хотя, если снова вспоминать всю эту историю, я до сих пор не уверена, что со своей стороны сделала все правильно. Не бывает так, что в разрыве отношений виноват кто-то один. Я ведь много впоследствии размышляла о том, что мне надо было, что называется, взять Аделину за загривок и продолжать тренировать, как это было все предыдущие годы. Но поскольку я совершенно осознанно не стала этого делать, то как бы своими руками отодвинула ее от себя. Считала, что бессмысленно продолжать работать с человеком, который не может сам себя заставить. Или вроде даже тренируется, а сам в то же самое время думает, что ему выгоднее вместо соревнований поехать на какое-то шоу. Но это я понимаю сейчас. А тогда у меня просто не было такого опыта.

* * *

«Незакрытый гештальт» – так называется ситуация, когда мозг раз за разом возвращается к какой-то незавершенной истории, в которой во что бы то ни стало хочется поставить точку. Именно поэтому я все-таки еще раз позвонила Аделине и договорилась о встрече. В назначенный час передо мной в кафе сидела абсолютно самодостаточная, знающая себе цену девушка, глядя на которую было совершенно невозможно представить, что совсем недавно в ее жизни что-то было не так, как она того хотела. Прежней осталась лишь абсолютно откровенная манера разговора.

– Я вообще не обиделась на Елену Германовну за то, что она взяла Машу, честно, – сказала Аделина, когда мы безо всяких предисловий перешли к той давней и болезненной для обеих сторон истории. – Понимала ведь, что мне постоянно что-то мешает тренироваться – то шоу, то «Танцы со звездами», то травма, то еще что-нибудь. А любому тренеру прежде всего нужна спортсменка, которая будет полноценно работать. Хотя… Насчет того, чтобы Елена Германовна сгребла меня в кучу и заставила кататься… Было такое желание, не стану врать. Я действительно в глубине души очень этого хотела.

– Так почему же открыто не сказали об этом Буяновой?

– Наверное, побоялась: а вдруг она откажет? С другой стороны, мне уже было 18 лет, потом 19, 20. Взрослая девочка. Елена Германовна и без того очень долго меня тянула, за что я безумно ей благодарна. Она ведь не самый здоровый человек, у нее есть свои проблемы, есть семья, есть ребята, которые только начинают чего-то добиваться, – и Маша, и Сашка Самарин, которому она тоже помогает. Дело еще и в том, что я очень люблю Елену Германовну. Мы столько лет с ней бок о бок по жизни шли. Возможно, я просто подсознательно боялась и того, что ей снова придется уделять мне очень много внимания, если я вернусь в группу, и этим я создам ей новые проблемы.

– А почему выбор нового наставника пал на Плющенко?

– Ну а к кому еще было идти? Я ведь ни с кем не обсуждала этот переход. Ни с мамой, ни с папой, ни с агентом. Пришла к Плющенко, поговорила с ним. Он не сразу дал согласие. Я и сама ни в чем не была уверена, поэтому мы договорились: сначала посмотрим, что у нас получается, а потом уже будем решать, как поступить. До этого я долгое время не каталась, физической формы не было никакой. А Женя на первой же тренировке говорит: «Давай-ка десять „пистолетиков“». И сам начинает их делать.

Я просто потеряла дар речи: человек, которому 33 года и у которого 33 шурупа в спине, штампует эти «пистолетики» один за другим, а я пытаюсь сделать один – и не могу встать – падаю. В общем, за неделю работы я стала делать «пистолетики», стала прыгать через скамейку, как это делала в 13–14 лет. Была в таком восторге, что хотелось работать еще и еще. Одновременно с этим я постоянно думала, что надо что-то решать с переходом, что это наверняка будет удар для Елены Германовны, что она вот-вот вернется в Москву с чемпионата мира и наверняка сразу же улетит отдыхать, как всегда это делала… Больше всего я не хотела, чтобы Елена Германовна узнала о том, что я катаюсь на льду у Плющенко, не от меня – доброжелателей-то в нашем виде спорта всегда хватало. Поэтому я и написала ей ту эсэмэску, в которой известила о переходе и попросила разрешения приехать на разговор. А через два дня получила серьезную травму. Причем даже не на льду – делала на вечернем ОФП серию прыжков через скамейку, скамейка пошатнулась, и я с нее слетела, подвернув ногу. Принесли лед, у меня истерика, дети перепуганные вокруг стоят, Плющенко вообще не понимает, что случилось – он в этот момент находился в соседнем зале и прибежал на мой крик.

Потом сделали МРТ – разрыв связки, месяц в гипсе…

При этом я четко понимала: к Елене Германовне, с которой мы уже договорились встретиться в ЦСКА, я с гипсом не пойду. Короче, подъехала к катку, сняла гипс, собрала в кулак всю силу воли, перекрестилась и как бы обычным шагом пошла. Видимо, слухи о травме уже распространились: мир-то у нас узкий. Во всяком случае, как только зашла внутрь дворца, все родители, кто находился в холле, во все глаза уставились на мою ногу. А я иду как ни в чем не бывало.

– Больно было очень?

– Я сильно держалась, если честно. Не знаю даже, как дотерпела. Но с Еленой Германовной мы очень хорошо тогда поговорили. Хотя все равно до сих пор тяжело все это вспоминать. Я даже в Прощеное воскресенье после той нашей встречи тренеру написала, что за все прошу прощения и всегда буду считать ее своим тренером и совершенно особенным человеком в своей жизни.

* * *

Напоминанием об истории, как маленькая российская девочка сумела положить к своим ногам мир, в 12 лет под телекамеры пообещав президенту страны, что обязательно

выиграет Олимпиаду, на катке ЦСКА остается размашистая надпись поперек льда, которая была сделана после Олимпийских игр в Сочи в честь победительницы: «Аделина». И каждый раз, когда я ее вижу, почему-то вспоминаю не триумфальный прокат 17-летней фигуристки в Сочи, а слова ее тренера, сказанные четыре года спустя:

– Сейчас уже все в прошлом. Первое время после того, как мы расстались, конечно, очень тяжело было. Садишься у борта, и над головой на стене портрет Аделины висит, и под ногами у спортсменов ее имя. Но время все лечит. Всегда…

Глава 7
Юлия Липницкая. Девочка в красном пальто

Незадолго до начала женского олимпийского турнира в Сочи ко мне подошел известный в журналистских кругах обозреватель фигурного катания из Чикаго Фил Херш. «Скажи, – попросил он, – что означает для России олимпийский успех Юлии Липницкой? Могу ли я написать, что, если она выиграет личный турнир, это можно будет сравнить по значимости с олимпийской хоккейной победой канадцев – для Канады?»

15-летняя дебютантка произвела в Сочи фурор. В командных соревнованиях она блистательно откатала обе программы, дважды показав лучший результат, и о «девочке в красном пальто» заговорили как об одной из претенденток на золото личного турнира. Причем заговорили все: слишком стремительным получился прорыв. Предыдущий сезон сложился для спортсменки неудачно – она большей частью боролась с травмами, и никому вообще не могло тогда прийти в голову, что Юля сумеет пробиться в состав олимпийской команды. Великолепное выступление сначала на чемпионате России, а затем – на чемпионате Европы, где фигуристка завоевала свое первое взрослое золото, поменяло все: на Игры в Сочи Липницкая ехала уже фаворитом.

Примерно таким же образом в 1998-м на Играх в Нагано во взрослой компании появилась крошечная в сравнении с фаворитами Тара Липински. Девочка из простой и не бог весть какой состоятельной американской семьи, которая уже в четыре года сооружала в детской комнате импровизированный пьедестал почета из пустых картонных коробок и упорно карабкалась на верхнюю ступень – постоять на вершине. Разве кто-нибудь мог тогда предположить, что спустя 16 лет светловолосая русская девочка с созвучным именем, родившаяся в год той самой Олимпиады в Нагано, будет сидеть на пресс-конференции, сжимая в кулаке свою первую взрослую золотую медаль, и рассказывать:

– Я когда была маленькая… Но это глупая история… У нас в квартире была двухэтажная кровать, и я все время стояла или сидела на втором этаже, представляла, что я на Олимпиаде, и пела гимн. Почему-то я знала, что обязательно буду на Олимпиаде…

Ну а в Сочи я ответила Хершу, что человечеству – неважно, о России или об Америке идет речь, – всегда было свойственно любить сюжеты жестоких сказок, в которых маленький мальчик или маленькая девочка борется со злыми силами и неизменно их побеждает. Вот и Липницкую, после ее неожиданного триумфа в командном турнире и потрясающих, берущих за душу программ, российские болельщики стали воспринимать как маленького бесстрашного воина, призванного спасти олимпийскую честь огромной страны.

* * *

Когда говорят, что у каждой медали есть две стороны – это как раз про Липницкую. Мир умилялся, глядя на чудо-девочку, которая в первый же сезон своего появления в юниорах в 2012 году выиграла все этапы Гран-при, включая финал, а затем и юниорский чемпионат мира. Юля прекрасно начала и следующий год, опередив в короткой программе на своем первом взрослом Гран-при в Шанхае двукратную чемпионку мира Мао Асаду, и заняла в общем зачете второе место, что расценили как сенсацию. Но первый тревожный звоночек, сигнализирующий, что все складывается не так, как хотелось бы, прозвучал уже тогда: начиная предсезонную подготовку, Юля сильно намяла ноги новыми ботинками. Для фигуриста – это едва ли не самая серьезная проблема: если намины на ногах вовремя не вылечить, они становятся хроническими и в любой момент способны оставить спортсмена, что называется, без ног. Вот и в случае с Липницкой это привело к тому, что одна за другой посыпались травмы.

Апофеозом этой черной полосы стало падение на тренировке и сотрясение мозга, из-за чего дебютантке взрослого сезона пришлось отказаться от участия в чемпионате страны. Проигрыш на юниорском мировом первенстве три месяца спустя стал следствием чрезмерно форсированной подготовки. Из-за резкого перехода к высоким нагрузкам у спортсменки защемило нерв, и выступать на том первенстве она могла лишь на обезболивающих уколах.

Все это происходило на фоне переходного возраста. Юля начала очень быстро набирать вес и стала с ним бороться наиболее доступным для себя способом – перешла с нормальной еды на белково-углеводный порошок «Сквизи», который размешивала в кефире. О том, что Юля фактически отказалась от еды, знала ее мама, знала тренер, но, как говорила по этому

поводу сама фигуристка, обе постоянно просили ее немного потерпеть: слишком близко уже была Олимпиада и слишком вероятной виделась перспектива завоевать на этих Играх медаль. Как минимум – в командном турнире.

Именно тогда, судя по всему, в организме был запущен механизм, который спустя несколько лет привел к экстренной госпитализации спортсменки с диагнозом «анорексия».

В том олимпийском сезоне мы встретились с Липницкой на подмосковном катке в Новогорске, где проходили тогда еще открытые для публики прокаты российских фигуристов. Именно там Юля впервые показала программы, которым суждено было стать в фигурном катании знаковыми.

Постановки «Не отрекаются любя» и «Список Шиндлера» – со знаменитым образом девочки в красном пальто – сделал для фигуристки Илья Авербух. За десять лет своей послеспортивной карьеры, завершившейся в 2003-м золотыми медалями чемпионата Европы и серебром мирового первенства, завоеванными в танцах на льду с Ириной Лобачевой, Илья удивительно быстро нашел себя не только как продюсер собственных шоу, но прежде всего как удивительный постановщик. Трудно сказать, кому больше повезло в этом сотрудничестве – Липницкой или самому Авербуху, но каждый раз, когда я видела поставленные для Юли олимпийские программы, неизменно думала о том, что именно Авербух, а вовсе не тренер и не мама, сделал девочку звездой первой величины, знаменитой девочкой в красном пальто. Именно Илья придумал имидж, не оставивший равнодушным ни одного зрителя.

Вряд ли фигуристка сумела бы эмоционально воплотить предложенный ей образ, не случись в ее карьере предыдущего, порядком трагического сезона. Там же, в Новогорске, она рассказывала:

«У меня ведь целый год был настоящей драмой. Сезон ведь не пошел с самого начала – с тех злосчастных ботинок. Вот я сейчас вспоминаю его – и не могу даже перечислить, что именно было наиболее удручающим – все сливается в одно громадное черное пятно. Травмы валились со всех сторон. Сначала одна, за ней – как следствие – другая, тут же независимо от этих двух – третья. И то падение на тренировке, когда я сильно ударилась о лед подбородком, было далеко не самым страшным в этом ряду. Конечно, было сложно постоянно выкарабкиваться после травм. Вроде все прошло, удалось восстановиться – и тут новая проблема. В таком состоянии очень тяжело заставлять себя что-то делать. Не хочется катать программы, потому что думаешь только

о том, что сейчас снова что-то заболит. Все было так ужасно… Не хочется даже вспоминать».

На вопрос, в чем, по ее мнению, Юля стала лучше, пережив такой неудачный для себя год, фигуристка ответила:

– Во всем. Извините, конечно…

– А извиняться-то зачем? – не поняла я.

– Ну мало ли… Вдруг это слишком нахально прозвучит? – Юля подняла на меня смеющийся взгляд. – Сами ведь наверняка помните, как это все у меня было в том сезоне: перед соревнованиями настраиваешь себя, настраиваешь, а вышел кататься, один прыжок сделал – и все остальное время либо лед полируешь, либо «бабочки» повторяешь. Я не могла нормально доехать ни одну программу. Даже во вращениях меня болтало из стороны в сторону: совершенно неудивительно, что в итоге грохнулась на тренировке. Раньше я часто пересматривала свои программы. Понимала, что у меня толком нет связок, нет сложных шагов, но есть технические элементы и вращения. И вдруг все это исчезло тоже.

– Может быть, сложности были связаны не только с травмами, но и с увеличением роста?

– Вроде никакого особого роста не было. И даже прибавки в весе не было. Хотя стоп, обманываю. В самом начале прошлого сезона я прибавила килограммов пять или шесть. В зеркало, помню, посмотрела – опа! А там уже две Юли… Привела себя в порядок только после первых прокатов. Но на тренировках, помню, было стыдно на лед выходить. Фигуристке, считаю, неприлично выглядеть толстой. И одеваться кое-как – тоже. Все-таки у нас публичный вид спорта, и надо соответственно к себе относиться…

* * *

Эта часть интервью чуть ли не обернулась для меня большой проблемой. В январе 2014-го, приехав на чемпионат Европы в Будапешт, я поинтересовалась у Тутберидзе, могу ли сделать интервью с ее подопечной после выступления. Тренер замялась: «Думаю, об этом вам лучше поговорить с Даниэлой».

С мамой Липницкой у Тутберидзе в том сезоне были свои сложности, причем настолько серьезные, что осенью, когда я приехала к тренеру на ледовый каток «Хрустальный», договорившись об интервью, Этери попросила: «Мы можем построить беседу как-то так, чтобы вообще не говорить о Юле? Поймите меня правильно, я просто не хочу рисковать. У нас

сейчас непростой период отношений с Юлиной мамой, и я очень боюсь, что она может вообще забрать дочь из моей группы и отдать ее кому-то другому».

На предложенный вариант я согласилась, в итоге мы прекрасно поговорили с тренером, разобрав по косточкам катание всех трех наиболее вероятных кандидаток на медали Сочи – Мао Асады, Юны Ким и Каролины Костнер. Заодно детально обсудили Евгения Плющенко и его шансы на успешное выступление в командном турнире. О Липницкой в том интервью не было сказано ни слова.

В Будапеште, где 15-летняя Юля стала чемпионкой, выиграв сложнейший поединок с Аделиной Сотниковой, я разыскала Даниэлу в раздевалке одиночниц и с ходу получила форменную выволочку.

– Юля не будет с вами разговаривать.

– Но почему?

– Нам очень не понравилось сделанное вами интервью, в котором вы столкнули Юлю с Елизаветой Туктамышевой.

– Юлю? С Туктамышевой? Вы уверены, что речь идет именно о моем интервью? – в шоке переспросила я.

– Более чем, – последовал ответ. – Это же вы написали, что фигуристке неприлично выглядеть толстой?

– Простите, но эту фразу произнесла в разговоре сама Юля.

– Да, но вы вынесли ее в заголовок. А Юля дружит с Лизой, у которой как раз сейчас появились проблемы с весом. И Юле уже объяснили, что раз вы сделали акцент на этой фразе, значит, хотели совершенно намеренно столкнуть ее с Лизой, поссорить. Ей пришлось за тот заголовок даже извиняться…

Воинственное настроение родительницы мне все-таки удалось нейтрализовать ценой сорокаминутного разговора в той же самой раздевалке, но запомнилось мне даже не это. А абсолютная убежденность мамы, что она гораздо лучше тренера и всех вместе взятых специалистов, работающих с Липницкой, знает, как нужно выстраивать тренировочный процесс. На мои слова: «Согласитесь, что с тренером вам очень повезло», – Даниэла отчеканила: «Не могу пока так сказать. Пока еще Этери делает много ошибок и не всегда ведет себя правильно. Но мы над этим работаем…»

Интервью с Липницкой я тогда все-таки сделала. Разговор оставил грустный осадок. Юля не скрывала усталости и как-то очень буднично рассказывала о том, что давно привыкла жить, во всем себе отказывая, что до сих пор, несмотря на победу, так и не знает, поедет ли она на Олимпийские игры, что если поедет, то считает главным для себя не командный, а личный турнир и

очень боится, что на оба выступления ей может просто не хватить сил.

«Надо просто потерпеть, – как-то очень по-взрослому сказала она. – Недолго осталось…»

Взрослость всегда отмечала в характере своей подопечной и Тутберидзе. Когда Липницкая выиграла свой первый юношеский финал Гран-при в декабре 2011-го, я спросила тренера, надо ли, на ее взгляд, давать возможность совсем юным девочкам соревноваться наравне со взрослыми.

– Мне кажется, что в таких видах спорта, как гимнастика, фигурное катание, маленьким девочкам вообще все дается легче, – ответила Этери. – Да и потом они все разные. Например, у меня в группе катается Женя Медведева, которая всего на год моложе Липницкой. Но разница между ними колоссальная. Иногда мне кажется, что она составляет не год, а лет пять или шесть. Полина Шелепень в возрасте Юли тоже была совсем ребенком. А Юля – взрослая. Во всех отношениях…

Была ли Липницкая действительно взрослой в свои 15 лет? Наверное, да. На первых же взрослых стартах она вела себя как человек, который стопроцентно осознает свою особую миссию. На одном из этапов Гран-при, где дебютантке предстояло соперничать с легендарной Каролиной Костнер, Юля чуть было не сорвала итальянке одну из тренировок, то и дело оказываясь на ее пути. Пересекала ее траекторию, кружила перед глазами, выполняя прыжки. Выглядело это настолько издевательски, что вполне могло подойти для сценария. Причем нельзя сказать, что все это Липницкая проделывала намеренно. Скорее, она просто не замечала никого вокруг себя. И глядя на происходящее со стороны, все мгновенно понимали, кто на этом льду главный.

Точно так же на чемпионате мира—1993 дебютантка взрослого сезона Оксана Баюл фактически сорвала предстартовую разминку сильнейшей американской одиночницы и фаворитки того турнира Нэнси Керриган – та была настолько выведена из себя, что так и не сумела собраться на прокат, – в результате осталась пятой, в то время как украинка стала чемпионкой. «Этому учат специально?» – спросила я тогда тренера Баюл Валентина Николаева. И услышала: «Нет, этому они учатся сами. Умение взять ситуацию на себя сидит внутри любого бойца. А кроме того, все выдающиеся спортсмены крайне эгоистичны. В жизни эгоизм не самое лучшее качество. А в спорте эгоисты – это высшая каста. Нельзя сказать, что на таких людях держится спорт, но именно благодаря им он развивается».

В нечастых интервью Липницкой периодически проскальзывала мысль о том, как важно для нее оправдывать

ожидания тренера и мамы, пожертвовавшей ради дочери работой, квартирой в центре Екатеринбурга да и вообще всей жизнью, как тяжело порой быть единственным кормильцем в семье, хотя к этому состоянию она давно уже привыкла. В том послепобедном разговоре со мной Юля вспомнила, как впервые заработала деньги на каких-то детских соревнованиях в Первоуральске, когда ей было то ли шесть, то ли семь лет.

«Деньги в конверте дали, я постоянно туда заглядывала и думала: „О-о-о! Целых триста рублей!!!“ Так счастлива тогда была. Не помню даже, что купила. Наверное, наклейки какие-нибудь».

И как-то очень по-взрослому добавила:

– Очень хотим с мамой купить свой дом. Когда нет собственного жилья – это такая головная боль…

* * *

От тренера Липницкая ушла спустя полтора года после Олимпиады. Наверное, можно было отнестись к этому событию как к абсолютно рядовому: мало ли спортсменок в сложный для себя период решают сменить наставника? Да и спорт— не крепостное право: любой волен поступать так, как считает нужным: менять тренеров, партнеров, специализацию и жизненные планы. Просто все понимали, что к Липницкой нельзя подходить со стандартными мерками.

В ноябре 2014-го Юля отправилась на свой второй этап Гран-при в Бордо. У нее не ладилось все, и комментатор одной из спортивных французских программ бесконечно мусолил тему ее неудач. Рассказывал о том, что российская одиночница, которая сумела произвести такой фурор на Олимпийских играх в Сочи, переживает не самые лучшие времена. Мол, и катается не так раскованно, как прежде, и прыгать стала хуже, что было достаточно очевидно на первом из Юлиных этапов Гран-при в Шанхае, и вообще, наверное, это в порядке вещей, когда чьи-то звезды зажигаются, а чьи-то гаснут, совсем недолго погрев болельщиков своим светом.

Подтекст угадывался без труда. Однако в контексте турнира в целом такой комментарий выглядел достаточно парадоксально. Наверное, было бы куда логичнее услышать из уст француза рассказ о совершенно потерявшемся в поисках себя чемпионе Европы—2011 Флоране Амодио, восхититься невероятным прогрессом танцевального дуэта Габриэлы Пападакис и Гийома Сизерона или порассуждать о достаточно высоких шансах

Ванессы Джеймс и Моргана Сипре в парном катании. Комментатор же предпочел говорить исключительно о Липницкой, подчеркивая тем самым, что именно россиянка, пусть и не в лучшей своей форме, является гвоздем французского турнира. Той самой приманкой, на которую и почти год спустя после Олимпиады с удовольствием готов клюнуть зритель.

После первого, причем довольно неудачного проката Липницкой на этапе Гран-при в Шанхае Этери Тутберидзе заметила в интервью, что после тяжелейшего олимпийского сезона им с Юлей просто не удалось пока набрать необходимую форму. Прежде всего – эмоциональную, когда у спортсмена появляется желание тренироваться и выступать. При этом тренер подчеркнула, что Липницкая совершенно не изменилась внутренне. И добавила: «Ей предстоит сложный сезон, в котором, возможно, будут неудачные выступления, неудачные прокаты, но она должна через это пройти и понять, что такие испытания не смертельны».

Незадолго до начала французского турнира мне довелось встретиться в Москве со Станиславой Комаровой, которая в 17-летнем возрасте выиграла серебряную медаль в плавании на летних Олимпийских играх в Афинах. Ее собственный тренер расценил ту награду как провал, из-за чего между наставником и подопечной возник достаточно серьезный и изрядно затянувшийся разлад в отношениях. Все последующие годы спортсменка металась в поисках себя из одной крайности в другую, совершенно не понимая, что с ней происходит. На этом ее спортивная карьера и завершилась. В разговоре со мной она сказала:

– Наверное, все дело было в том, что я всегда выступала для тренера, а не для себя. Боялась его расстроить, беспрекословно подчинялась всем требованиям. В свои 17 лет я, по сути, продолжала оставаться маленькой девочкой, которую некому было поддержать. Не могла посоветоваться даже с мамой: сама она прожила очень простую, хотя и тяжелую рабочую жизнь, в которой никогда не приходилось всерьез стремиться к каким-то достижениям и тем более – добиваться их. Наверное, тогда мне просто был нужен человек, который объяснил бы, что к чему. Что если уж я продолжаю тренироваться, то нельзя позволять себе терять время. Что я тренируюсь и выступаю только для себя, потому что спорт – это прежде всего моя жизнь. И что совершенно невозможно добиться успеха, если не любишь то, что делаешь.

После Игр в Сочи Липницкая попала, по сути, точно в такую же ситуацию – абсолютного непонимания происходящего. Она действительно во многом осталась той же девочкой, какой была

год назад, для которой было очень важно оправдывать чужие ожидания. Девочкой с очень узким кругом общения и завышенными целями. А на вопрос кого-то из журналистов о любви к фигурному катанию Юля однажды бросила: «С чего вы взяли, что я его люблю?»

Просто тогда все было поставлено на кон ради того, чтобы попасть в состав олимпийской сборной и выиграть медаль, причем не в командном первенстве, а в личном.

Наиболее точно в адрес фигуристки, переживающей глубочайший внутренний кризис, высказался один из известнейших спортивных менеджеров, никогда не имевший к фигурному катанию никакого отношения: «Сотникова – олимпийская чемпионка. А Липницкая – это бренд мирового масштаба. И меня как бизнесмена поражает, насколько легко от этого бренда готово отказаться российское фигурное катание».

Слова эти были сказаны за несколько месяцев до того, как информация о расставании с Тутберидзе была озвучена официально. Юля тогда переживала не самый хороший для себя период: сокрушительно проиграла чемпионат страны, в связи с чем соревновательный сезон завершился, толком так и не начавшись, была преисполнена внутренних терзаний. И именно тогда в прессу просочились первые слухи о том, что спортсменка может поменять тренера, у которого каталась с одиннадцатилетнего возраста.

Формально эта информация была достаточно быстро опровергнута сначала пресс-службой Федерации фигурного катания России, а затем и самой спортсменкой. В действительности же конфликт был, причем очень серьезный. Достаточно сказать, что он потребовал экстренного вмешательства не только высших чинов ФФККР, но и министра спорта Виталия Мутко. Вместе они сумели убедить как Юлю, так и ее тренера продолжить совместную работу – не совершать резких движений. Хотя, возможно, это было сделано напрасно и стало ненужной потерей времени.

Все стрелки тогда были переведены на Липницкую. Ей ставили в вину своеволие, невыносимый характер, неспособность ладить с окружающими и, разумеется, черную неблагодарность по отношению к тренеру, сумевшему добиться, чтобы на том турнире выступала Липницкая, а не Сотникова, а главное, сделавшему Юлию олимпийской чемпионкой в командных соревнованиях. Другими словами, поведение 17-летней спортсменки обсуждала вся страна, включая коллег Тутберидзе по тренерскому цеху и даже специалистов-психологов.

Один из них – доктор психологических наук Сергей

Петрушин – в интервью моему коллеге тогда сказал, что, на его взгляд, все, что происходит с Липницкой, – всего лишь закономерное следствие колоссальных физических нагрузок, к которым после Игр добавился еще и пресс общественного мнения. Как следствие, самооценка фигуристки стала прыгать: подниматься после побед и опускаться при поражениях. Совладать с таким прессингом в 16 лет непросто, вот девочку и начало бросать из крайности в крайность. «Все ее поведение говорит о скрытых сигналах о помощи», – добавил специалист.

* * *

Трагизм ситуации заключался в том, что за время подготовки к главному старту своей жизни и без того неширокий мирок Липницкой сузился до двух человек – тренера и мамы. Они заведовали всей ее жизнью, делая все, чтобы обеспечить Юле наилучшие условия для тренировок. При этом отношения между самыми близкими для девушки людьми оставляли желать много лучшего – они постоянно ссорились.

Сама Юля тогда невольно оказалась заложницей этих непростых отношений. С одной стороны была мама, с другой стороны стоял тренер. Жесткий, предельно честолюбивый и… внутренне неуверенный в себе. Помню, когда я впервые обратилась к Тутберидзе с просьбой об интервью в канадском Квебеке, где Липницкая впервые в своей карьере стала победительницей юниорского финала Гран-при, Этери даже смутилась: «Кто я такая, чтобы брать у меня интервью?»

Тогда я, разумеется, еще не знала, что фраза «Кто я такая?» будет сопровождать наши отношения на протяжении всех последующих лет. «Ну кто я такая, чтобы анализировать их катание?» – слышала я на просьбу дать профессиональную оценку Каролине Костнер, Юне Ким и Мао Асаде перед Играми в Сочи. «Ну кто я такая, чтобы о чем-то просить министра?» – отвечала она на мой олимпийский репортаж, где были приведены слова Мутко, что именно Этери попросила его, чтобы Липницкая выступала в Сочи в командном турнире в обоих видах программы.

Она отчаянно стремилась любой ценой выбраться на элитный тренерский уровень. Работала ради этого как проклятая, забывая порой обо всем, включая день рождения собственной дочери. И выбралась – благодаря Липницкой.

После чего Юля стала тренеру просто не нужна.

Хотя, наверное, все происходило не совсем так. Просто в какой-то момент все трое вдруг оказались на распутье, не сразу

сообразив, что рычаги, которые успешно управляли тренировочным процессом до Игр, вдруг перестали работать. В одном из интервью Тутберидзе сказала, что Юле сложно найти мотивацию для дальнейшей работы. Отсюда, мол, и все ее проблемы.

Тренер, правда, очень быстро открестилась от этих слов, списав все на журналиста, якобы неправильно ее понявшего. На самом деле фраза была абсолютно верной по сути: на фоне глобальной болельщицкой истерии и собственной популярности Липницкая совершенно не понимала, куда двигаться дальше, в каком направлении делать следующий шаг. Жесточайшая рабочая дисциплина, изматывающие голодовки в сочетании с высокими нагрузками и затворническое существование оправдывали себя, когда впереди маячила великая цель. Все-таки об Олимпийских играх, причем именно о сочинских, Юля грезила с детства. А что было делать, когда цель исчезла?

Похоже, этого не понимала и тренер. Просто признаться в этом хотя бы себе самой для молодой женщины, успевшей почувствовать вкус первого настоящего успеха, было, кажется, гораздо сложнее, чем списать тупик в отношениях на несносный характер подопечной и ее нежелание работать. К тому же неудачи Липницкой ударили по тренеру далеко не так сильно, как по самой фигуристке: после Игр в Сочи группа стала активно пополняться новыми учениками, а место наиболее перспективной, а главное, начавшей побеждать примы уже было занято другой спортсменкой – 15-летней Женей Медведевой, которая, как когда-то Юля, выиграла несколько этапов юниорского Гран-при, затем финал серии и юниорское первенство мира, после чего перешла на взрослый уровень, где тоже начала с побед.

Как раз тогда на примере Липницкой я начала задумываться о том, что у каждого тренера, даже самого талантливого, всегда есть некий список несостоявшихся учеников. Тех, кто мог, но по каким-то причинам не добился того, на что был способен. Своего рода тренерское «кладбище» – полигон, на котором оттачиваются умения, набирается опыт. Без этого, наверное, нельзя. Просто для каждого отдельно взятого спортсмена слово «кладбище» приобретает порой крайне буквальный смысл. Поэтому и возникает дилемма: либо ты уходишь к тренеру, который знает, как достичь результата или, по крайней мере, способен мотивировать тебя на то, чтобы его достичь, либо просто доживаешь свой спортивный век у прежнего наставника, уже ни на что не претендуя.

Можно ли винить Липницкую в том, что она не захотела

«доживать»? Ей и без того было тяжелее всех: олимпийский чемпион – это ведь не только титул, украшающий жизнь, но и тяжеленный крест, когда жизнь перестает складываться.

Великий борец Александр Карелин когда-то очень точно подметил, что самое страшное для любого чемпиона – быть человеком, вызывающим жалость. «Мы же, спортсмены, реагируем на жалость гораздо болезненнее, чем кто-либо другой. Нам начинает казаться, что окружающие радуются нашей слабости. Ведь все мы – люди с воспаленным самолюбием», – сказал он.

Вот и Липницкая на фоне всех своих проблем просто ушла в себя, еще больше обострив и без того колючие стороны своего характера. Все это, как очень точно подметил психолог, по сути, было защитной реакцией – внутренним криком человека, отчаянно нуждающегося в помощи.

* * *

Как раз в этот момент в жизни Юли и появился человек, ставший не только ее спонсором, но, по сути, единственным советчиком на несколько лет вперед во всем, что касалось дальнейшей жизни. Сначала он просто захотел помочь – сначала из тех самых чисто практических соображений, что было бы крайне неправильно не попробовать сохранить для фигурного катания столь раскрученный бренд. Потом, уже познакомившись с Юлей, он сказал мне: «У меня сын такого же возраста, я ему постоянно Юльку в пример ставлю – как мужественно она борется со всеми препятствиями в своей жизни. Ну и как такой девочке не помочь, не встать рядом?»

Благодаря этой поддержке удалось заключить несколько небольших рекламных контрактов, чтобы на фигуристку, уже несколько лет в одиночку обеспечивающую и себя, и маму, не давила перспектива остаться без средств к существованию: ведь девятое место, которое Липницкая заняла на чемпионате России год назад, означало, кроме всего прочего, что ФФККР совершенно не обязана продолжать финансировать ее дальнейшую подготовку.

А потом Юля стала буквально вгрызаться в работу, используя все открывшиеся перед ней возможности. Благодаря специально приглашенному тренеру по спецподготовке она заметно прибавила в мощности катания и выносливости, поставила прекрасные программы, специально ради этого съездив летом вместе с Тутберидзе в американскую школу Марины Зуевой в США. Работала там с самыми разными специалистами, в том

числе по танцу и актерскому мастерству, много читала, учила язык.

И продолжала думать о смене тренера.

Задача при поиске наставника была непростой – находиться в США у той же Зуевой без мамы (и уж тем более уехать туда тренироваться на весь сезон) Липницкая не могла: возраст не позволял приобрести машину и сесть за руль. В России же все упиралось в то, что было совершенно невозможно найти свободного тренера, у которого имелся бы лед, но не было сильных, уровня Липницкой, учениц. Который мог бы полностью сосредоточиться на работе с новой подопечной и при этом справиться с ее характером: не заставлять безропотно идти за собой, а сделать так, чтобы Юля захотела этого сама. Таким человеком стал олимпийский чемпион Лиллехаммера Алексей Урманов, к которому Юля уехала в Сочи.

Поначалу все казалось совершенно безоблачным. К работе с фигуристкой привлекались самые разные специалисты: лето следующего сезона Липницкая вместе с Урмановым провела у знаменитого швейцарского фигуриста Стефана Ламбьеля, причем оба тренера отмечали, что Юля начинает понимать, что именно пытается показать на льду, пытается анализировать свое катание, а главное – она по-настоящему полюбила кататься, хотя еще за год до этого на все вопросы колко отвечала: «Что там вообще можно любить-то, в этом фигурном катании?»

Но в ноябре, ровно через год после начала совместной работы с новым наставником, случилось ЧП – во время исполнения произвольной программы в рамках домашнего этапа Гран-при в Лужниках Юле свело судорогой ноги, и она не сумела завершить прокат.

Первой тогда забила тревогу Татьяна Тарасова, заметив, что судороги на льду – первый признак тотального обезвоживания организма, что часто бывает, когда спортсмены начинают бороться с лишним весом, почти полностью отказываясь от пищи.

Тогда на слова тренера мало кто обратил внимание. А через полтора месяца стало известно, что Липницкая находится в израильской клинике, куда поступила с диагнозом «анорексия».

Выписали спортсменку только в последних числах марта. С категорическим запретом врачей возвращаться к прежней жизни.

* * *

Официальное заявление Юли о завершении карьеры в связи с перенесенной анорексией было обнародовано пять месяцев

спустя. Разговаривать с прессой сразу после выписки из клиники фигуристка была просто не готова: вердикт врачей отнял у нее единственную профессию, которой она владела в совершенстве. В связи с полным отказом от физических нагрузок во время лечения Юля заметно набрала вес и даже приблизительно не представляла, что делать дальше.

Самое тяжелое заключалось, пожалуй, в другом: за те два года, что прошли после Игр в Сочи, Липницкая перестала быть центральной фигурой женского одиночного катания, его сутью и смыслом. Будь она в России единственной топ-одиночницей, какой была в свое время Ирина Слуцкая, вполне возможно, что проблемы, которые почти сразу после Игр стали возникать у фигуристки вне льда, привлекли бы гораздо больше внимания со стороны и Министерства спорта, и руководителей Российской федерации фигурного катания. Ведь если называть вещи своими именами, Липницкая просто расплатилась собственным здоровьем за все то, что предшествовало Олимпиаде. И прежде всего за жесточайшие меры, направленные на торможение физического развития.

То, что такие меры предпринимались, знали все, об этом в интервью неоднократно говорила сама Юля, но ее результаты продолжали расти, а значит, не было никаких поводов для беспокойства. Тем более что рядом со спортсменкой непрерывно находились две взрослые женщины, одержимые желанием увидеть Липницкую на высшей ступени олимпийского пьедестала.

* * *

Вся эта грустная история – по сути, поиск ответа на один-единственный вопрос: стоит ли личная олимпийская победа, так, кстати, и не достигнутая Липницкой, тех жертв, что были принесены ради нее юной девушкой, фактически ребенком. Не слишком ли высока плата за достижение даже не своей, а прежде всего материнской цели?

Вполне возможно, что эти вопросы Юля и сама задавала себе не один раз. Ей понадобилось много времени, чтобы решиться снова выходить на лед в театральных ледовых шоу, хотя гораздо больше удовольствия спортсменка, судя по всему, получала не от них, а от работы в собственной школе, где отводила душу, возясь на льду с маленькими детишками. Она пробовала комментировать соревнования, и тоже удачно, получила высшее образование. Чуть позже появился близкий человек, намерения

создать семью, свой собственный, отдельно от мамы, дом. Неизменным осталось лишь желание не вспоминать ни о чем, что когда-то было так или иначе связано с тренировками, с победами, с маленькой девочкой в красном пальто. Никогда больше не вспоминать…

Глава 8
Профессор и его женщины. Mishin Possible

На проходившем в Москве чемпионате Европы—2018 Алексей Николаевич Мишин, конечно же, должен был сидеть в зоне слез и поцелуев, когда Каролина Костнер совершила сенсацию, выиграв малую бронзу в короткой программе. То, что российского тренера там не оказалось, выглядело вопиющей несправедливостью, ведь именно ему итальянская фигуристка была обязана своим триумфом и возвращением из небытия. И поверьте, в этой фразе нет ни капли преувеличения. Но Мишина, тем не менее, рядом со спортсменкой – в уголке слез и поцелуев, где фигуристы традиционно ожидают оценки, – не было: успеху Каро радовались под прицелом камер совсем другие люди.

Предыдущим летом я ненадолго заезжала к Мишину в Куршевель. Наставник в третий раз подряд проводил во французских Альпах тренировочный сбор, и первой, кого я увидела на льду, придя на тренировку, была как раз Каролина Костнер. Итальянка и раньше довольно часто обращалась за помощью к именитому российскому специалисту, не скрывала, что во многом обязана ему своим победным сезоном—2011/2012, когда выиграла и европейское, и мировое первенство, но их прежняя совместная работа носила скорее консультативный характер – не была постоянной. Когда в Куршевеле я поинтересовалась у Мишина, не является ли присутствие Костнер на льду всего лишь случайным совпадением (мало ли кто может заглянуть на общественный городской каток?), тренер ответил:

– Нет, это не совпадение. Каролина с некоторых пор приезжает ко мне постоянно. Была на сборах в Тарту год назад, затем в Петербурге. Сейчас вот приехала сюда, и могу сказать, что она моя самая дисциплинированная, самая умная, самая мотивированная и исполнительная ученица.

– А вам не обидно, что самая умная, дисциплинированная и исполнительная ученица у вас иностранка? – не удержалась я от вопроса. В ответ услышала:

– Видите ли, в чем дело: когда ты готовишь ученика к высоким результатам, у тебя несколько теряется ощущение его национальной принадлежности. Важным становится другое: наличие в группе такой фигуры, какой раньше у меня был Женя Плющенко, до него Алексей Ягудин, а сейчас Каролина Костнер, –

это очень неплохо для группы, для общей рабочей обстановки. Каролина подает пример всем, и все – я каждый день вижу это – внимательно к ней присматриваются: как она тренируется, как разминается, как относится к режиму. А во-вторых, если посмотреть на эти вещи глобально, то наш российский спорт сейчас находится в каком-то очень странном положении. Он везде дискриминирован. И мне кажется, что именно сейчас очень важно общаться с иностранными коллегами, иметь с ними нормальные профессиональные отношения. Каролина мне рассказывала, например, что итальянские специалисты работали с российской сборной по биатлону, в других видах тоже есть подобные примеры. На мой взгляд, это очень сильно идет на пользу российскому спорту.

Костнер, которая отбыла после Игр в Сочи 16-месячную допинговую дисквалификацию (фигуристка была наказана за то, что не донесла на своего бойфренда Алекса Швацера), Мишин, по сути, подобрал в тот момент, когда от 29-летней спортсменки отказалась ее собственная федерация. В Куршевеле тренер рассказывал:

– За те почти полтора года, что Каролина не имела возможности выступать, ее финансовое положение рухнуло в ноль. Как бывает в стране, не только в нашей, на нее обрушились все санкции сразу. Она потеряла финансовую поддержку спонсоров, рекламные контракты. К счастью, у Каролины имелось второе образование и профессия – она стала работать надсмотрщиком в тюрьме. Сказала мне как-то, что, если бы она не была служащей полиции, все могло сложиться для нее еще хуже, потому что за допинговые нарушения в Италии предусмотрена тюрьма. При этом Костнер постоянно находила возможность кататься. Если заступала на дежурство в семь утра, то к шести приходила на соседний каток, чтобы никто ее не увидел. Только сейчас она стала получать какую-то мизерную поддержку от федерации. Знаю, что ей оплатили костюмы. А к прошлому сезону она шила костюмы за свой счет. И ездить ко мне на сборы продолжает за свой счет…

Словно предугадав мой следующий вопрос, тренер добавил:

– Знаю, что и сейчас Каролина находится в довольно стесненном финансовом положении. Она, возможно, и хотела бы, но не имеет возможности платить за тренировки.

– Вы сами это поняли или она вам сказала, что не в состоянии платить?

– Такие вещи всегда чувствуются. Когда Костнер впервые попросила разрешения хотя бы на несколько дней приехать ко мне на сбор в Тарту, я сказал тогда менеджеру спортивного

лагеря, что Каролина – украшение нашего сбора, и попросил, чтобы с нее вообще не брали денег. Потом в Питер приезжала менеджер итальянки, спрашивала, нельзя ли ей приехать ко мне еще раз хотя бы на несколько занятий. Я дал согласие. Вот так Каро оказалась в наших пенатах. Работать интересно еще и потому, что мне еще не приходилось встречать столь творческого подхода к моей методе. У Каролины сильно развито художественное видение мира, я бы сказал. В своих программах она изысканно точна. И исключительно трудоспособна, что гораздо важнее. Такие спортсмены побеждают не за счет двигательного дара или каких-то особенных методов тренировки, но прежде всего за счет колоссальной собственной работы. Я по-прежнему не беру с Каролины денег. Для меня работа с ней – челлендж, вызов самому себе.

Оценивая первоначальное состояние Костнер, Мишин признался, что работать с фигуристкой он стал без какой бы то ни было надежды восстановить наиболее сложные тройные прыжки – лутц и флип.

– Посмотрите, – говорил мне вполголоса тренер, стоя у борта в Куршевеле. – Когда Каролина приехала в первый раз, то даже каскад сальхов-тулуп делала еле-еле. Сейчас она уверенно исполняет все прыжки, включая лутц, и выполняет этот прыжок лучше всех. Я даже боюсь говорить это вслух, и, конечно же, Каролина пока сильно уступает в надежности нынешним лидерам женского катания, но, если объективно говорить о качестве элементов,

тройной лутц или тройной флип у Костнер один из лучших. Амплитуднее, выразительнее, выше. В чем ее подвиг? Она абсолютно перестроила свою технику, работала над этим совершенно фанатично. Я подвел ее под все свои упражнения, подарил жилет со свистулькой. В конце каждого занятия она по пятнадцать минут в нем работает – свистит. Внутри жилета расположены специальные датчики, которые издают звук. Есть свист – значит, ты все делаешь правильно, свиста нет – ошибка.

Кроме этого я когда-то, еще во времена Алексея Урманова, ввел систему обязательного письменного анализа тренировки: сколько прыжков ты сделал, сколько не сделал. Смысл в том, что человек после тренировки смотрит на цифры и сразу видит эффективность проделанной работы. Даже когда Костнер катается дома в Италии или работает в Торонто с хореографом Лори Никол, которая в этом сезоне поставила Каролине обе программы, она после каждой тренировки шлет мне эсэмэски. И сама высчитывает процент удачных попыток. Эффективность тренировок у нее невероятно высока…

Не сказал тогда Мишин только об одном: с головой погрузившись в работу с итальянкой, он заставлял себя не думать об очень больной для себя теме. Лиза Туктамышева, ставшая после ухода Евгения Плющенко основной ученицей великого наставника, переживала не самые лучшие времена в своей карьере, хотя в 2015-м, после того как его ученица триумфально выиграла чемпионат мира в Шанхае, Алексей Николаевич сказал:

– Думаю, Лиза сейчас и сама понимает, что в какой-то ситуации способна проиграть, но этот проигрыш может оказаться только случайным.

Он ошибался…

* * *

Когда-то, еще работая с Урмановым, Мишин сказал: «Тренер всегда должен видеть конечную задачу, goal, как говорят американцы. А она в спорте одна – выиграть. Вот я прежде всего думаю, что, во-первых, моя программа должна быть безупречной технически, чтобы спортсмен мог с ней победить. Во-вторых, она должна быть предельно удобной для фигуриста, чтобы он мог выполнить ее так, чтобы победить. В-третьих, программа должна понравиться судьям, чтобы они оценили ее максимально высоко и спортсмен, опять же, мог победить».

О том, как обстоят дела у Костнер, он сообщил:

– Произвольная программа на музыку Дебюсси изначально была предложена Каролиной: она предварительно советовалась со мной, и я сказал ей: «Делай». Мы как раз рассуждали о том, что победить соперниц можем не красотой, изяществом или чем-то в таком духе. А только одним – более глубоким философским видением музыки и катания. В этом с Костнер не может сравниться ни одна из ныне выступающих фигуристок. А все остальное – дело техники. Мы, например, несколько переделали дорожки, когда я увидел, что в том, что уже поставлено, нет того сочетания элементов, которое положено иметь топ-фигуристу, чтобы соответствовать правилам. Каролина – максималистка, и у нее иногда случаются такие чисто максималистские загибы. Например, когда мы работали над прыжками и уже восстановили лутц, она предложила сделать выезд из прыжка максимально сложным, загорелась этой идеей. Пришлось объяснять, что даже очень сложный выезд не является для фигуриста решающим. А вот упасть с прыжка – это катастрофа. Она дня три думала над моими словами, потом согласилась: «Пожалуй, вы правы…»

Я же в тот момент думал о том, что, если она хотя бы выедет

из тройного лутца, а кроме этого сделает два флипа и риттбергер или два риттбергера и сальхов, по сложности это будет практически такая же программа, как у лидеров. Мы делаем в первой половине два прыжка, остальные стоят сзади. Если все сложится, Каролина вполне может выглядеть на льду «богаче», чем ее соперницы.

На вопрос, вызывает ли у него приближение Олимпийских игр какое-то дополнительное волнение, Мишин ответил:

– Надо просто работать. Адреналин должен быть у спортсмена, а не у тренера. Если поддаться эмоциям, это может породить ложные шаги. А тренер должен просчитывать риски, причем делать это, может быть, даже приземленно. Не впадать в крайности при выборе программ, при выборе нагрузок.

Когда начался нынешний соревновательный сезон, Костнер дважды стала второй на этапах Гран-при, отобралась в финал серии, чего в прошлом сезоне по понятным причинам не удалось, стала там четвертой, показав в произвольной программе третий результат и меньше двух баллов уступив серебряному призеру – Марии Сотсковой.

Тогда же итальянская федерация стала оформлять Мишину документы для поездки на Игры в Корею. Но на чемпионат Европы итальянка внезапно приехала со своим прежним наставником – Михаэлем Хутом.

Внешне все выглядело вполне пристойно. Свое возвращение из Питера в Оберстдорф спортсменка объяснила тем, что в этом крошечном городке, где прошло много лет жизни, ей просто комфортнее тренироваться.

«Мне нужно было больше времени проводить с семьей, поэтому я приняла предложение тренироваться у Михаэля», – сказала она в Москве, заметив, что Мишин по-прежнему остается в ее команде, хоть и не поедет в Пхенчхан.

Комментируя для прессы решение ученицы, российский тренер заметил, что в ситуации нет ничего такого, что могло бы быть интересно журналистам: мол, в Оберстдорфе у Каролины дом, семья, привычное питание, сложившийся круг общения и жизненный уклад. Тем не менее наставника это задело. После короткой программы одиночниц, где Костнер с гроссмейстерским результатом 78.30 стала третьей, – набрав почти на шесть баллов больше, чем год назад, и всего на 0,27 меньше, чем двукратная чемпионка мира Евгения Медведева, – я позвонила Мишину в Санкт-Петербург.

– Каролине действительно было непросто тренироваться в России, – сказал тренер. – Жила она в гостинице, там же сама себе готовила. Просто когда она пришла ко мне в плачевном

состоянии, то была готова вытерпеть все что угодно. Сейчас мы восстановили все: технику, прыжки, уверенность, – Костнер снова конкурентоспособна на самом высоком уровне, и это признают все. Возможно, она посчитала, что в ее нынешнем состоянии я нужен ей уже не так сильно, как прежде. Или же просто подчинилась решению итальянской федерации. Но я на нее не в обиде. В конце концов, два года работы Костнер по моей системе – это лучший показатель эффективности этой системы.

* * *

Разговаривать с Мишиным о его системе я всегда обожала. Эта система, по которой так или иначе тренировались почти все фигуристы-одиночники мира, такие звезды, как Алексей Урманов, Алексей Ягудин, Евгений Плющенко. Во время семинара, который тренер проводил в Америке, директор одного из американских катков Энн Эйдсон даже придумала каламбур, перефразировав название популярного боевика: MishinPossible, подразумевая, что нет в фигурном катании такой технической задачи, которую был бы не в состоянии решить российский тренер. Другой вопрос, что сам Мишин все чаще и чаще стал уходить от интервью, ссылался на нехватку времени, на то, что говорить ему особенно не о чем, и я порядком удивилась, когда осенью 2014-го, когда мы пересеклись на одном из этапов Гран-при, Мишин вдруг сказал: «Если мы поговорим сразу после соревнований, вас устроит?»

Пока я напряженно размышляла, с чем именно может быть связано внезапное благоволение к журналисту, тренер в привычно-ироничной манере добавил: «С моих плеч после Олимпиады в Сочи свалился огромный груз. Мысль понятна?»

Под грузом подразумевался один из самых знаменитых учеников Мишина Евгений Плющенко, окончательно завершивший после своей четвертой Олимпиады любительские выступления. В связи с чем наставник и получил возможность в полной мере сосредоточиться на работе с другими спортсменами. Прежде всего – с Туктамышевой.

Тогда наш разговор с тренером начался с чисто технического момента. С очевидной способности его подопечной использовать в прыжках не только собственную силу и резкость, но и скорость разбега – так, как это всегда удавалось легендарной прыгунье с шестом Елене Исинбаевой.

«Мы никуда не торопимся?» – первым делом поинтересовался собеседник. И, получив отрицательный ответ, безо всяких предисловий стал рассказывать.

– Когда я сам заканчивал кататься, мой папа – преподаватель теоретической механики – помог мне понять, что движения живых и неживых тел подчиняются одним и тем же законам физики. В то время прыжки на льду исполнялись в манере, которую когда-то фигурному катанию привил знаменитый швейцарский тренер Густав Люси. К этому его привели наблюдения за лыжниками, прыгающими с трамплина. Тогда ведь не было задачи выполнять на льду многооборотные прыжки. И именно Люси ввел в обиход прыжки с затягом – зависанием в воздухе.

Став тренером, я начал изучать тему уже гораздо серьезнее, поскольку по существовавшим тогда правилам прыжки были главным элементом мужских программ. Для начала нужно было понять: что, собственно, является более определяющим в прыжках – поступательное движение или вращательное. Тот же Карло Фасси (знаменитый итальянский тренер, работавший в США) в свое время объяснял мне, как прыгать аксель в 2,5 оборота. Утверждал, что нужно взлететь как можно выше, причем без вращения, а наверху закрутиться.

Уже тогда это представлялось мне весьма сомнительным, поскольку закрутиться в воздухе, взлетев без вращения, можно только при помощи внешней силы. В общем, я разработал собственную теорию и на ее основе создал целый комплекс упражнений. Эта метода позволила сразу рвануть вперед – с Алексеем Урмановым, Олегом Татауровым, Романом Новосельцевым и Алексеем Ягудиным, – вы же помните, какая группа была у меня в начале 90-х? Сейчас моими упражнениями пользуется весь мир, я же описал их еще в 1973 году. Эта книга выходила в китайском переводе и в японском – у меня даже есть экземпляр. Потом ее нелегально перевели немцы – сначала восточные, а потом и западные. Дело в том, что…

Мишин заговорщически понизил голос, наклонившись к моему уху, как герой в шпионском боевике, и многозначительно произнес:

– …Моя методика позволяет сохранять качество прыжков даже тогда, когда у спортсмена, в связи со взрослением, увеличивается вес и меняются параметры тела. Если, разумеется, с головой у него все в порядке.

* * *

В ходе той увлекательнейшей беседы я со смехом напомнила тренеру наше с ним самое первое интервью, которое состоялось в 1998 году и заканчивалось моим вопросом: «Почему столь

успешный тренер работает исключительно с мужчинами?» Мишин тогда ответил: «Женщина – слишком сложный для меня механизм». Предложенной темы тренер не принял. Точнее, не среагировал на нее. Зацепился за совершенно иную фразу – о том, что Лиза стала едва ли не первой девушкой в стране, которая начала прыгать абсолютно в мужской манере.

– Так ведь было не всегда, – пояснил Мишин. – Лиза не раз говорила, что до прихода ко мне прыгала как «балалайка», с высоко задранным коленом. Я же первым делом засунул ее в специальный жилет и стал учить правильно группироваться. На передней стороне этого жилета расположены датчики, которые спортсмен, группируясь, должен закрыть ладонями. Положение этих датчиков можно менять в зависимости от размеров тела. Если ты сумел закрыть датчики, раздается звуковой сигнал. Если же сигнала нет, значит, группировка выполнена с ошибкой. Понимаете, да? Тренер может до потери сознания говорить спортсмену, что тот плохо группируется, но ничего не добиться. А здесь все просто: сигнал был? Нет. Иди делай еще раз. Это важно, потому что без плотной группировки ты быстро крутиться не будешь.

Когда я только начинал работать с женщинами, мучился временами так, что вообще не понимал, что делать: утром настроишь тройной тулуп – вечером его нет. Вечером настроишь лутц – утром следующего дня опять полный развал. Я почему, собственно, в свое время взял в группу Туктамышеву? Устал работать и понимать, что вся работа идет в песок. Ну да, Лиза была страшненькая по технике, но хотя бы прыгала высоко. А когда мы начали работать, я вдруг понял, что эта девочка схватывает все, что ей говоришь, просто на лету. Что она пластична, музыкальна, с абсолютным слухом, с хорошей головой. Хотя поначалу, кроме прыжка и корявости, я не видел в Туктамышевой вообще ничего.

– Так все-таки есть разница, кого именно обучать прыжкам – девочку или мальчика? – поинтересовалась я. Мишин отрицательно покачал головой:

– Законы физики едины для всех. Другой вопрос, что женская и мужская психика совершенно различны, поэтому работать с девочками приходится несколько иначе. Ту же Лизу, когда она пришла ко мне в одиннадцать лет, пришлось переучивать. Как и Артура Гачинского, который пришел ко мне семилетним. Мы с ним еще одинарный аксель учили. Зато мои спортсмены не прыгают «по бортам» – не стараются выполнить прыжки подальше от судей, чтобы те не заметили ошибок. В этом просто нет нужды. А сейчас Туктамышева уже близка к тому, чтобы выполнить

тройной аксель. В этом плане нам мешает только необходимость выступать в этапах Гран-при.

– Вы как тренер ставите перед Туктамышевой задачу включить тройной аксель в программу в этом сезоне, зная, что прыжок, скорее всего, начнет сильно ломать всю постановку?

– Ломать… – усмехнулся Мишин. – Не ломать, а крушить. Это, к сожалению, неизбежный процесс и достаточно травмоопасный. По тренировочной готовности мы могли бы включить прыжок в программу уже осенью этого сезона. Но я все-таки посчитал, что у нас есть более важные стратегические задачи на текущем отрезке времени. – Лизе после того, как она пропустила олимпийский сезон, нужно было попадать в финал Гран-при. Форсировать подготовку ради сиюминутного эффекта мне никогда не казалось правильным. А рисковать мы не могли. Для нас ведь олимпийский год начался с того, что Лиза жесточайшим образом порвала связки левой ноги. Мы долго лечились, а когда вышли на лед, выяснилось, что кататься она не может. Потом начались боли в спине, причем такие, что Лиза ходить не могла, не то что кататься. Мне тогда многие «эксперты» говорили, чтобы я вообще прекратил возиться с Туктамышевой. Что она – отработанный материал. А сейчас мы видим, что Лиза побеждает не потому, что ошибаются соперницы, а потому, что способна выигрывать у них, как бы они ни катались. Другой вопрос, что рейтинг Туктамышевой на начало этого сезона был совсем низким, и, соревнуясь со звездой, которой в Шанхае считалась Юля Липницкая, было бы наивно рассчитывать на паритет. Мысль ясна?

– Абсолютно.

– Ну а если отбросить все сказанное, конечно же, за свои прыжки Туктамышева должна получать несколько больше, нежели любая другая спортсменка. Хотя в какой-то степени действия судей справедливы. В фигурном катании всегда так было: сначала тебя прижимают и недодают, зато потом начинают добавлять даже там, где ты не всегда этого заслуживаешь…

* * *

Если бы меня попросили придумать эмблему, которую можно было бы закрепить на фасаде мишинской ледовой школы, я бы выбрала ленту Мебиуса. Абсолютно простую внешне и абсолютно уникальную, а порой и вовсе необъяснимую с точки зрения сразу нескольких наук. Я бы даже сказала, красноречиво необъяснимую. Начиная с простейшего примера, который демонстрируют в

школах: если склеить ленту Мебиуса из бумаги и карандашом провести вдоль нее линию, пока та не замкнется в исходной точке, эта линия окажется в два раза длиннее, чем бумажный лист.

Жизненная лента Мишина, по всей видимости, устроена так же. Каким-то непостижимым образом она вбирает в себя великое множество немонтируемых на первый взгляд вещей: сложнейшие математические расчеты, переложенные на лед, и деревянный мостик в никуда, самолично спроектированный хозяином на загородной даче. Множество профессиональных публикаций, по которым уже много лет учится прыгать весь фигурнокатательный мир, и гуси с курами, гуляющие по газону в его «поместье» и исправно несущие яйца.

Когда несколько лет назад Алексей Николаевич рассказал мне, как однажды привез в чемодане из командировки лимонное деревце, воткнул его в землю и оно прижилось, я, признаться, даже не удивилась. У людей, переполненных творческой энергией, и должно все зеленеть и цвести. Рука такая.

Тогда же Мишин признался, что очень любит смотреть на все деревья и кусты, что когда-то посадил. Наблюдать, как они растут, представлять, как будет выглядеть сад спустя годы. Сказал, что это отлично компенсирует все те мелкие неприятности, которые постоянно сопровождают работу тренера.

Карьера Лизы Туктамышевой часто казалась именно такой неприятностью. Фигуристку словно преследовал злой рок. В 2012-м совсем еще маленькая Лиза стала победительницей юношеских Олимпийских игр, в 2013-м выиграла чемпионат страны, а годом позже не попала на Олимпийские игры в Сочи – осталась на отборе десятой. Стала чемпионкой мира в 2015-м, а в следующих трех сезонах проехала мимо всех основных стартов. В том числе мимо второй Олимпиады – в Пхенчхане.

Мишин относился к таким перепадам философски:

«В последнее время я нередко анализирую карьеру Плющенко и могу сказать, что рад, например, тому, что Женя не попал на Олимпийские игры в Нагано, хотя меня тогда сильно склоняли к решению взять его туда вместо Алексея Ягудина. Доволен я и тем, что в Солт-Лейк-Сити Женя стал вторым. В самом Солт-Лейк-Сити я, безусловно, был очень сильно расстроен. Но сейчас склонен считать, что поражение стало для нас благом. Иначе у Плющенко никогда не появился бы столь сильный стимул продолжать развиваться дальше. На самом деле в том, что мы с Лизой не попали на Олимпиаду в Сочи, тоже есть определенные плюсы. В том числе и для меня как для тренера. У меня теперь есть гарантированный олимпийский цикл интереснейшей работы с

хорошей спортсменкой, способной решать любые задачи. А у нее – превосходная мотивация. Мы же не знаем, что могло бы случиться, если бы Лиза попала на Олимпиаду и выиграла ее? Вполне допускаю, что в этом случае она могла вообще уйти из фигурного катания. А так она преодолела все проблемы, снова стала тем лидером, каким была когда-то, и своими выступлениями – в частности тройным акселем – делает очень много для того, чтобы и соперники зашевелились.

Работая с Лизой, я решил вернуться к той методике, которой когда-то придерживался с Женей, – подводить ее к соревнованиям через большое количество стартов.

Есть хороший пример того же тенниса, где спортсмены в воскресенье играют финал, а уже в среду вступают в борьбу на очередном турнире. В таком режиме они проводят значительную часть сезона.

Я не говорю уже о том, что, приезжая на крупные турниры, мои спортсмены получают дополнительную возможность нормально тренироваться. В Санкт-Петербурге у нас такой возможности нет – мы большей частью катаемся в «каше» из других фигуристов.

– И вас это не удручает?

Мишин ответил на вопрос уже привычным философским тоном:

– Знаете, я давно живу в Петербурге, очень люблю свой город и совершенно не хочу сейчас его за что-либо критиковать. Видимо, просто финансовые потоки в Москве и Петербурге разные. Я радуюсь уже тому, что нам с Тамарой Москвиной наконец-то удалось открыть свою школу. В свое время я с таким же трудом открывал в Белгороде свой турнир. Это потрясающие соревнования! Позволяющие просматривать огромное количество очень талантливых детей. Но когда речь зашла о том, чтобы официально присвоить турниру мое имя, я получил от одного из чиновников федерации фигурного катания ответ: «Разве что посмертно».

* * *

Наиболее звездным моментом для тренера и его подопечной стала короткая программа на чемпионате мира—2015 в Шанхае: Елизавета Туктамышева впервые выполнила на крупных соревнованиях тройной аксель и превысила свой личный рекорд сразу на 8,60 балла.

Мизансцена для суперпрыжка была подготовлена идеально:

Туктамышева имела 31-й стартовый номер, то есть выходила на лед в сильнейшей группе раньше всех – сразу после разминки. Уже в ходе этой шестиминутки было видно, что все мысли Лизы заняты исключительно новым прыжком: она удачно сделала первую попытку, потом же еще несколько раз имитировала аксель, проверяла раскрытие, положение рук, отталкивание.

За то время, что фигуристка обкатывала тройной аксель на тренировках, в болельщицких кругах укрепилось мнение, что Лиза ничем не рискует, если включит этот прыжок в соревновательную программу, поэтому все с нетерпением ждали: ну когда же, наконец? На самом деле все было не так просто. Математически аксель действительно казался оправданным: стоимость элемента, если все обороты в нем докручены, составляет 8,50 балла, в то время как цена двойного – 3,30. То есть даже в том случае, если спортсменка не выезжает прыжок, падает и получает штраф, количество баллов будет никак не меньше, чем за добротно исполненный двойной аксель.

Но была и опасность: самый сложный и еще не накатанный элемент может потребовать такой концентрации и физических сил, что на остальную часть программы их просто не хватит. Именно так произошло с Туктамышевой на открытом чемпионате Санкт-Петербурга, который состоялся незадолго до шанхайского мирового первенства. Мишин и его ученица решили провести там генеральную репетицию усложненной короткой программы, и все кончилось тем, что при прекрасно выполненном акселе качество прочих элементов слишком сильно пострадало. Но после того как Лиза выполнила короткую программу в Шанхае, все вопросы о повышенном риске и его оправданности потеряли актуальность. Результат, как говорится, был на табло: 77,62 балла!

В исторической табели о рангах сумма Туктамышевой оказалась третьей. Более высокие результаты в короткой программе показывали трехкратная чемпионка мира Мао Асада на своем прощальном чемпионате мира—2014 в японской Сайтаме и кореянка Юна Ким с ее достаточно скандальными 78,50 на Олимпийских играх 2010 года в Ванкувере.

После того как Лиза завершила турнир, опередив японку Сатоко Мияхару почти на семнадцать баллов, Мишин ходил по дворцу спорта героем. С удовольствием общался с прессой, рассказывал о тройном акселе, о Лизе, снова о тройном акселе. О том, что, конечно же, теперь начнет работать со спортсменкой над тем, чтобы включать суперсложный прыжок и в произвольную программу. А может быть, и не один.

«Могу открыть один из секретов этого прыжка, – поделился со мной тренер, когда я в очередной раз затронула тему прыжковой

техники. – Многие люди точат коньки, стараясь сделать их как можно острее. А острое лезвие невозможно повернуть в момент захода на тройной аксель таким образом, чтобы создать нужное направление вращения. И прыжка не будет, как бы человек ни старался. Конек должен быть заточен таким образом, чтобы он мог как бы забуксовать – именно это создает вращательный момент, который фигуристу остается только подхватить. Если же этого не происходит, прыжок сразу начинает требовать огромного количества физики. При мужской силе с этим еще можно справиться, при женской – крайне трудно. Я понял это, еще когда выступал сам, и много наблюдал за тем, как катаются Людмила Белоусова и Олег Протопопов. Связь между инвентарем и техникой существовала в спорте во все времена. Бамбуковые шесты требовали иной техники, нежели фибергласовые, планирующее копье – иного броска, нежели обычное. Так вот, чем острей коньки, тем менее маневренным и элегантным становится катание спортсмена. Удивительно, да?»

* * *

Впоследствии я не раз прокручивала в памяти тот удивительный чемпионат. Думала о том, что вся история Лизы Туктамышевой – она не о победе как таковой, а о преодолении. Пожалуй, самая большая заслуга фигуристки заключалась не в том, что она сумела победно-сокрушительным маршем пройтись по доброму десятку турниров всего сезона, и не в выученном тройном акселе, уложившем на лопатки мир. А в том, что Лиза смогла пережить достаточно черный для любого спортсмена период, когда жизнь сводится к непрерывной борьбе. С травмами и болезнями. С развалившейся техникой и лишним весом. С невниманием тренера и насмешками соперниц. С ярлыками, которые лепят на тебя все кому не лень, искренне полагая, что ты больше никогда не вернешься на те высоты, которые когда-то покоряла.

Именно тогда Туктамышева, по ее собственным словам, начала переосмысливать очень многие вещи. И очень быстро поняла, что все, что ни происходит в жизни, всегда бывает к лучшему. Хотя бы потому, что по-настоящему заставляет человека понять, насколько сильно он хочет добиться той цели, к которой идет. От всех соперниц Лизу отличало в Шанхае прежде всего выражение глаз. В них было совершенно иное понимание того, что и зачем она делает на льду.

Парадокс, но все разговоры о нечеловеческих нагрузках,

зверском режиме и прочих лишениях применительно к жизни профессионального спортсмена – это всего лишь отражение того, как человек воспринимает свой путь к результату. Если он – осознанный, все лишения очень быстро переходят в категорию инструментов, необходимых для достижения цели. И перестают раздражать.

Примерно это и произошло с подопечной Алексея Мишина. Сложнейший, не бог весть какой напрыганный и оттого жутко рискованный тройной аксель, на включении которого в программу настояла в Шанхае сама спортсменка, шутливо пригрозив тренеру, что иначе она вообще не выйдет на лед, вписался в изменившуюся картину туктамышевского мира идеально.

Глядя на то, как Лиза стоит на пьедестале, а потом дает свои первые – в ранге чемпионки мира – интервью, я думала о том, что с такой легкостью, безудержным азартом и одновременно – внутренним спокойствием она не побеждала в своей спортивной жизни еще никогда. И гораздо больше, чем кто-либо другой, заслужила эту победу.

– Очень довольна, что сумела выстоять, – сказала Лиза на пресс-конференции. – Рада, что завершила сезон на такой ноте, и испытываю сейчас просто кучу самых разных эмоций. Я ведь довольно рано начала свою карьеру во взрослом катании и, наверное, можно сказать, что уже совсем не так молода, как девочки, ставшие призерами. Это был очень долгий и очень непростой путь. Не всегда радостный. Мне очень помогли мои тренеры, когда я никак не могла разобраться в себе. Убедили, что в фигурном катании я еще могу сделать очень многое. И я поверила. Поверила Мишину, поверила моему хореографу Татьяне Прокофьевой, а главное – поверила в себя. И с удивлением вдруг поняла, что во мне начали открываться какие-то глубинные резервы, о существовании которых я даже не подозревала. Совершенно не исключаю, что помимо тройного акселя мы с тренером займемся разучиванием четверного тулупа. И уж точно будем работать над тем, чтобы в следующем сезоне включить аксель не только в короткую, но и в произвольную программу.

Слушая, с какой теплотой Лиза отзывается о тренере, я вспомнила, как за несколько месяцев до чемпионата мира спросила фигуристку, не боялась ли она, что Мишин, в силу отсутствия результата, вообще может отказаться от работы с ней?

– Я не слышала, чтобы у него были такие намерения, – ответила Лиза. – А вот разговоры о том, что мне самой нужно уходить к другому тренеру, до меня доходили. Но я никогда не

уйду от Алексея Николаевича. Как можно уйти от человека, который мало того что вытащил меня из Глазова, так еще и на ноги поставил? На мой взгляд, это просто подло…

* * *

Говорят, судьба никогда не преподносит человеку испытаний, которых тот был бы не в силах вынести. Следующий сезон получился у Туктамышевой провальным – на чемпионате России она стала восьмой. Через год снова заняла то же самое место. Растеряла прыжки. Тогда, собственно, Мишин и сосредоточился большей частью на работе с Каролиной Костнер – так, по крайней мере, все выглядело со стороны.

Всем нам только предстояло дождаться, когда после Игр в Пхенчхане пройдет еще полгода и Лиза вновь совершит невероятное, вернув в свои программы уже не один, а два тройных акселя. И все это в возрасте, о котором сама шутливо сказала: «Быть в России 21-летней фигуристкой – все равно что сорокалетней женщиной в жизни».

Нам предстояло понять, насколько прав и терпелив был мудрый и много чего повидавший на своем веку Мишин, который примерно за год до Олимпиады, в самый разгар неудач своей любимой ученицы, сказал, как водится, философски:

– Независимо от каких бы то ни было результатов, к Лизе я отношусь очень уважительно и благодарен ей за то, что она сделала меня тренером чемпионки мира в женском одиночном катании. Точно так же, как Леша Урманов сделал меня тренером первого в российской истории олимпийского чемпиона, если не считать Панина-Коломенкина, конечно. Просто женский организм – такая коварная штука, что никогда не знаешь, чего ожидать. То, что происходит с Туктамышевой в плане координационных процессов, интересно для меня именно как явление, которое следует изучать, – хотя бы для того, чтобы учесть этот опыт в работе с другими поколениями спортсменок. Одна из версий, которая имеется у меня на этот счет, тесно связана с физиологией. Все остальные лежат в области психологии. Хотя это обычно взаимосвязано достаточно тесным образом. Но это совершенно точно не медные трубы, не звездная болезнь или что-то из этой области. Тем более что в тренировках я вижу прокаты, которые по-прежнему дают мне основания полагать, что даже сейчас Туктамышева способна кататься намного лучше. Да и вообще я сказал бы, что такой драгоценный камень в короне женского российского одиночного катания никогда не будет

лишним.

– Любите вы все-таки красивые обороты, профессор, – не удержалась я от иронии. И снова Мишин не принял шутку:

– Скажу проще: даже те, пока еще нестабильные, попытки тройного акселя, которые Лиза делает на тренировках, пытаясь восстановить прыжок, остаются несбыточной мечтой для подавляющего большинства ныне выступающих девушек. Так что, поверьте, нам еще найдется что показать миру.

В ноябре 2019-го Лиза Туктамышева впервые исполнила прыжок в четыре оборота. Абсолютно чисто.

Глава 9
Евгения Медведева. Железная леди

15 июня 2018 года я в одиночестве сидела на берегу Коньковского пруда близ катка «Хрустальный» и ждала Женю Медведеву. Помню, как ехала сквозь Москву по оранжевой ветке метро, потом довольно долго шла пешком, сверяясь с записанным в телефоне адресом, и не могла понять, каким образом на мою просьбу об интервью, отправленную сообщением в соцсеть, мне в личку упало коротенькое: «Приезжайте». Куда более логичным было бы получить резкий отказ или не дождаться вообще никакого ответа: учитывая тогдашнее моральное состояние Медведевой и наши, не сказать чтобы теплые отношения, в силу немалого количества моих достаточно жестких статей, на отказ я бы даже не обиделась.

В то, что это интервью состоится, я не верила вплоть до того момента, пока не увидела в закатном солнце узнаваемую девичью фигурку, появившуюся со стороны ближайших домов. Через несколько часов двукратная чемпионка мира и вице-чемпионка Олимпиады в Пхенчхане Женя Медведева должна была улететь самолетом «Люфтганзы» в свою новую жизнь.

* * *

Фамилия Жени появилась в моих материалах еще за два года до того, как фигуристка впервые приняла участие в международном юниорском сезоне. Шел декабрь 2011 года: в финале Гран-при в канадском Квебеке феерили 13-летняя Юлия Липницкая и 16-летняя Полина Шелепень, а их тренер Этери Тутберидзе, отвечая на мой вопрос, не трудно ли работать сразу с двумя фигуристками такого уровня, сказала:

– Почему с двумя? У меня еще есть Женя Медведева, которой двенадцать лет и которая делает программы точно такой же сложности. Девочки вообще ведут себя в плане соперничества гораздо жестче, чем ребята. Если одна прыгает каскад 3+3, другая ни за что не станет делать 3+2. Вот и подстегивают постоянно друг друга.

Тогда же тренер поделилась, что спортивная перспектива Медведевой – больная для нее тема, поскольку талантливую малышку, несмотря на ее результаты, не хотят допускать к участию во взрослом чемпионате страны.

– На момент нашего с Юлей отъезда на Гран-при в Канаду Женя числилась запасной, – объяснила Этери. – В число участников национального чемпионата ее пока не включили, несмотря на то что на пятом этапе Кубка России в Москве она набрала достаточное количество баллов и даже выиграла произвольную программу у Ксении Макаровой. И я не знаю, что ей теперь отвечать, если она спросит, например, почему на чемпионат России едет Аня Овчарова, набравшая 12 баллов за два этапа, а не она, набравшая 16 баллов за один этап. Или почему к соревнованиям допустили Машу Ставицкую, у которой Женя тоже выиграла в очной борьбе. Что мне на это ответить? Что Ставицкая и Овчарова тренируются у более опытных и заслуженных специалистов? Получается, что федерация, поступая таким образом, дает фигуристам своего рода посыл: «Вы тренируетесь у неправильного тренера». Ведь так?

Я тут же предложила Тутберидзе беспроигрышный, на мой взгляд, вариант: мы озвучиваем все это в интервью, чтобы информация перестала быть внутренней, а дальше – я готова держать пари, что Медведеву допустят к ее первым взрослым соревнованиям. Так и было сделано. Не знаю уж, насколько сыграл роль именно этот фактор, но уже через три недели 12-летняя Женя соревновалась в Саранске наравне со всей элитой взрослого российского фигурного катания и заняла восьмое место.

В юниорском финале Гран-при, который проходил в декабре 2014-го в Барселоне, я впервые увидела, как она катается, и была впечатлена настолько, что взрослый турнир, в котором выясняли отношения Лиза Туктамышева, Елена Радионова, Анна Погорилая и Юлия Липницкая, как-то сам собой отошел в моем сознании на второй план. По уровню баллов Медведева все еще не дотягивала до грандов, зато ее техническая оценка в короткой программе составила 33,87, в то время как у Туктамышевой она едва перевалила за тридцать баллов – 30,63.

Но уже год спустя очарование в определенной степени ушло. Возможно, это было связано как раз с тем, что первый выход юниорок на взрослый уровень почти всегда бывает проигрышен в очном сравнении. И почти всегда это отражает вторая оценка. Об этом совершенно открыто как-то сказала Ирина Жук, один из сильнейших российских танцевальных тренеров. Она отметила, что самый сложный психологический аспект для вчерашних чемпионов-юниоров заключается в том, что, выступая на своих турнирах, они получают какие-то немыслимые уровни сложности и запредельные баллы за компоненты. И начинают искренне верить, что прямо с этим багажом и этими баллами они во

взрослый спорт и перейдут. А их – хлоп! – и на 20 баллов вниз.

Под это же самое правило так или иначе попадали все без исключения юниорки, включая ближайшую предшественницу Медведевой – Елену Радионову. Но на Евгении алгоритм не сработал.

* * *

Российский триумф, состоявшийся в январе 2016-го на чемпионате Европы в Братиславе, где Медведева, Радионова и Погорилая заняли весь пьедестал, не удивил никого – подобные хет-трики случались в женском одиночном катании и раньше. Удивило другое: при объективно равной борьбе и сопоставимой базовой сложности разрыв между чемпионкой, выполнившей произвольную программу с падением, и почти идеально откатавшейся Еленой Радионовой составил почти пять с половиной баллов.

Когда на табло загораются оценки, фигуристам крайне редко удается сдерживать свои настоящие эмоции. В тот момент, когда дебютантка чемпионата Европы с ликованием смотрела на свои баллы, на лице Радионовой достаточно явно отразилось: все, что происходит, для нее трагедия, причем гораздо более сильная, чем год назад в финале Гран-при, где Лена проиграла Лизе Туктамышевой. К поражению тогда привело падение Радионовой в короткой программе, в то время как в произвольной борьба между спортсменками велась абсолютно на равных, и они закончили свои выступления с абсолютно одинаковой технической суммой.

В Братиславе Лена выжала из двух своих программ все, на что была способна. Но как тогда объяснить разрыв почти в шесть баллов?

При желании можно было, конечно, подробнейшим образом препарировать оба выступления, детально подсчитав, за счет чего набралось это преимущество. Причиной тому отчасти была и легкость, с которой юная Женя штамповала прыжки, и то, что пять из семи прыжковых элементов стояли у Медведевой во второй половине программы, и еще множество музыкальных и хореографических мелочей, влияющих на вторую оценку.

Поражение Радионовой в Братиславе ее болельщики (да и не только они) восприняли болезненно. Так бывает всегда, когда жизнь фигуристки на протяжении длительного времени протекает на глазах у публики, и всем хорошо помнится, насколько тернист был порой ее путь. Так было с Аделиной

Сотниковой, Лизой Туктамышевой и десятками тех, кто катался раньше. Преодоление себя после травм и всевозможных проблем, связанных с девичьим взрослением, – всегда вызывает уважение. Вот и Лена, катаясь в Братиславе, именно преодолевала себя. Причем не впервые. Она каталась очень мужественно и одновременно – красиво и безошибочно, осознавая всем своим существом каждое движение, каждый нюанс музыки. Пусть даже чуточку не совпадала с этой музыкой, когда приходилось вытягивать наиболее сложные части программы.

Медведева выглядела на льду совсем иначе – как человек, профессионально заточенный под выполнение совершенно конкретной задачи. За полтора месяца, которые прошли со времени ее победы в финале Гран-при, она еще сильнее похудела, из-за чего и без того легкие прыжки стали совсем невесомыми. В этом плане дебютантка сильно напоминала Юлию Липницкую образца олимпийского сезона, когда ее тренером делалось все возможное, чтобы спортсменка не набрала ни грамма дополнительного веса и за этим не последовало бы изменение фигуры и, соответственно, техники. Собственно, сверхзадача того сезона сводилась к тому, чтобы выжать из проекта под названием «Липницкая» максимум. Любой ценой, что и удалось реализовать.

Глядя в Братиславе на Медведеву, я в очередной раз размышляла: а было ли правомерно осуждать Тутберидзе за то, что после олимпийского сезона она потеряла к Липницкой интерес, оставив ученицу наедине со своими проблемами? Не кроется ли причина этого внутреннего отторжения в том, что у тренера появился совершенно другой проект, в который она ушла фанатично, с головой? В конце концов, большой спорт – это, с одной стороны, результат, а с другой – игра по правилам. Если правила позволяют выставлять неоформившегося ребенка против взрослых спортсменок и «убивать» этих спортсменок сложностью и легкостью, непосильной для взрослых тел, так почему не сделать на это ставку?

Нечто подобное, кстати, в свое время практиковал Станислав Жук, которого в последние годы его жизни фактически лишили работы, а после смерти чуть ли не возвели в святые, называя одним из величайших тренеров мира.

В женском одиночном катании идея, которую взяла за основную стратегию Тутберидзе, была отнюдь не нова: достаточно вспомнить олимпийские победы совсем еще юных американских девочек Тары Липински или Сары Хьюз, под сокрушительным натиском которых на двух Играх подряд пала легендарная во всех отношениях Мишель Кван, а в Солт-Лейк-Сити – еще и не менее легендарная Ирина Слуцкая.

Другой вопрос, что ни одному американскому тренеру не приходило в голову поставить производство таких спортсменок на поток, искусственно сдерживая рост и развитие девичьего организма жесточайшими голодовками и огромными нагрузками. Но тут в силу вступает вопрос личного выбора: золотые олимпийские награды окупают в спорте очень многие жертвы. Сама как-то была свидетельницей, как папа одной из спортсменок, которому врачи рекомендовали немедленно отстранить дочь от тренировок по причине сильнейшего воспаления костей челюсти, на фразу о том, что девушка может остаться вообще без зубов, ответил: «Мы сделаем золотые. Из медали».

На том чемпионате Европы я и написала в репортаже фразу, процитированную в первой главе этой книги.

«Думаю, что не ошибусь, если скажу, что главная цель проекта „Медведева“ заключается отнюдь не в долгой и красивой карьере. А всего лишь в том, чтобы выиграть в этом сезоне вслед за финалом Гран-при и чемпионатом Европы еще и мировое первенство. Если так, то в контексте этой задачи вообще не важно, что будет со спортсменкой дальше. Потому что, даже если Женя сумеет относительно безболезненно преодолеть проблемы роста, она непременно угодит в тот же самый капкан, в который попала Радионова, – по совершенно объективным причинам потеряет способность бороться с очередной чудо-малышкой, которая (что совершенно не исключено) станет очередным проектом ее собственного тренера».

Время показало, что формулировка попала точно в цель.

* * *

Двумя месяцами позже я сидела на трибуне хоккейного дворца в Бостоне, где проходил чемпионат мира, в компании своего давнего и очень хорошего знакомого Валентина Николаева. В свое время тренер стал соавтором олимпийских побед Виктора Петренко и Оксаны Баюл, выпестовал чемпиона Европы Вячеслава Загороднюка, прыжки которого, наряду с прыжками подопечных Алексея Мишина, ставились в пример всему миру как эталонные, то есть, если говорить коротко, Николаев знал о фигурном катании все и обладал способностью мгновенно улавливать мельчайшие нюансы в состояния спортсмена.

Тогда в Бостоне Николаев сказал мне:

«Меня очень впечатлила тренировка Медведевой. Она

сделала все, что была должна, и сразу ушла с катка – не оборачиваясь и ни на кого не обращая внимания. Так и должен вести себя спортсмен в подобных ситуациях: никогда не стоит показывать на публике, что тебя волнует что-то, кроме себя самого».

Несмотря на тот фурор, что Медведева произвела в финале Гран-при и на чемпионате Европы, вплоть до начала женского финала все заинтересованные лица вполне отдавали себе отчет в том, что в женском катании все ждут не столько российского триумфа, сколько появления на первой ступени спортсменки США.

По американским понятиям, такой спортсменкой должна была стать Грейси Голд. Именно с ней, а не с Эшли Вагнер были связаны наиболее честолюбивые надежды страны. С первого появления на льду Грейси всем своим обликом укладывалась в рамки американского представления о том, какой должна быть чемпионка. Плюс – «золотая» фамилия. Плюс – легендарный тренер. Возможно, самый легендарный в США – Фрэнк Кэролл, который когда-то нашел и вырастил маленькую Мишель Кван, а в Ванкувере сделал олимпийским чемпионом Эвана Лайсачека.

К этому добавлялась достаточно уверенная победа Голд в короткой программе, где российская дебютантка показала только третий результат. Но финал, как это нередко бывает в одиночном катании, перевернул все с ног на голову. Лучшей среди американских участниц стала Вагнер, которой на момент выступления было без пары месяцев 26 лет. А Жене Медведевой американка проиграла восемь с половиной баллов.

Когда на женском льду только начинала блистать Липницкая, известный тренер Рафаэль Арутюнян (он и вывел Эшли на столь высокий уровень) много говорил о том, что не считает правильной ситуацию, когда маленькие и толком не оформившиеся девочки соревнуются со взрослыми: понятно же, что в юном возрасте все дается спортсмену намного проще, чем взрослым, особенно прыжки. Да и сравнивать их на льду – значит сравнивать несопоставимые вещи. Все-таки фигурное катание подразумевает нечто большее, чем умение хорошо и сложно прыгать.

Однако катание Медведевой в Бостоне – это было не про искусство, не про скольжение и не про изящество линий. Это было про характер и силу духа. Наверное, не случайно в процессе выступления Жени лично мне вспомнилось, как начинал соревноваться и выступать на международном уровне знаменитый канадец Элвис Стойко, который пришел в утонченный мир фигурного катания из восточных единоборств.

Эпитеты «летающая табуретка», «крючок», «бульдозер» – были далеко не самыми жесткими из тех, что продолжали раздаваться в адрес коренастого канадского фигуриста даже тогда, когда он выиграл сначала один чемпионат мира, потом второй, потом третий. Точку в этих дискуссиях поставила тогда Татьяна Тарасова. Наблюдая за тем, как Стойко катает свою произвольную программу с тремя четверными прыжками на чемпионате мира—1997 в Лозанне, она сказала: «Какой к черту артистизм, когда человек ТАК прыгает и ТАК бьется за победу?»

В декабре 2016-го споры в отношении Медведевой вспыхнули вновь. На этот раз – после финала Гран-при в Марселе. Как раз там стало окончательно ясно, что именно тот стиль катания, что демонстрирует Женя – очень легкий и по-детски наивный, – стал в женском катании эталонным, и прежде всего для судей.

* * *

На чемпионате Европы—2017 в чешской Остраве телевизионные журналисты шутили, что Медведева – очень удобная для планирования трансляции спортсменка: время, когда она должна была добавить к коллекции своих трофеев второй подряд титул чемпионки Европы, было известно заранее и прописано в протоколе: 21.37. Не имело никакого значения, что следом должны были кататься еще две фигуристки: иного фаворита никто в этот вечер себе не представлял, как не представлял и того, что должно случиться на льду, чтобы Медведева проиграла.

В этом же, как водится, заключалась и главная интрига: а вдруг все-таки проиграет? Возможен ли вообще такой расклад хотя бы теоретически?

Все, кто так или иначе продолжал следить за карьерой фигуристки, отмечали прежде всего ее фантастическую стабильность: Медведева не просто выигрывала все соревнования подряд на протяжении второго сезона. Важно, что все ее победы были результатом технически идеальных прокатов: столь продолжительной серии безошибочных выступлений не случалось за всю современную историю фигурного катания ни с кем и никогда.

Три года спустя, когда спортсменка уже расстанется со своим тренером и уедет в Канаду, ее мама Жанна Медведева скажет мне, что Женя никогда не обладала какой-то особенной предрасположенностью к фигурному катанию. Все, чего она добилась, – это прежде всего результат ее уникальной

работоспособности.

Подобное умение трудиться довольно редко идет в одной связке с талантом. Большинство сверходаренных детей ленивы – им слишком легко дается то, на что менее талантливые тратят годы тренировок. Когда же это совпадает, получается выдающийся результат. Вот и вышло, что к моменту преодоления возрастного ценза Медведева обладала феноменальным запасом прочности в том, что касалось прыжков.

Но в этом же крылась опасность: любая звездная карьера в фигурном катании подразумевает непрерывное развитие фигуриста в творческом и личностном плане. По крайней мере, так было со всеми великими чемпионками, говоря о которых болельщики вспоминали не только выдающиеся титулы той или иной чемпионки, но и их выдающиеся программы. В случае с Медведевой произошел парадоксальный перекос: за полтора года взрослой карьеры она собрала такое количество наград, которое не у всякой фигуристки наберется за всю спортивную жизнь, но сделала это на одном и том же техническом багаже и в том же самом стилистически-музыкальном ключе. Любители всевозможных цифр и статистики в начале второго взрослого сезона, фигуристки даже развлекались сравнениями: в новой произвольной программе чемпионки мира все элементы не просто оказались идентичны прошлогодним, но и были расставлены в том же самом порядке. То есть уже неоднократно откатанную программу тренеры просто положили на другую музыку. Если при этом и росла вторая оценка, то росла она, прежде всего, за счет титулов, а не самого катания.

Криминала в этом, разумеется, не было никакого: зачем менять стратегию, если она приносит результат? Просто от чемпионов всегда требуют некоего абсолютного совершенства – так уж устроена человеческая психология.

Не восхищаться спортсменкой тоже было нельзя. Почувствовав собственную недосягаемость, Женя начала откровенно и очень мило хулиганить на льду – добавлять к прыжковым каскадам дополнительные прыжки, заведомо зная, что они будут обнулены судьями. Впрочем, она могла себе это позволить. Несанкционированные элементы на самом деле давали исчерпывающий ответ на вопрос, почему Женя столько времени остается во главе мирового женского катания: такого запаса прочности не наблюдалось ни у одной взрослой фигуристки мира. Прыжки были тем самым оружием, которым Женя воевала с миром. Каскад из трех тройных? Запросто! Из четырех? Тоже! Лишний каскад в программе, заведомо зная, что он не будет засчитан? И это без проблем!

Наблюдая за тем, как фигуристка чуть ли не на каждом турнире откровенно троллит публику, соперников и судей, я иногда вспоминала историю, которая однажды случилась в семье моих близких друзей – коллег по работе, племянник которых учился в консерватории по классу гобоя. Как-то сидя в редакции в выходные, мы вместе наблюдали за тем, как «наш Ванька» в первый раз в жизни выступает в очень солидном международном конкурсе. В финале, куда пробились всего три человека.

Парень играл концерт Моцарта, и, перед тем как объявить исполнителя, женщина-распорядитель долго и с удовольствием рассказывала по-немецки, что Моцарт в свое время писал этот концерт именно для гобоя. Но потом случилось так, что это произведение очень полюбили флейтисты, и оно стало более популярным именно как концерт для флейты. Потом она дала отмашку: Иван заиграл на своем гобое в сопровождении симфонического оркестра, и вдруг у него совершенно хулигански вспыхнул взгляд, а секундой позже камера показала дирижера, который, выпучив от удивления глаза, как-то нервно начал вытирать пот со лба.

Когда все закончилось, приятель набрал номер, поздравил племянника с дебютом и как бы между прочим спросил: «Вань, я не понял, а что там было-то, в середине заключительной части?»

И этот юный гений без тени смущения отвечает: «Да там я схулиганил слегка, сымпровизировал. Сыграл две секунды на гобое как на флейте. Ну, именно так, как флейтисты этот концерт играют. Захотелось показать жюри, что это я тоже умею…»

Тогда я впервые подумала о том, что, наверное, именно так выглядит талант в чистом виде.

Комментируя выступление Медведевой в Остраве, ее постановщик Илья Авербух говорил о том же самом, добавив, что, сознательно нарушая правила, Женя словно показывает, что существующие рамки давно уже стали ей тесны. И что она может гораздо больше, чем дозволено.

Но был в этом и парадокс. Рассуждая о том, как она могла бы усложнить свою программу, Медведева сказала на пресс-конференции в Остраве:

– Я могу сделать каскад с риттбергером – это намного сложнее, чем каскад с тулупом. Я уже делала и флип-риттбергер, и лутц-риттбергер, и сальхов-риттбергер.

Ни один из перечисленных каскадов, тем не менее, ни разу не был показан спортсменкой на соревнованиях. Возможно, тренерский штаб Медведевой считал, что изменения просто опасны для их звездной подопечной: любой новый элемент всегда

резко увеличивает риск ошибиться, а значит, легенда о неуязвимости может быть разрушена. А может быть, изменений не хотела сама Женя.

Как бы то ни было, накатанные еще в юниорах программы продолжали оставаться для сильнейшей фигуристки мира своеобразным коконом. Привычным, уютным, а главное – надежно защищающим от соперников.

* * *

В начале олимпийского сезона, венцом которого должны были стать Игры в Пхенчхане, мой американский коллега Фил Херш подсчитал: на протяжении двух своих взрослых сезонов Медведева выдала в соревнованиях серию из 282 прыжков, ни разу не упав. Сразу после того, как в самом конце марта 2017 года Женя добавила к своей коллекции еще одну золотую медаль – выиграла чемпионат мира в Хельсинки, войдя абсолютным непререкаемым фаворитом в свой главный сезон, Херш писал:

«Совершенно неважно, что мы думаем о хореографическом содержании ее программ: современное фигурное катание – это прежде всего цифры, и Медведева управляется с ними гораздо лучше, чем кто-либо другой. Она стала первой взрослой фигуристкой со времен Мишель Кван в 2001 году, которой удалось отстоять титул действующей чемпионки мира. Достигла лучших мировых результатов как в короткой, так и в произвольной программе. Это были ее шестой и седьмой мировые рекорды за последние два сезона. Выполняя все свои прыжки в короткой программе и 8 из 11 прыжков произвольной программы в бонусной зоне, то есть во второй половине своих программ, 17-летняя россиянка максимально увеличивает свои шансы на еще более впечатляющие результаты. На чемпионатах Европы и мира 2017 года она не получила ни одной отрицательной судейской оценки…»

На фоне столь ошеломляющего шествия Медведевой по полям битв, усеянных телами поверженных соперниц, мало кто задумывался, что ключевым событием предшествующего Олимпиаде сезона стоило бы считать не совершенно прогнозируемые победы Жени, а не слишком заметное широкой общественности выступление в юниорском первенстве мира 14-летней Алины Загитовой. Именно ее «Дон Кихот», а не программа Медведевой стал истинным венцом технологической мысли тренерского штаба Тутберидзе: Алина первой в мире исполнила абсолютно все прыжки во второй половине постановки, набрав за

технику всего на 1,95 меньше, чем Медведева на своем первом взрослом чемпионате мира в Бостоне. И это – при юниорском судействе!

Именно тогда я написала:

«По своему возрасту Загитова должна ждать допуска во взрослое катание еще год, но, если рассуждать о женском одиночном катании с позиции наиболее интересных процессов, я бы уже сейчас поставила первым пунктом основополагающий вопрос: будет ли Алина выступать в следующем году на взрослом льду. Если да, она реально может поставить под угрозу беспроблемное победное шествие Медведевой. Если Этери Тутберидзе решит обезопасить свою основную спортсменку и придержит Алину в юниорах, она может вообще потерять свой олимпийский шанс и не факт, что получит еще один – через четыре года».

Ничего нового и тем более революционного в этом пассаже не было. В свое время велось немало разговоров о том, что пятикратная чемпионка мира Мишель Кван, так и не сумевшая выиграть Олимпийские игры, в определенном смысле стала заложницей неосмотрительного решения своего тренера Фрэнка Кэролла. В 1994-м она стала второй на отборочном чемпионате США, то есть формально имела полное право представлять страну на Олимпиаде в Лиллехаммере – никаких возрастных ограничений в фигурном катании на тот момент просто не существовало. Но в Лиллехаммере Кван осталась запасной: тренер посчитал, что у 13-летней девочки все впереди, и олимпийская вакансия была отдана Нэнси Керриган, которая завоевала на тех Играх серебро. Спустя четыре года на Олимпиаде в Нагано Кван проиграла 15-летней Таре Липински. В Солт-Лейк-Сити четырехкратную на тот момент чемпионку мира обошла 16-летняя Сара Хьюз. Как было не прийти к выводу, что одна из самых выдающихся фигуристок современности просто не совсем вовремя родилась? Случись это на год раньше или позже, олимпийская летопись вполне могла бы выглядеть иначе.

Но как бы рационально ни рассуждали о подобных вещах сторонние наблюдатели, для действующих лиц это всегда драма.

Медведевой, впрочем, только предстояло об этом узнать. Олимпийский сезон она начала тремя победами подряд, вышла в финал Гран-при, но выступить в нем не сумела: в самом конце ноября спортсменке диагностировали тяжелейшую травму, которую любой спортивный травматолог не задумываясь назовет несовместимой с профессиональной карьерой, – у Жени случился стрессовый перелом ноги. Запас прочности, созданный для того, чтобы выдающаяся карьера была увенчана олимпийским золотом,

закончился в самый неподходящий момент.

Незадолго до того, как стало известно, что двукратная чемпионка мира не сможет выступить в финале, немецкий специалист одиночного катания и бывший тренер Мао Асады Жанна Фолле отметила, что, на ее взгляд, Женя начала черпать энергию из глубинного резерва организма, куда ни в коем случае нельзя залезать.

– Такое можно позволить спортсмену на Олимпийских играх, когда на кону стоит главная цель, – объясняла она мне. – Потом человек будет очень долго восстанавливаться, но в этом случае овчинка стоит выделки. Если же вычерпать этот резерв раньше срока, спортсмену просто будет неоткуда взять силы на решающий рывок.

Ее слова я потом вспомнила не раз. Когда был оглашен диагноз Медведевой, профессор-ортопед Сергей Архипов, к которому я обратилась за консультацией, сказал:

«Подобная травма возникает всегда по единственной причине: от длительных хронических нагрузок. В ответ на эту нагрузку кость реагирует тем, что ее наружный слой становится очень прочным, костные балки утолщаются, а количество кровеносных сосудов внутри кости начинает уменьшаться. В связи с этим кость становится прочной, но хрупкой. Там, где на кость приходится максимальная, так называемая режущая нагрузка, костная ткань начинает как бы рассасываться. На этом участке появляется тоненькая, как ниточка, полоска – зона Лозера. И со временем в результате даже не очень большого усилия в зоне Лозера происходит перелом. Если Медведевой действительно поставили именно этот диагноз, боюсь, восстановиться до Олимпийских игр она просто не сможет. Для того чтобы костные балки и сосуды вернулись в норму и восстановилось полноценное кровообращение, нужны месяцы…»

Был ли в этой травме тренерский просчет? На мой взгляд, да. Подобной точки зрения придерживались многие коллеги Тутберидзе. Николаев, в частности, сказал по этому поводу:

«Усталостный перелом – это травма, которая случается только по одной причине: перегрузка, плюс невнимательное отношение к здоровью спортсмена. Значит, в процессе подготовки что-то было сделано неправильно. Чтобы довести до такой травмы молодой организм, тренеру нужно очень сильно постараться…»

Стрессовые переломы действительно никогда не возникают внезапно, и, пропусти Медведева предолимпийскую серию Гран-при, вполне возможно, что ее сил вполне хватило бы, чтобы выиграть сначала чемпионат Европы, а затем и главный старт.

Вместо этого она была вынуждена, едва залечив травмированную ногу, форсировать подготовку к европейскому первенству, участие в котором тоже стало своего рода просчетом. Если бы Женя не проиграла Алине Загитовой за месяц до Игр, у нее как минимум был бы шанс перетянуть на свою сторону в Пхенчхане те доли балла, которых в итоге не хватило для победы. А так поезд ушел – за месяц до главного старта всем стало очевидно, что в женском катании сменился фаворит. Когда Медведева вернулась к полноценным тренировкам, провела разведку боем на чемпионате Европы и готовилась к олимпийскому старту, убеждая журналистов, что уже совсем не ощущает последствий перелома, я в очередной раз позвонила Николаеву, чтобы услышать профессиональное мнение со стороны, не из российских тренерских кругов, где, как это часто бывает перед крупным стартом, специалисты предпочитали не слишком распространяться на тему женского одиночного катания, зная крутой нрав Тутберидзе и то, как тренер может отреагировать на какую бы то ни было критику.

«В то, что нет последствий, я не верю, – сказал Николаев. – На чемпионате Европы Женя каталась гораздо осторожнее, чем обычно. Она упиралась из последних сил, поэтому и выезды корявенькие были, и на некоторые прыжки она кидалась как под барабанную дробь. Все это было очень осторожно. В отличие от Загитовой, которая выскочила как черт из табакерки…»

Не следовало удивляться и тому, что Загитова, выросшая в руках того же самого тренерского коллектива, просто повторила уже нахоженный предшественницей путь, причем с более высоким техническим качеством. Оставалось разве что гадать: не было ли это публичное столкновение двух спортсменок накануне главного старта совершенно сознательным и очень точным расчетом тренера? Но даже если так, кто готов осудить Тутберидзе? Дело ведь совсем не в том, что у тренера в середине олимпийского сезона вдруг сменились приоритеты. Во-первых – не вдруг. Во-вторых, чисто по-тренерски Тутберидзе была права: ради того, чтобы довести ученика до олимпийского золота, она много лет работала как проклятая, жертвуя абсолютно всем. И что она должна была делать, когда у Медведевой случилась травма? Отступиться от мечты из-за того, что ее главная спортсменка вдруг выбыла из игры на неопределенный срок? Это было совершенно не в ее характере, и некогда любимая ученица, как никто другой, должна была понимать это. Страна хотела золотую олимпийскую медаль – и получила ее. То, что ее завоевала в Пхенчхане «не та» спортсменка, – уже частности.

Такой, как на тех Играх, Медведеву не видел еще никто и

никогда. Рекордный результат в короткой программе командного турнира дался ей тяжело – как только камера крупно наехала на лицо спортсменки после проката, спроецировав изображение на экран, в этом мог удостовериться весь мир. Если верить словам, что шедевры пишутся кровью, – это был как раз такой случай. Кровью, нервами, предельным напряжением, болью – все это лейтмотивом прошло через прокат двукратной чемпионки мира. Она полностью исчерпала себя в короткой программе командного турнира, затем еще раз – в первом личном прокате и, выйдя на финишную прямую, стойко держалась из последних сил. И было совершенно невыносимо понимать, что свой главный бой она, скорее всего, проиграет.

* * *

Там же в Пхенчхане, где российские атлеты выступали без флага и под нелепой аббревиатурой OAR – olympic athletes from Russia, у журналистов родилась неожиданная аналогия, основанная на игре слов. Oar по-английски «весло». Соответственно словосочетание «из OAR» мгновенно трансформировалось в многочисленных шутках в «with oar» – с веслом. Мол, куда российских спортсменов ни брось – не пропадут, выгребут.

Символ «гипсового соцреализма», скульптура «Девушка с веслом», которая когда-то в советской действительности пережила сотни реинкарнаций, удивительным образом перекликался с судьбой Медведевой – если, конечно, знать предысторию появления шедевра, созданного скульптором Иваном Шадром в первой половине прошлого века. В те времена было модно всячески прославлять героев молодого социалистического государства, но художник, начиная работу, собирался воспевать не крепкую и мускулистую труженицу, способную остановить коня на скаку и справиться с любыми жизненными невзгодами и передрягами, а хрупкую, но стойкую девушку-гимнастку – Веру Волошину, которой был абсолютно очарован, когда заглянул в Московский институт физкультуры в поисках натурщицы. Волошина по тем временам была довольно известной спортсменкой, правда, ее гимнастическая карьера продолжалась недолго. Помешала война, с которой девушка уже не вернулась – погибла на фронте, посмертно получив звание Героя Советского Союза.

Довоенная судьба скульптуры тоже оказалась драматичной – слишком короткой. В центральном столичном парке стройная

обнаженная фигурка простояла менее полугода. С резолюцией «За холодное отношение скульптора к форме и содержанию» ее отправили в ссылку – в провинциальный Луганск. С того времени в сотнях парков по всей стране стали появляться многочисленные копии, правда, превзойти созданный Шадром шедевр так никому и не удалось.

Не правда ли, напрашивается косвенная аналогия: победный путь Медведевой в фигурном катании, несмотря на обилие титулов, был достаточно тернист, если говорить об общественном мнении. Спортсменку много критиковали, предрекали ей непродолжительную карьеру, а она снова и снова опровергала пророчества скептиков. При этом огромное количество совсем маленьких девчушек ложились спать с мыслью: «Хочу быть как Медведева». А наутро эти девчушки шли на каток – тренироваться.

Парадокс, но решение Медведевой уйти из группы Тутберидзе после Олимпийских игр не было выгодно никому – ни оставшимся спортсменкам, ни тем более – тренеру. На протяжении многих лет Женя была тем самым локомотивом, который тащит весь воз, безропотно перенося нагрузки и дисциплинарные требования. Была образцом, примером для подражания, идолом, стержнем группы – назовите это как угодно, но факт остается фактом. К тому же для Этери Женя всегда была не просто талантливой спортсменкой, как в свое время Липницкая или впоследствии Загитова. Обе они приехали в Москву к Тутберидзе прежде всего затем, чтобы выиграть совершенно конкретные соревнования – «свою» Олимпиаду. Медведева же начинала кататься у Тутберидзе, когда та была еще никем – тренером, зарабатывающим подкатками на сеансах массового катания. Вместе с Женей Этери вышла на совершенно новый для себя уровень, гораздо более высокий, чем тот, которого удалось добиться с Юлей, и именно этой фигуристке негласно предписывалось доказать миру: ее тренер способна успешно работать не только с маленькими допубертатными девочками, но и со взрослыми сложившимися личностями.

Выяснилось, что это не совсем так. Иначе, наверное, не случилось бы ухода, а с ним – ощутимого удара по тренерской репутации.

Почему же Женя решила уйти?

Когда атлет высокого класса вдруг принимает такое решение, причина почти всегда кроется в одном: перестало быть интересно. Спортсмен вырос, а тренер этого не заметил. Спортсмен стремится расти дальше, а тренер не в состоянии предложить ничего нового. У спортсмена возникают вопросы, а тренер не

находит на них ответа. Невозможно изо дня в день делать адскую работу, не понимая, зачем ты ее делаешь, и не испытывая уверенности в том, что эта работа принесет результат. Все это так или иначе имело место в отношениях Медведевой с ее тренером. Женя за последний год резко повзрослела, захотела совершенно других программ – это было очевидно всем, кто видел, как самозабвенно фигуристка катает свои показательные номера. Собственно, и «Каренина» возникла в олимпийском сезоне почти случайно – из показательной программы, которую взяли на замену откровенно неудачной произвольной постановке, сделанной в том же ключе, что и год, и два назад.

К тому же все сильно осложнилось вовремя не отслеженной травмой. Выражаясь сухим спортивным языком, из лидера и однозначно сильнейшей спортсменки группы, какой Медведева была еще год назад, она превратилась в спортсменку с достаточно большим набором проблем: необходимостью строго дозировать нагрузки, выстраивать работу в сугубо индивидуальном порядке, гораздо более тщательно, чем раньше, заниматься подбором программ, костюмов, образов и так далее. При конвейерном построении тренировочной работы, где одним из основных параметров является умение фигуристок безостановочно выполнять более сотни сложных прыжков за тренировку, раз за разом заходя на диагональ, фактически целиком состоящую из прыжковых каскадов, шансы взрослой спортсменки сохранить конкурентоспособность могли только уменьшаться. Этого Медведева тоже не могла не понимать. Ее личная диагональ все больше и больше отходила от тренерской.

При этом фигуристка категорически отметала вероятность завершения карьеры – слишком много лет весь смысл ее жизни сводился к тому, чтобы кататься. Кататься и побеждать.

Иначе говоря, уход был предрешен. Понятно, что такие решения не принимаются в одну ночь, но у Медведевой было время подумать – было ясно, что на чемпионат мира из-за обострившейся в очередной раз травмы ноги фигуристка поехать не сможет.

4 мая 2018 года информация о прекращении сотрудничества с прежним наставником была обнародована официально, а в ночь на 16 июня спортсменка улетела в Канаду к Брайану Орсеру для того, чтобы… Впрочем, здесь имеет смысл взять паузу.

Глава 10
Алина Загитова. Красная балерина

Согласно восточному календарю, у каждого года есть свой цвет. Сейчас можно усмотреть некий знак судьбы в том, что 15-летняя Алина Загитова появилась на взрослой арене в год Огненного Петуха. И по закону жанра, появляться на публике ей, конечно же, следовало в огненно-красном наряде.

С того самого момента, как на исходе 2016-го фигуристка выиграла юношеский финал юниорского Гран-при в Марселе, выполнив все семь прыжковых элементов во второй половине программы, ей была уготована постоянная заочная конкуренция с Евгенией Медведевой. Точно так же на саму Медведеву долгое время проецировался спортивный путь Юлии Липницкой – золотого ребенка Сочи, выигравшего золотую олимпийскую медаль в командном турнире. Удивляться не приходилось: все три спортсменки были выходцами из одной и той же спортивной группы, все они одинаково яростно нацеливались на совершенно конкретный результат – олимпийское золото, и понятно, что каждая последующая соискательница этого титула просто обязана была повторить опыт предыдущей – но на более качественном витке. И все-таки Загитова в этой связке виделась мне стоящей особняком.

Есть такой хореографический прием, когда маленьким девочкам ставится программа, абсолютно не соответствующая их возрасту. Условно я называю это игрой в «Кармен». Получается очень мило и трогательно: примерно как смотреть на крохотную девчушку, балансирующую перед зеркалом на маминых каблуках.

В Китри Загитовой с самого начала не было ничего детского. Была женщина. Крошечная, но прекрасно понимающая глубину и силу собственного обаяния. В сочетании с детской непосредственностью это производило умопомрачительный эффект, поэтому неудивительно, что постановку, которая принесла Алине победы в юниорском финале Гран-при, юниорском первенстве России, первенстве мира и европейском юношеском фестивале, тренеры решили оставить еще на один год – для взрослого дебюта. За год Алина чуть подросла, и программа зазвучала еще мощнее и выигрышнее.

Подобного эффекта не было, пожалуй, даже у знаменитого олимпийского «Списка Шиндлера» Юлии Липницкой. Та постановка прежде всего передавала образ ребенка. Рано повзрослевшего, настрадавшегося – но ребенка, поэтому,

подозреваю, до такой степени девочка в красном пальто и полюбилась миру. «Красная балерина» Загитовой, как уже начали именовать фигуристку иностранные журналисты, была совершенно иной историей. Более жесткой, более опасной и абсолютно выигрышной стратегически: вряд ли в какую-то еще постановку можно было бы вписать практически один за другим семь прыжков и прыжковых каскадов, чтобы не возникло ощущения дисбаланса.

Загитовой и ее хореографу Даниилу Глейхенгаузу это удалось. В этом им сильно помог австрийский композитор Алоизий Людвиг Минкус, написавший гениальную музыку для не менее гениального постановщика Мариуса Петипа за 133 года до того, как Алина появилась на свет.

В том, что касалось технической части программы, Алина уже на старте сезона выглядела опасным соперником для всех одиночниц мира, включая Медведеву. Базовый набор элементов был у дебютантки более сложный, совокупная оценка за технику, полученная на этапе Гран-при в Пекине, оказалась выше, нежели чуть ранее у двукратной чемпионки мира на этапе в Москве. Там, правда, Женя упала, но не стоило сбрасывать со счетов фактор домашнего судейства: отношение к главной звезде турнира было настолько лояльным, что за компоненты ей были выставлены три десятки, несмотря на пункт в правилах, категорически запрещающий это делать, если программа была исполнена с падением.

Наиболее значимый минус Загитовой заключался в том, что ей явно не хватало компонентной «подушки»: иначе говоря, Медведева могла быть уверена в том, что легко компенсирует второй оценкой недостаток технического арсенала.

Случившаяся за два с небольшим месяца до Олимпиады травма Медведевой поменяла в текущем раскладе все. Победив в отсутствие двукратной чемпионки мира на отборочном чемпионате России в Санкт-Петербурге, 15-летняя Загитова совершенно официальным образом приобрела статус первой спортсменки страны. Многие тогда по инерции продолжали говорить о том, что как только на лед вернется Женя, она тут же отодвинет юную выскочку на вторую позицию, но в реальности было понятно, что все может произойти ровно противоположным образом. Компонентная оценка Алины заметно подросла уже в Санкт-Петербурге, но реально знаковое событие случилось две недели спустя: выступая в короткой программе на чемпионате Европы в Москве, Алина впервые в очной борьбе опередила Женю и впервые в своей карьере получила за компоненты катания десятки.

Это означало, что при безошибочном прокате своих программ обеими фигуристками действующая чемпионка мира могла уже никогда не оказаться первой.

Опять же, в этом не было ровным счетом ничего нового. Медведева в свое время встала во главе мирового женского одиночного катания за счет того, что исполняла умопомрачительно сложную в техническом плане программу и не ошибалась. Загитова, выйдя на международный уровень под руководством того же тренера, перенесла во вторую половину все прыжки, и вот этот технический прием оказался Евгении уже не по зубам. Необходимость соответствовать заданной планке привела к тому, что фигуристка заработала усталостный перелом стопы – крайне неприятную травму, полное восстановление после которой занимает несколько месяцев.

Если бы двукратной чемпионке мира удалось выполнить короткую программу на чемпионате Европы в Москве без помарок, она, скорее всего, не проиграла бы первый очный старт сезона более юной подруге-сопернице и наверняка получила бы реальную возможность сохранить за собой статус первой леди российского фигурного катания вплоть до Олимпийских игр. Поскольку старт был проигран, статус неприкасаемого лидера не просто оказался поставлен под сомнение – по нему был нанесен достаточно чувствительный удар.

Впоследствии эти мои размышления подтвердила и мама фигуристки Жанна Медведева. По ее словам, существовала предварительная договоренность, что Медведева получит возможность поехать на Олимпиаду, не участвуя в финале Гран-при, чемпионате России и чемпионате Европы. Параллельно с интенсивным лечением Женя продолжала тренироваться и как раз перед европейским первенством начала выкатывать произвольную программу, справляясь со всеми элементами. Вот фигуристку и отправили на домашний чемпионат, который окончательно уничтожил ее репутацию непобедимой.

* * *

Противостояние двух российских лидеров женского одиночного катания напоминало ситуацию, имевшую место за четыре года до этого перед Играми в Сочи, – битву между Аделиной Сотниковой, имевшей на тот момент в активе четыре победы на взрослых чемпионатах страны, золото юниорского мирового первенства, серебро юношеских олимпийских игр и два вице-чемпионства Европы, и Юлией Липницкой, взлетевшей в

олимпийском сезоне столь стремительно, что все былые заслуги Аделины мгновенно ушли на второй план. Свою олимпийскую золотую медаль Сотникова все же выиграла – вошла в историю фигурного катания как первая российская олимпийская чемпионка в индивидуальном первенстве. А вот если проанализировать безумно яркий и столь же коротенький спортивный путь Липницкой, придется признать, что она так и осталась в истории фигурного катания фигуристкой одной программы – девочкой в красном пальто, которой просто повезло родиться в нужное время, хотя не удалось избежать драмы в личном турнире Игр.

В Пхенчхане—2018 сценарий развивался похожим образом. Загитовой, а не Медведевой повезло выйти на свой пик прямо к Олимпиаде, не успев при этом слишком сильно истрепать здоровье и нервы. Если для Жени, чья жизнь в последний год превратилась в непрерывную борьбу с обстоятельствами, каждый новый день перед Играми лишь добавлял ответственности и стресса, то ее соперница продолжала стремительно набирать ход, не думая ни о чем.

* * *

Видеозапись одной из олимпийских тренировок Загитовой с каскадом из пяти тройных риттбергеров разлетелась по миру едва ли не быстрее, чем фигуристки успели переодеться и сесть в автобус. Видимо, тогда мир наконец-то по-настоящему осознал, что в женском одиночном катании так же стремительно приходит время новой королевы.

18-летняя Медведева уже ничего не могла противопоставить этому. Дело было даже не в больной ноге, не выдержавшей непомерной прыжковой нагрузки, а в том, что Женя выросла. Попытки перенести все прыжки во вторую половину программы, чтобы иметь возможность полноценно соперничать с Алиной, ей реализовать не удалось. Для этого, во-первых, нужны были возможности более молодого и более «верткого» тела, а во-вторых, расположить элементы столь же выигрышно, как у Загитовой, вряд ли могла позволить программа. В этом никто не был виноват: наверное, где-то на небесных просторах мироздания просто таким образом сошлись звезды, объединив в одном пространстве с Олимпийскими играми прекрасную хореографическую задумку, уникальную и уже многократную тренерскую технологию достижения результата и 15-летнюю безумно талантливую, а главное, вовремя родившуюся девочку,

готовую все это реализовать.

И все равно спортивный мир продолжал болеть за Медведеву. Сразу после проката одиночницами короткой программы, где Загитова, как и месяцем ранее в Москве, опередила Медведеву, Татьяна Тарасова с горечью и глубоким сочувствием сказала:

– Если честно, я не хотела, чтобы результат оказался таким, хотя понимала, что, если Загитова откатается чисто, Жене будет тяжело с ней бороться. А каталась Алина – будь здоров. Мне воздуха не хватало, чтобы дышать, когда я на нее смотрела. Молоденькие девочки в этом отношении совершенно особенные. Они очень сильные. Я уже отметила в репортаже, когда комментировала короткую программу, что Жене будет очень тяжело. Загитова многому за этот год научилась. У Жени в том числе. При этом вся тяжесть падала на Женькины плечи. Она восстанавливалась после травмы, а та поднималась. Это очень тяжело – сидеть дома, понимать, что у тебя перебиты ноги, а человек, который столько времени был за твоей спиной, прет и прет вперед. Поднимается, пока ты ходишь к врачу на процедуры, на него, а не на тебя направлено внимание журналистов, которые словно добавляют дрожжей в эту реальность, и она на глазах становится все более и более объемной, подобно тому, как подходит тесто. Медведева ведь достаточно умна, чтобы все это понимать. Она удивительная спортсменка – очень умная и очень тонкая. Настоящая. Но ей приходится работать. Тяжело работать, тащить из себя каждый элемент. А Алина – как взрыв. В короткой программе Медведеву она просто перепрыгала. Я только недавно смотрела выступление Тары Липински в Нагано, где та точно так же перепрыгала Мишель Кван. Риттбергер-риттбергер – и все свободны. Было очень горько и больно за Мишель, но, как бы нам всем ни хотелось, ничего уже нельзя было сделать.

Прыжки – это огромная часть программы, они очень дорого стоят, – продолжала Тарасова. Этому нельзя научить, если ты таким не родился – со смелостью, с крепкими голеностопами, с координацией. Все это – от Бога. Или есть, или нет. Алина к тому же подкупает какой-то невероятной детской легкостью. Знаете, как бывает в детстве: бежишь и понимаешь, что это не ты бежишь, а твои ноги несут тебя вперед, а сам ты не прикладываешь к этому никаких усилий. Алина все делает не задумываясь, и у нее все получается. Она – звезда, бомба! Хватает все на лету, и все идет ей впрок. Но выросла она благодаря Медведевой. Она шла за ней, а потом просто в нее вцепилась. Намертво…

* * *

Тренер была права. Загитова действительно вцепилась в свой шанс мертвой хваткой.

Символично, что сделала она это в старом платье Медведевой, в котором та в юниорском возрасте катала одну из своих коротких программ – сменила его на обновку лишь в середине сезона.

Могло ли ее олимпийской победы не случиться? На самом деле, да. Алина вполне могла ведь и повторить судьбу Липницкой – остаться вообще без медали, допусти она хоть одну ошибку. Наиболее трезво тогда смотрел на ситуацию уже не раз упомянутый мной экс-тренер олимпийской чемпионки Лиллехаммера Оксаны Баюл Валентин Николаев, который за считаные дни до начала командного турнира в Пхенчхане сказал мне, что, на его взгляд, шансов выиграть индивидуальную медаль у обеих российских фигуристок не так много. Свое мнение тренер аргументировал так:

«У Загитовой есть, например, прекрасное преимущество в борьбе с Габриэлой Даллман. Да, у канадки выше и мощнее прыжки, но в целом программа и презентация сильно проигрывают. Просто на большее Алины может не хватить. Прыжки прыжками, а вторая оценка – это вторая оценка. Выиграть второй оценкой у Сатоко Мияхары или у Кейтлин Осмонд, при условии их хороших прокатов, будет очень сложно. Для этого Загитовой нужно откататься не просто хорошо, а выдающимся образом. Программа у нее балетная, а спектакль на спектакль никогда не приходится. Я хорошо это знаю, поскольку, когда в Питере над школой, где я учился, шефствовала Мариинка, начиная с третьего класса всех учащихся пускали туда бесплатно, и я смотрел все спектакли подряд по много раз. Хотя прыгает Алина здорово – ничего не скажешь…»

Загитова все-таки допустила крошечный сбой в финальном прокате – не сумела прицепить к первому из своих прыжков коронный риттбергер, пять штук которых она накануне один за другим еще раз прыгнула в каскаде на тренировке, заставив четырехкратного чемпиона мира Курта Браунинга воскликнуть на трибуне: «Вау! Я счастлив, что видел это!»

Ошибкой это можно было не считать: Алина не потеряла прыжок, а просто перенесла его в конец программы, прицепив ко второму лутцу. Это был штрих, очень хорошо подчеркивающий характер юной фигуристки. Но здесь против Алины невольно сыграла ее выдающаяся постановка, где каждый элемент и каждый жест идеально ложился в музыкальные акценты. Выпавший прыжок совсем чуть-чуть эти акценты сместил, в результате чего катание стало не таким ярким, как в командном

турнире, где 15-летняя дебютантка набрала рекордную для себя сумму баллов – 158,08.

Если бы Загитова повторила в произвольной программе свой лучший результат, шансов на победу у Медведевой не оказалось бы еще до выхода на лед. А так они появились. По крайней мере, очень многим хотелось в это верить. Все и верили – до последнего. И оказались в шоке, когда вместо чуда случилась трагедия.

Разумеется, с такой формулировкой можно не согласиться. Но поражение на подобном уровне, даже когда ты сделал все, на что был способен и тебе вроде бы не в чем себя упрекнуть, всегда воспринимается как конец жизни, крушение всего, что составляло смысл бытия. Олимпийский чемпион Афин по греко-римской борьбе Хасан Бароев, на которого весь борцовский мир смотрел как на наследника великого Александра Карелина, уже будучи взрослым и много чего повидавшим мужиком, проиграл свою следующую Олимпиаду – в Пекине. И признался несколько лет спустя:

«…В тот момент я вообще ничего не понимал. Такое не сразу доходит. Только потом, когда уходишь в раздевалку, идешь на допинг-контроль… Там и начинаешь осознавать, что случилось. Если в одиночестве остаешься – вообще катастрофа. В голове одна лишь мысль крутится: все было напрасно. Абсолютно все…»

В момент объявления оценок Медведевой, у которой был последний стартовый номер, наиболее парадоксально выглядела реакция тренерской группы. Понятно, что и Тутберидзе, и ее помощники неоднократно обсуждали между собой возможное развитие событий – не могли не обсуждать. В тот момент, когда результаты появились на табло, камера попеременно принялась показывать плачущую Женю, плохо скрывающую радость Алину, несколько растерянную Этери. Потом камера крупным планом взяла лицо второго тренера Сергея Дудакова. Больше всего он напоминал в этот момент героя Никиты Михалкова в фильме «Вокзал для двоих» в тот момент, когда тот говорит своему случайному знакомому: «Я же тебе велел дыни стеречь. А ты что натворил?»

Комментируя победу Алины и откровенно восхищаясь спортсменкой, Браунинг тем не менее заметил, что для него чертовски огорчителен тот факт, что жизнь в спорте столь выдающихся спортсменок, как Медведева и Загитова, может быть ограничена четырьмя-пятью годами. А именно к этому все придет, если Международный союз конькобежцев не изменит существующие правила. Впрочем, в Пхенчхане очень хотелось верить, что такая судьба Алине не грозит.

«Я хочу кататься долго», – сказала она после награждения, еще не успев толком осознать, что произошло.

Этого, собственно, не осознал никто. Что интересно, никто ни разу даже не спросил Загитову, была ли она счастлива там, в Пхенчхане, где на каждом шагу обсуждалась одна-единственная тема: золото Олимпийских игр выиграла «неправильная» спортсменка. Апофеозом стали показательные выступления героев Пхенчхана в московском дворце спорта «Мегаспорт», где шоу завершала не та девочка, что выиграла для страны единственное олимпийское золото, а та, что его проиграла. С позиции ледового шоу-бизнеса, это было не просто неприлично, но совершенно недопустимо. В Москве прокатило: мол, звезда же еще маленькая – у нее всё впереди…

Звездный час Загитовой – если говорить о людском внимании – пришел двумя месяцами позже на чемпионате мира в Милане. Именно там на 15-летнюю дебютантку взрослого сезона свалились и полноразмерное повышенное внимание, львиная доля которого на Играх, несмотря на победу, досталась не ей, а Евгении Медведевой, и ответственность за страну, и ожидания всего фигурнокатательного мира: выиграет или нет? Если Алина завоюет в Милане золотую медаль, это означало, что она впишет в историю фигурного катания совершенно уникальное достижение: победу во всех стартах сезона – как главных (что ни разу не было реализовано в одиночном катании ни одной из фигуристок), так и второстепенных.

Этих стартов у Загитовой было в том сезоне девять, и лишь в одном из них – командном олимпийском турнире – напротив имени фигуристки не стояла цифра 1: сборная России финишировала в том турнире второй. Но если вспомнить, как блистательно Алина расправилась в том турнире с соперницами, опередив ближайшую из них в произвольной программе более чем на двадцать баллов, то и командное выступление можно смело заносить россиянке в победный актив.

К чемпионату мира олимпийская чемпионка подошла обладательницей мирового рекорда в короткой программе (82,92 балла), со вторым после Медведевой результатом в произвольном катании (158,08) и в общем зачете (239,57). Причем если свои рекордные баллы Женя набрала в самом конце предолимпийского сезона, выступая на командном турнире в Японии, где не было ни конкуренции, ни ответственности, зато было весьма лояльное судейство, то Алина выгрызла свои рекорды в самых тяжелых условиях, какие только можно было придумать, – на Олимпийских играх.

Иметь репутацию спортсменки, у которой невозможно

выиграть, если она не ошибется сама, это по-настоящему круто. Особенно если учесть, что Загитова заработала эту репутацию в борьбе с соперницей, о которой сезоном раньше говорили ровно те же слова, называя ее непобедимой. Со всем этим багажом она и вышла на старт в Милане.

* * *

«Кто спал, тому повезло», – написала одна из российских газет, описывая кошмарный олимпийский хоккейный четвертьфинал в Ванкувере, где сборная России с треском проиграла Канаде. Того, что происходило под сводами стадиона «Медиоланум Форум», когда на лед вышла Загитова и начала свой произвольный прокат, лучше было не видеть никому. В короткой программе она финишировала второй, незначительно уступив Каролине Костнер. Первая и чисто балетная половина второй постановки была выполнена на ура, а потом начались падения. Первое – с тройного лутца, второе – на каскаде с двойным акселем, потом снова с лутца…

Почему она проиграла, эта девочка, не давшая на протяжении сезона ни одного повода усомниться в собственной стойкости? Неужели именно такое развитие событий предвидела Татьяна Тарасова, сказав в одном из заключительных олимпийских комментариев, что было бы очень правильно, на ее взгляд, освободить Алину от участия в чемпионате мира, дав ей тем самым возможность побольше отдохнуть и эмоционально восстановиться перед следующим сезоном, а в Милан отправить Медведеву – с тем чтобы спортсменка получила возможность закончить сезон победой. Но события развивались иначе: у двукратной чемпионки мира обострилась травма стопы, стало понятно, что продолжить кататься она уже не сможет, а нужно было зарабатывать квоты на следующий сезон. Так что вариант, при котором сильнейшая фигуристка страны может пропустить мировое первенство, даже не рассматривался. Да и состояние Алины внешне казалось превосходным. В Милан она прилетела к самому началу чемпионата, на первой же тренировке исполнила в общей сложности 58 прыжков – вдвое больше, чем подавляющее большинство соперниц. На второй тренировке, когда фигуристки ранним утром в день выступления катали короткие программы, Алина прыгнула 30 раз. «Невероятная легкость, уверенность в себе и небывалый запас прочности», – прокомментировал этот прокат олимпийской чемпионки мой французский коллега.

В отеле, где во время соревнований селятся представители

прессы, все злободневные темы соревнований обсуждаются обычно за завтраком, когда вся медийная тусовка собирается в одном пространстве. Именно там, за завтраком, Татьяна Тарасова сказала, что на тех самых тренировках, на которых Алина, по обыкновению, очень много прыгала, у спортсменки, на ее взгляд, наметился некий дисбаланс, достаточно характерный для периода, когда девочки начинают расти, а их тело меняться. Алина и сама сказала на пресс-конференции после короткой программы, что выросла на три сантиметра, что соревноваться стало сложнее – пришло чувство ответственности, которого почти не было, когда позицию первой фигуристки мира прочно держала Евгения Медведева. Правда, на вопрос о приближающемся пубертате спортсменка отрезала: «Никакого пубертата нет, надо просто меньше есть!»

Предположения, высказанные Тарасовой, поддержал и Рафаэль Арутюнян – тренер чемпиона США Натана Чена.

«Это мы, тренеры, работающие в фигурном катании много лет, знаем: чуть выросло тело – страдает лутц. Начала появляться грудь – возникли проблемы с риттбергером, – сказал он в Милане еще до начала соревнований. И добавил: – Алина просто еще маленькая и не понимает, что с ней происходит и может происходить по мере взросления».

Впрочем, не думаю, что до старта Алина вообще задумывалась об этом. Она привычно прыгала на тренировках по многу раз, как это всегда было заведено в группе Тутберидзе. Что-то, видимо, случилось на одной из этих тренировок: когда Алина в пятницу вышла на заключительную разминку, в ее глазах плескалась паника. Как, впрочем, и у ее наставницы. Не случайно ведь почти все тренеры говорят в своих интервью: самое страшное – стоять у борта, понимать, что именно сейчас будет происходить на льду и что сам ты уже не в состоянии ничего изменить.

Для Тутберидзе поражение подопечной, приближение которого Этери наверняка чувствовала острее, чем кто-либо другой, невольно ставило под сомнение все предыдущие достижения ее карьеры. Точнее, высвечивало уже вроде бы давно забытые неудачи: во многом по недостатку тренерского опыта проигранный Юлией Липницкой личный олимпийский турнир на Играх в Сочи, достаточно скандальный уход Юли из группы, полный разрыв отношений с Медведевой, в подготовку которой были вложены многие годы труда. Все вместе это резко активизировало разговоры о том, что тренер способна добиваться результата исключительно с подростками, подавляя их волю и заставляя работать на износ, пока те не сломаются.

После того как Загитова сокрушительно проиграла, получив

четыре балла штрафа за свои три падения, олимпийский чемпион Олег Васильев сказал:

«Я как тренер вижу проблему прежде всего в том, что после Олимпийских игр у Алины сильно сбился режим тренировок. Когда человек, что называется, поставлен на рельсы, то он, как правило, катается в соревнованиях нормально, сколь бы сильным ни был стресс. А вот когда работа сбивается с наезженного ежедневного графика, который был на протяжении многих месяцев, достаточно пропустить тренировки несколько раз, чтобы выйти из привычного стандарта. Когда за тобой стоит огромная непрерывная работа, это создает инерцию, которая как бы толкает тебя вперед, когда ты выходишь соревноваться. Победа Загитовой на Олимпийских играх – это результат той тяжелой, зверской работы, которую она проделала. А потом наступила пауза, связанная со всевозможными чествованиями, тренировочной работы стало меньше. В этом случае приходится больше концентрироваться, а это очень сложная вещь – собраться для максимального результата, когда нет десятикратного запаса прочности».

Когда Алина одержала первую из своих побед в Гран-при, выступая на турнире в Гренобле, я написала, что ее совершенно выдающаяся произвольная программа на самом деле очень рискованна. Потому что ошибка в любом из прыжков способна обернуться цепной реакцией, разрушить весь замысел программы. В Милане именно это и случилось. Загитова упала на первом лутце, а поскольку прыжки в произвольной программе шли у нее один за другим, уже не оставалось времени понять, что и как делать. Да и опыта такого не было. Наступила совершенно неконтролируемая паника.

Отчасти это напоминало такой же сумбурный олимпийский прокат Юлии Липницкой в произвольной программе на Олимпиаде в Сочи.

И все-таки Загитовой было проще. Во-первых, свой главный старт в сезоне она выиграла. Во-вторых, приехала на мировое первенство, что само по себе было очень мужественным поступком, несмотря на то что на последнее выступление в сезоне у фигуристки уже не оставалось ни сил, ни эмоций. В-третьих…

Третья причина звалась Масару. Собаку породы акита, для которой уже была придумана кличка, Загитовой пообещали подарить японцы – должны были привезти щенка в Москву в середине мая. После того как Алина отработала все послестартовые интервью в пресс-центре, я спросила ее:

«Признайтесь честно, о чем сейчас больше думаете – о следующем сезоне или о собаке?»

«О собаке», – совершенно по-детски ответила олимпийская чемпионка.

Правильнее всего тогда поступил министр спорта Российской Федерации, олимпийский чемпион по фехтованию Павел Колобков, лучше других понимающий, что должна чувствовать девушка, пережившая столь болезненное поражение на глазах у всего мира. Попросив, чтобы ему срочно нашли телефон Загитовой, он собственноручно набрал номер фигуристки и сказал, как только услышал в трубке ее голос: «Алина, немедленно выброси все из головы! Ты в столице мировой моды. Иди на шопинг!»

* * *

Хеппи-энд в этой истории все-таки случился – ровно через год Алина стала чемпионкой мира в Сайтаме, пережив едва ли не самый тяжелый сезон в своей 16-летней жизни. Начался он неожиданно хорошо: внезапно приехав в конце сентября на второстепенный турнир в немецкий Оберстдорф, Загитова своим участием сделала его чуть ли не главным соревнованием большого предсезонья, причем за те две с половиной недели, что прошли между предсезонными прокатами в Москве и стартом в Германии, олимпийская чемпионка совершила грандиозный скачок во всех отношениях – начиная с внешнего вида и заканчивая исполнением прыжков. Складывалось ощущение, что тренерскому штабу Загитовой крайне важно, чтобы уже при первом появлении на публике фигуристка предстала недосягаемой королевой.

Комментируя победу пятнадцатилетней дебютантки в Пхенчхане, многие отмечали, что Алине очень повезло: в силу возраста и отсутствия чрезмерной ответственности она просто не понимала, что такое Игры, и прошла через них, как через очередной старт, один из многих, выигранных в олимпийском сезоне. Год спустя все отмечали уже совсем иное. А именно – что Загитовой гораздо сложнее, чем остальным. В контексте мирового фигурного катания она заняла то самое место, которое до нее занимала двукратная чемпионка мира Евгения Медведева, а этот сценарий не допускает никаких прочих мест, кроме первого. И если кто-то посчитал, что на Играх в Пхенчхане фигуристка не испытывала прессинга, то новому сезону предстояло компенсировать эту недостачу с лихвой.

Зачем ей понадобилось добиваться практически идеальной спортивной формы так рано? Этому тоже находилось объяснение.

В межсезонье изменились правила, в связи с чем у Алины исчезла возможность перемещать все прыжки во вторую половину программы. К тому же она выросла, стала, соответственно, тяжелее, в связи с чем прыжки начали отнимать у фигуристки больше сил. К тому же у нее не было потенциальных козырей в виде четверных прыжков или тройного акселя, в то время как у других спортсменок, способных наступить на пятки олимпийской чемпионке, эти козыри уже имелись. Вот и получается, что тренерский штаб фигуристки был просто обязан задаться вопросом: что именно может стать оружием, способным обезопасить олимпийскую чемпионку от жесткой конкуренции хотя бы на первое время.

Позволю себе сделать здесь небольшое отступление. Почти двадцать лет назад мне довелось беседовать с выдающимся тренером по плаванию Геннадием Турецким – он тогда готовил к третьей Олимпиаде Александра Попова, уже имевшего в активе четыре олимпийские победы. В качестве цели Турецкий обозначил для ученика совершенно немыслимый по тем временам результат на стометровке вольным стилем – 47,76 и даже нашел возможность поменять номер собственного телефона, чтобы он заканчивался этими цифрами: пояснил, что хочет таким образом подсознательно вбить желаемый результат в голову своего спортсмена. На вопрос, зачем добиваться результата, который, в силу его фантастичности, скорее всего, не понадобится для олимпийской победы в Сиднее, тренер ответил: мол, действительно, скорее всего, не понадобится. Но если Попов в полуфинальном заплыве сумеет приблизиться к такому результату, то в финале все соперники сдадутся ему без боя.

В Сиднее сценарий Турецкого был реализован стопроцентно. Только реализовал его не Попов, а Питер ван ден Хугенбанд, проплывший в полуфинале за 47,84 секунды, после чего психологически подавленные фантастическим рекордом голландца соперники «легли» под него сами.

Выступление Загитовой в Оберстдорфе я бы сравнила с тем самым «эффектом Хугенбанда»: у ближайшей соперницы японки Май Михары она выиграла почти тридцать баллов, в произвольной программе превзошла свое личное достижение – олимпийский результат Пхенчхана, а в общем зачете почти повторила его. Понятно, что сравнивать эти баллы было не совсем корректно, поскольку изменилась система начисления очков, но главное заключалось не в цифрах, а в психологической атаке. Ведь в Оберстдорфе Загитова сделала именно то, чего от нее никто не ожидал: еще ни одна фигуристка в статусе олимпийской чемпионки не начинала постолимпийский сезон

столь блистательной победой. В качестве исключения можно вспомнить лишь легендарную Катарину Витт, но в годы царствования немки женское катание было все же иным: гораздо менее затратным в плане физических сил и нервов.

Это и было главным достижением, которое заставило мир задуматься: а есть ли в фигурном катании что-то такое, что может оказаться российской фигуристке не по плечу?

Но в декабре Алина проиграла сначала финал Гран-при, затем – чемпионат Европы.

В Сайтаме против нее сработало слишком много факторов. К двум уже названным поражениям добавились воспоминания о проигранном чемпионате страны, где Загитова заняла лишь пятое место, проигранный год назад чемпионат мира в Милане. Трудно было не думать и о том, что титул олимпийской чемпионки хорош исключительно тогда, когда все складывается безукоризненно. В любом другом случае он придавливает атлета чугунной плитой. Ко всему перечисленному добавлялся последний стартовый номер.

В общем, когда после финального выступления Загитовой зал встал, взорвавшись аплодисментами, эта реакция не отражала той степени восхищения, которой заслуживал прокат Алины.

Глава 11
Каролина Костнер. Забытая акварель

За считаные дни до начала зимних Олимпийских игр в Турине, после продолжительных и крайне неоднозначных дебатов, Италия выбрала знаменосцем своей команды Каролину Костнер. 19-летняя и еще ничего не выигравшая в своей жизни девушка опередила в этом голосовании таких грандов итальянского спорта, как Армин Цоггелер, Стефания Бельмондо и Джорджо Рокка. В этом выборе не было ровным счетом ничего удивительного: очень многие итальянцы уже тогда видели в Каролине фигуристку, способную превратить свою карьеру в эпоху подобно тому, как задолго до этого такое удалось одной из величайших звезд современности, двукратной олимпийской чемпионке Катарине Витт. Тогда, разумеется, никто не мог знать о том, до какой степени близко к судьбе Витт пройдет жизненная канва Каролины.

За год до Турина 18-летняя Каролина стала первой итальянкой, завоевавшей медаль взрослого чемпионата мира. Тогда я написала о ней:

«У Костнер есть все, чтобы добиться результата. Прекрасные природные данные, великолепная наследственность (мама – бывшая чемпионка страны по фигурному катанию, папа – хоккеист, двоюродная сестра Изольда Костнер – выдающаяся в недавнем прошлом горнолыжница), умный тренер с очень правильным, восточнонемецкой школы, взглядом на спорт. То, насколько фанатично сама Каролина относится к тренировкам, не очень характерно для представителей западных стран. Она – одна из немногих спортсменок, кто никогда, ни при каких обстоятельствах, не позволяет себе усомниться в правоте тренера. Ее имидж идеален. Каролина говорит на нескольких языках, прекрасно воспитанна, доброжелательна, уважительна по отношению к старшим (в эту категорию, в силу возраста спортсменки, попадают почти все журналисты), но при этом во всех ее интервью отчетливо присутствует и чувство собственного достоинства, и чувство юмора, и глубокий аналитический ум».

Для реализации итальянской мечты требовалось лишь, чтобы Костнер получила в Турине олимпийскую медаль. А она осталась девятой. Потом два года подряд завоевывала европейское золото и даже стала второй на чемпионате мира—2008, но уже через год успешная полоса в жизни самой талантливой фигуристки Европы прервалась: на двух мировых первенствах у нее не получалось

подняться выше шестого места.

Попытка итальянки уехать тренироваться в США к одному из сильнейших тренеров Фрэнку Кэроллу успехом не увенчалась: на Олимпийских играх—2010 в Ванкувере Костнер откатилась на шестнадцатое место, после чего вновь вернулась в Италию к прежнему наставнику Михаэлю Хуту. Пожалуй, то время было для фигуристки наиболее проблемным в плане поиска себя и своего места в спорте. Позже она призналась мне в интервью:

– Вспоминать о Ванкувере было так больно, что несколько месяцев я вообще старалась выбросить те Игры из головы. Получалось это плохо, и в конце концов я просто оказалась вынуждена задать себе прямой вопрос: «Почему у меня не получилось?» Думаю, причина вот в чем: накануне Игр-2010 меня не покидало ощущение, что я всем должна. Болельщикам, своему тренеру, своим родным – всем тем, кто уже не первый год ждет от меня большого результата. Хотя на самом деле это ощущение появилось даже не перед Ванкувером, а скорее, еще перед Играми в Турине. Сначала я чувствовала, что окружающие искренне мною гордятся, поскольку именно я стала первой итальянской фигуристкой, поднявшейся на пьедестал чемпионата мира, и первой, кто выиграл для Италии золото европейского первенства. Но очень быстро у меня возникло ощущение, что я обязана непрерывно оправдывать чужие ожидания независимо от того, в каком состоянии нахожусь. Более того, я и сама искренне полагала, что должна оправдать эти ожидания во что бы то ни стало. Вот и получилось, что психологическое давление непрерывно шло со всех сторон, но больше всего давила на свою психику я сама.

Именно поэтому в 2009-м я приняла решение уехать тренироваться в США. Естественно, рассчитывала, что смена обстановки положительно скажется на результате. Но этого не случилось, я стала копаться в себе в попытках найти причину, и до меня вдруг дошло, что в фигурном катании для меня первостепенно важно не то, какие места я занимаю, а то, что я просто люблю и хочу кататься. И что кататься хочу там, где мне комфортнее всего. То есть дома.

Через год после возвращения Каролина завоевала четвертый из своих пяти высших европейских титулов, в 2012-м стала чемпионкой мира, а еще через два года завоевала олимпийскую бронзу на Играх в Сочи, причем каталась так, что очевидцы не сомневались: если бы эта Олимпиада проводилась в Италии, с таким катанием Каролина наверняка бы стала чемпионкой.

Потом началась куда менее удачная полоса. После бронзы, завоеванной на мировом первенстве в Сайтаме, итальянка

объявила было о завершении карьеры, но, поразмыслив, взяла годичный перерыв. В том числе для того, чтобы, как следует отдохнув, принять главное для себя решение – возвращаться в спорт или нет. А когда через год решила вернуться и возобновила тренировки, последовала нелепейшая дисквалификация: якобы Костнер содействовала своему тогдашнему бойфренду, олимпийскому чемпиону—2008 по спортивной ходьбе Алексу Шварцеру в употреблении им запрещенных фармакологических препаратов.

Пережить тот период оказалось крайне непросто. Из кумира, которому поклонялась вся Италия, Костнер в одночасье превратилась чуть ли не в преступницу, в которую считал своим долгом кинуть комок грязи каждый сплетник.

Нечто похожее в 1989-м переживала и Витт: после крушения Берлинской стены ее одну из первых немецкие СМИ обвинили в сотрудничестве с органами национальной госбезопасности, и началась откровенная травля.

В подобных ситуациях возвращение в спорт – к единственной досконально знакомой профессии – как терапия. Просто в 1994-м у Витт так и не получилось сделать возвращение триумфальным. Максимум, чего она сумела тогда добиться, – опередила на немецком чемпионате Марину Кильманн в борьбе за вторую вакансию на место в сборной: первая была завоевана Таней Шевченко, и ее место в олимпийской команде не оспаривал никто.

Но уже на предолимпийском чемпионате Европы в Копенгагене были развеяны все иллюзии: двукратная чемпионка Олимпийских игр, четырехкратная – мира и шестикратная – континента осталась восьмой, а на Играх заняла седьмое место.

Понятно, что ситуация Костнер все-таки была иной: перерыв в выступлениях составил у итальянки не шесть лет, как это было в случае с Витт, а всего три. И тем не менее итальянская фигуристка не была застрахована от фиаско: все-таки с момента ее олимпийского выступления в женском одиночном катании изменилось слишком многое, чтобы рассчитывать на успех при не самом сложном наборе прыжков. Поэтому первый старт спортсменки на чемпионате Европы—2017 в Остраве стал для спортивного мира событием.

* * *

За день до начала соревнований в Остраве я спросила у Алексея Мишина, который довольно много в тот период

сотрудничал с Каролиной, помогая итальянке выбраться из пропасти, в которую она угодила, готова ли Костнер к тому, что уже в короткой программе может сокрушительно проиграть? «Она наверняка думала об этом, – ответил тренер. – Готова ли? Я не знаю…»

Если представить все лучшее, что когда-либо существовало в мировом фигурном катании, одним цельным живописным полотном, все самые тонкие акварельные оттенки и переходы света я отдала бы Костнер.

Значительной долей своего «акварельного» имиджа итальянка была обязана известному итальянскому дизайнеру Роберто Кавалли, с которым сотрудничала много лет вплоть до Игр в Ванкувере. Очень многие модели Кавалли разрабатывал специально для фигуристки, с учетом всех ее пожеланий, и эта работа нравилась обоим, хотя в те годы Костнер проводила в Италии не так много времени из-за того, что постоянно тренировалась в Оберстдорфе. После расставания с маэстро костюмами Каролины занялся молодой итальянский дизайнер Джанни Сапоне. «Мне вообще нравится работать с итальянскими мастерами, – говорила по этому поводу Каролина. – Мне кажется, что через костюмы очень точно передается моя итальянская душа, мои представления о красоте движений, поэтому я всегда придавала этому большое значение.

Акварель – едва осязаемая субстанция. Наверное, поэтому программы харизматичной итальянки абсолютно не телегеничны: выглядят на экране как мутноватая ксерокопия шедевра – не более. Захватывает лишь живое впечатление, причем настолько, что даже Этери Тутберидзе – человек крайне далекий от лирики, когда речь идет о спортивном результате, сказала однажды в адрес Костнер: «Удивительная фигуристка. Когда смотришь вживую, как она катается, прощаешь ей все. Потому что она постоянно в образе. И настолько уверена, что она лучше и красивее всех, что ты начинаешь вместе с ней в это верить. Она постоянно держит этим зал».

Возможно, как раз в этом кроется причина того, что слова «мечтаю кататься, как Каролина» я слышала в разное время от Аделины Сотниковой, от Анны Погорилой, от Марии Сотсковой, от Жени Медведевой, от Алины Загитовой, от Алены Косторной.

В Остраве на лед вернулась прежняя Костнер – со скольжением, больше напоминающим стремительный полет, с прыжками, к которым благодаря Мишину вернулись четкость и графичность, с новыми вращениями и привычно изысканными костюмами. Это было великое возвращение, хотя завоеванная итальянкой медаль оказалась лишь бронзовой.

После своего сокрушительного поражения на Олимпийских играх в Ванкувере фигуристка сказала: «Иногда я завидую той Каролине, которая дебютировала на чемпионате Европы в Мальме в 2003-м и даже не задумывалась, каким неимоверным трудом иногда дается результат». В том сезоне четырнадцатилетней давности у Каролины состоялось еще одно выступление, которое прошло почти незамеченным, но стало знаковым – катаясь здесь же, в Остраве, она завоевала свою самую первую, и тоже бронзовую, медаль юниорского мирового первенства.

Разговаривая с Мишиным, я спросила, понимала ли Каролина, обращаясь за помощью к именитому российскому наставнику, сколь долгим может оказаться для нее путь к успеху? Тренер ответил утвердительно:

– Каролина с полным пониманием отнеслась к тому, что вернуть сразу все прежние навыки не получится. Что наиболее сложные прыжки нам, возможно, вообще не удастся восстановить. Меня подкупило в ней даже не стремление к результату. А то, что она поверила в мои слова как в Библию. Такое отношение к тренеру и тренировкам – очень большая редкость, особенно у российских спортсменов.

В Остраве фигуристку приходилось не столько тренировать, сколько останавливать. По словам Мишина, его подопечная просто упивалась тем, что наконец дорвалась до настоящего фигурного катания.

– Меня порядком напугала уже самая первая тренировка, – рассказывал тренер. – Я дал Каролине задание очень сдержанно прокатать канву программы, она же на глазах начала входить во вкус и в какой-то момент поехала в полную силу. Пришлось останавливать, объяснять, что на тренировках ничего этого нам не нужно. Что вся тренировочная красота должна быть фейковой, поддельной, не отнимающей эмоциональных сил, и что совершенно преждевременно открывать все карты. Говорил даже о том, что когда опытные актеры на репетициях плачут на сцене, это совершенно не мешает им думать в тот же самый момент о ценах на бензин. Не знаю, откуда в Костнер вот уже столько лет берется такое наслаждение фигурным катанием, но оно реально восхищает меня как тренера. Смею предполагать, что мы с Каролиной сейчас находимся только в начале пути.

Интересно, что Тутберидзе, отдавая дань умению Костнер заворожить публику, не слишком комплиментарно отозвалась о техническом арсенале итальянки, когда незадолго до Игр в Сочи анализировала по моей просьбе шансы возможных претенденток на победу.

«На экране телевизора вся магия итальянки пропадает, –

говорила Этери. – Сразу становится заметно, например, что переходов из элемента в элемент у Костнер нет вообще. На виражах Каролина очень мощно набирает ход, а потом катит всю прямую на двух ногах, попеременно меняя руки. И прыгает каскад не от синей линии, как Юна Ким, а практически у самого борта. Если бы все это делала не Костнер, а какая-нибудь другая фигуристка, думаю, ее наказывали бы беспощадно. Но Каролине прощают. Возможно, потому, что в «новое» фигурное катание она попала в каком-то смысле из прежних времен. Поменять технику заходов на прыжки в такой ситуации крайне непросто. Плюс подкупает огромная скорость, которую Костнер поддерживает от начала и до конца программы. С другой стороны, если бы Каролина делала между прыжками более сложные шаги, не факт, что ей удалось бы эту скорость сохранить…»

Заочно тренеру достаточно аргументированно возражал Валентин Николаев:

– Большинство шагов, которые делает Костнер, мало кто из одиночниц сумеет повторить так же чисто. Я сам видел, как Каролина работает над шагами – несколько раз проводил в Оберстдорфе семинары и обратил внимание на интересную деталь: стоило мне рассказать тренеру Костнер Михаэлю Хуту о каких-то новых упражнениях, как через 15 минут на соседнем катке Каролина уже пробовала их делать. Причем все показанные мной упражнения Хут уже успевал подогнать конкретно под нее. Каждое задание Каролина выполняла до тех пор, пока не добивалась абсолютной чистоты. Потом начинала увеличивать скорость. И работала она над каждым элементом часами. А то, что многие сейчас называют сложными шагами, зачастую сводится к беготне по льду на зубцах – как у танцоров. В свое время Кристофер Дин замечательно ответил на вопрос, чем отличается их с Джейн Торвилл стиль катания от советского.

– И чем же?

– Тем, что они всегда катались на дугах, а не по прямой…

* * *

В Остраве я спросила Костнер, почему из всех наставников мира, большинство которых с радостью предоставило бы фигуристке лед и собственное внимание, она выбрала Мишина. И услышала в ответ:

– Тренироваться у Мишина было очень долгое время моей мечтой. Почему? Наверное, потому, что я очень люблю учиться. Я впервые попала к нему в тренировочный лагерь еще в 2006-м

после Олимпийских игр в Турине, и это был потрясающий опыт. Через год я приехала к Мишину снова. Он удивительный. На его тренировках никогда не бывает скучно. Даже когда тебе кажется, что знаешь в фигурном катании все, что только можно было выучить, Алексей Николаевич умеет найти что-то такое, что снова заставляет почувствовать себя на льду несмышленышем. Когда я решила, что хочу вернуться, то задала себе вопрос: кто из тренеров способен дать мне максимальное количество новых знаний? Так что даже и выбирать, по большому счету, не пришлось. Вопрос был только в том, сумею ли я в достаточной степени заинтересовать Мишина, чтобы он захотел со мной работать. К моему удивлению, он сказал: «Да».

– Вы были настолько низкого мнения о своей спортивной привлекательности, когда начинали работать после дисквалификации?

– Я была не в самом лучшем состоянии, скажем так. Нужно было возвращать массу навыков и одновременно с этим учить какие-то новые для меня вещи.

– Но ведь до того, как начать постоянную работу с российским тренером вы, знаю, намеревались искать наставника в Канаде?

– В этой стране живет и работает мой постоянный хореограф – Лори Никол. Поэтому я, разумеется, думала о том, чтобы какое-то время тренироваться в Торонто, если вдруг не сложится в Европе. При этом мне не хотелось обращаться к тренерам, с которыми я уже работала: иногда спортсмену очень нужно, чтобы на него посмотрели со стороны другими глазами и сказали ему что-то другими словами, пусть смысл этих слов будет тем же, что говорили прежние наставники. На самом деле, иногда сложно объяснить, как именно приходишь к тому или иному решению. В моем случае не было четко расписанного предварительного плана. Я приехала к Мишину в Тарту в тренировочный лагерь, держа в уме лишь то, что должна попытаться извлечь для себя максимум пользы. Результат мне понравился. Я захотела еще. Меня радует, кстати, что нам с Мишиным удалось выйти на иной качественный уровень тренировок. Я почти не делаю на них грубых ошибок, чего раньше со мной не случалось. Это очень сильно вдохновляет, мотивирует и помогает понять, как и куда двигаться дальше. Пару раз, правда, случалось, что я получала задания, и первой мыслью было: «Нет, только не это. Это невозможно». А потом идешь и делаешь. И понимаешь, что нет абсолютно ничего страшного в том, что какое-то упражнение не получается с первого раза. Зато не скучно. Беда многих спортсменов в том, что за годы тренировок они привыкают

одинаково работать, одинаково проводить разминки, готовиться к выступлениям и сами не замечают того, что рутинные действия приводят к некой закостенелости, делают сознание менее подвижным. Для меня, например, было очень странно, что можно, оказывается, поменять программу за два дня до соревнований, переставив в ней целые куски, и это не приводит к катастрофе. Это тоже был интересный опыт. Вообще за время работы с Мишиным я поняла, что никогда не нужно бояться что-то пробовать. Возможно, на какие-то вещи просто понадобится больше времени. Но никакие навыки и умения не бывают для спортсмена лишними. И, наверное, не только для спортсмена.

Наиболее сложным было снова выработать в себе правильное ощущение ученичества, – продолжала Каролина. – Делать на льду не то, чему научился за два с лишним десятка лет, а то, что говорит тренер. Старательно, досконально, принимая любую критику, поднимаясь после падений и продолжая молча работать. Пару месяцев это было именно так. Шаги, простые прыжки, большей частью двойные. И огромное количество всевозможных упражнений. И ничего не получалось при этом. Я каждый вечер возвращалась домой с тренировок и говорила себе вслух, что все обязательно получится, хотя думала при этом чаще совсем о другом. Для меня сейчас очень важно двигаться вперед, не прыгая через ступеньки. Не бежать впереди паровоза, как говорят у вас в России. Мне уже достаточно много лет, чтобы понимать, что хорошее вино всегда требует выдержки. Первостепенная задача – вернуть стабильность, а с ней наверняка вернется и уверенность. Вот тогда можно будет возвращать в программу более сложные прыжки, тем более что ближайший чемпионат мира точно не является для нас с Мишиным высшей и единственной целью…

* * *

Рассуждать задним числом о том, почему не получился тот или иной результат, всегда проще. Корейская Олимпиада – заключительные Игры Костнер – оказалась для нее неудачной. У меня, как у журналиста, был большой соблазн объяснить поражение тем, что Каролина, досрочно уезжая от Мишина обратно к Хуту, слишком рано уверовала в успех. Посчитала, что работа сделана и уже никуда не денется. Как бывшая спортсменка, я видела слишком много ситуаций, когда вынужденное затворничество просто оказывалось атлету не по силам. Тем более что Костнер уже однажды пробовала изменить свою жизнь, уехав в Лос-Анджелес к Кэроллу. – И не провал в

Ванкувере тогда стал причиной ее отъезда от выдающегося тренера домой в Италию.

«Я только в Америке впервые осознала, насколько глубоко сидят во мне все наши традиции, привычки и до какой степени я скучаю по дому, – призналась мне как-то фигуристка. – Я тосковала по зиме, по снегу, по рождественским украшениям витрин и улиц, по европейскому Рождеству. Мне постоянно хотелось домой, хотелось оказаться в Больцано, где люди знают меня не как известную фигуристку, а как дочку Патриции и Эрвина – девочку, которая выросла на их глазах…»

Российскому наставнику спустя четыре года она написала примерно то же самое.

Кому из тренеров Костнер была обязана своим триумфом на послеолимпийском чемпионате мира в Милане? Не ищите имя итальянки в призерах – его там нет. Золотую медаль получила канадка Кейтлин Осмонд, чье катание на том турнире, боюсь, вспомнят немногие. А вот то, как Каролина выиграла короткую программу и завоевала малую золотую медаль, будут помнить все. Само присутствие 31-летней спортсменки в группе сильнейших казалось неким анахронизмом. Однако как раз про Каролину одна из лучших российских фигуристок Анна Погорилая сказала: «Каждый раз, когда я вижу ее на льду, думаю о том, что у женского одиночного катания есть будущее».

В той программе Костнер действительно выдала прокат всей своей жизни. Подобные эпитеты кажутся не совсем уместными применительно к коротким программам, но достаточно сказать, что зал, забитый болельщиками, встал еще до окончания музыки – включая всю трибуну много чего видевшей в фигурном катании прессы. Каролина не каталась так ни разу в жизни – свой личный рекорд она превысила на 1,97 балла, впервые добравшись до гроссмейстерской отметки в 80 баллов – 80,27.

Беседуя накануне с Алексеем Мишиным, я услышала от него целую историю о том, как его выдернули в Италию прямо с тренерского семинара в Македонии – настолько сильно Костнер была впечатлена результатами совместной работы, которую фигуристке удалось проделать, вернувшись к российскому тренеру сразу после Игр в Пхенчхане. До начала чемпионата мира Мишин проработал с итальянкой еще пять дней, затем вместе с ней приехал на соревнования. Накануне старта сказал, как говорил обычно в давние времена своей работы с Евгением Плющенко: «Не пишите пока ничего о нас, хорошо?» И удалился в раздевалку с обещающим прищуром: «Что-то будет…»

Присутствие Костнер среди фаворитов женского турнира послужило поводом неизвестно в какой раз задуматься о том, что

ждет женское одиночное катание в будущем. Тема активно обсуждалась еще на Играх в Пхенчхане: спусковым крючком, запустившим обсуждение в массы, стала победа Алины Загитовой над Евгенией Медведевой. Просто если российские СМИ муссировали в основном тему двух золотых медалей, которых, на их взгляд, в равной степени заслуживали обе российские спортсменки, то западный подход к делу выглядел более рациональным. Его прекрасно выразил у себя в фейсбуке двукратный олимпийский чемпион Дик Баттон. Он жестко пресек какие бы то ни было спекуляции на тему победы Загитовой, написав: «Она выиграла абсолютно честно. Сделала все прыжки во второй половине программы? Да. Но правила это допускают!»

И кто бы только мог подумать, что при безошибочном прокате олимпийской чемпионки в Милане ее перекатает вдвое старшая соперница?

А в финале спортсменки, которые, по всем прогнозам, должны были разыграть между собой золото и серебро мирового первенства, остались седьмой и пятой. Так бывает – когда золото само плывет в руки, а забитые под завязку трибуны орут так, словно ты уже чемпионка…

Глава 12
Взгляд в прошлое. Оксана Баюл и Валентин Николаев

Когда журналисты и болельщики начинают перечислять фигуристок, стремительно ушедших в никуда после завоевания золотой олимпийской медали, все, как правило, добавляют к этому перечислению обидное словцо «однодневка». И почти всегда в одном ряду с чемпионкой Нагано Тарой Липински и чемпионкой Солт-Лейк-Сити Сарой Хьюз упоминается имя украинской фигуристки Оксаны Баюл.

И все-таки Баюл всегда стояла в этом ряду особняком. На самом первом взрослом чемпионате Европы в 1993-м в Хельсинки журналисты наперебой сравнивали 15-летнюю дебютантку с двукратной олимпийской чемпионкой Катариной Витт, проча артистичной малышке совершенно фантастическое будущее. Оксана действительно выделялась из общего ряда не по годам зрелым пониманием фигурного катания и природной пластикой – такой же, как та, за которую мир спустя годы полюбил Алину Загитову.

Интересно, что одним из первых на фигуристку обратил внимание Станислав Жук – заметил ее на том самом чемпионате в Киеве, где мы с тренером ежедневно встречались на трибуне.

Жук долго тогда вздыхал, глядя на Баюл: «Эх, мне бы эту девочку!» Но девочка успела надежно отгородиться от российских притязаний свежепрочерченной украинской границей. И оказалась под крылом Галины Змиевской и Валентина Николаева. Тренерский тандем тогда успешно работал в паре с четким распределением ролей: Николаев отвечал за технику, Змиевская – за презентацию и общий менеджмент.

Героиней того чемпионата стала темнокожая француженка Сюрия Бонали, победившая на континентальном первенстве третий раз подряд, Баюл же завоевала серебро. 15-летняя девушка запомнилась судьям сразу, как только 33 участницы вышли на разминку накануне классификационного проката произвольной программы. Пусть правила ИСУ и не предусматривали этого результата в определении будущей победительницы (подсчет баллов в технической программе основного турнира начинался с нуля), но судьи, не менее остальных потрясенные катанием дебютантки и ее непосредственностью, прониклись к ней очень большой симпатией. И кто знает: может, именно это сыграло роль

в том, что после драматической остановки Оксаны в самом начале технической программы, когда левый ботинок на глазах разбух и расползся вслед за ослабшим шнурком, решение арбитров в пользу украинки было единогласным: разрешить ей вторую попытку проката всей программы целиком. Что Баюл и сделала блестяще.

Через два месяца Оксана стала чемпионкой мира – произвела очередной фурор, от которого ошалели даже видевшие спортсменку ранее судьи. С одной из наиболее опытных и уважаемых арбитров мы дружили много лет, и я в шутку поинтересовалась у нее, каким образом судейская панель вообще допустила прецедент, чтобы дебютантка вдруг, с первого же раза, оказалась в мировой элите? Получила место, в очереди за которым фигуристы стоят годами?

«Когда-нибудь это должно было случиться, – ответила мне приятельница. – Вот оно и случилось: появилась девочка, перевернувшая весь наш мир вверх ногами. Я первый раз в жизни пожалела, что не имею права проявить эмоции и вместе со всеми заорать от восторга».

Спустя год Баюл снова проиграла Бонали европейский чемпионат и приехала на Олимпиаду в Лиллехаммер в статусе пусть и чемпионки мира, но, тем не менее, темной лошадки: однозначным фаворитом тех Игр считалась американка Нэнси Керриган, поэтому все медийные прогнозы так или иначе крутились вокруг нее. Тем более что Играм предшествовала скандальная и в прямом смысле слова детективная история с покушением, организованным соперницей Керриган – Тоней Хардинг.

Много лет спустя, когда мы с Николаевым в очередной раз вспоминали начало его работы с Баюл, тренер рассказал, почему в свое время принял решение перебраться из Киева в провинциальную по тем временам Одессу, хотя его звали и в Ленинград, еще не ставший Санкт-Петербургом, и в другие города.

«В Одессе я как-то однажды оказался на судейском семинаре, – рассказывал Валентин. – И на улице как-то увидел пацана, который шел в распахнутом пальтишке по трамвайным путям, а на лице, в жестах, в походке сквозило такое чувство собственного достоинства, что сразу становилось понятно: идет хозяин жизни. Это – одесские дети. Что бы ни происходило вокруг, они все равно выживут».

Таким же «одесским» ребенком, по сути, была и Баюл, несмотря на то, что родилась Оксана в Днепропетровске. Ее

шансы не то что на победу, но даже на какую-нибудь медаль расценивались как крайне маловероятные: на последней тренировке перед заключительным прокатом украинку ударила коньком еще одна претендентка на пьедестал, немка Таня Шевченко.

Получилось так, что и Баюл, и Шевченко с разных концов катка заходили на самый сложный прыжок – тройной лутц, причем спинами друг к другу, то есть вслепую. По какому-то ужасному стечению обстоятельств они оказались на одной линии. И обе спохватились лишь в воздухе. На огромной скорости Шевченко рассадила лезвием конька ногу Баюл, а та, запоздало выставив вперед руки, попала сопернице точно в солнечное сплетение. Таню со льда унесли. Оксана доехала до бортика сама, но тут же была отправлена в госпиталь, где на поврежденную ногу наложили швы.

Вспоминая впоследствии ту ситуацию, Николаев признался, что травма, как ни странно это может прозвучать, пошла его подопечной на пользу – выбила все лишние мысли из головы. Плюс – сработало общественное мнение.

«Первым тогда сориентировался Валерий Борзов, который возглавлял украинскую делегацию: посоветовал ни под каким видом не говорить журналистам, что Баюл будет выступать, тем более уже никто и не верил в то, что она сумеет продолжить соревнования, – вспоминал Николаев. – Это сработало, дало эффект неожиданности. Более того, я уже потом понял, что эта ситуация стала нашим единственным шансом разрушить сказку под названием „Бедная Нэнси Керриган“. Ксюха прокаталась идеально. Но даже при таком прокате шансов проиграть американке у нее было гораздо больше, чем выиграть.

У меня есть одна моя фотография, сделанная в Лиллехаммере за несколько минут до произвольной программы Оксаны Баюл, когда я в одиночестве курил в душевой, – продолжал тренер. – Кто-то из наших ребят зашел, щелкнул камерой – я не успел даже сообразить, что к чему. Найду – покажу вам обязательно. Сами взглянете. На человека хорошо одетого, в приличном костюме, с бабочкой. И на эту его рожу. Которую любой ценой надо спрятать подальше, чтобы выйти к своему спортсмену. Чтобы тому даже в голову не пришло, какой ужас сидит у тебя внутри. Потому что передается это состояние на тысячу процентов. Мгновенно. Знаете, как мне было холодно, когда Галя Змиевская сразу после Игр в Лиллехаммере уехала с Оксаной в Америку, и я остался у борта один? Мы 12 лет стояли там вместе. Стоило нашему спортсмену поехать, она не просто облокачивалась – въезжала в меня как бульдозер. А я прижимался

к ней. Потому что обоих колдобило так, что стоять без опоры было просто невозможно…»

Собственно, и Змиевская признавалась в Лиллехаммере, что перед выходом Баюл была в прострации – незадолго до выступления Оксаны очень неудачно выступил еще один подопечный тренеров, олимпийский чемпион Калгари Виктор Петренко. Поэтому вместо привычного напутствия сказала Баюл лишь одну фразу: «Держись, девочка».

Со стороны все выглядело бесшабашно просто: перекрестившись и традиционно поплевав через левое плечо, Оксана отправилась на ледяной эшафот, словно на вечеринку. Ее победу над Нэнси Керриган решил всего один судейский голос.

* * *

После того как 16-летняя олимпийская чемпионка неожиданно для многих и, на первый взгляд, неоправданно перекочевала в 1994-м из любительского спорта в профессиональный, в среде фигуристов стали распространяться слухи, что хозяин одного из ледовых шоу просто оплатил этот переход суммой, превышающей миллион долларов. Эти деньги были пущены на ветер несовершеннолетней звездой с одесским размахом и шиком.

Двадцать пять лет спустя, когда та сумбурная жизнь уже была в прошлом, а в реальности у Оксаны имелся счастливый брак, муж, дом в Лас-Вегасе и очаровательная дочка, я процитировала ей разговор, который случился у меня на Олимпийских играх в Сочи с Тарой Липински, когда уже взрослая и успешная Тара сказала:

«Сложно представить, до какой степени заблуждаются те, кто считает, что в 15 лет гораздо проще переносить стресс и давление трибун. Про меня в Нагано тоже говорили, что мне нечего терять и, соответственно, нет причины нервничать сверх меры. Это абсолютная неправда. Ты точно так же нервничаешь, как любой другой спортсмен, а еще тебе дико страшно. Потому что нет никакого опыта, и ты попросту не понимаешь, что со всем этим делать. С ногами, которые не едут, с руками, которые трясутся так, что из них выпадает носовой платок. Мне было очень страшно в Нагано. И больше всего я горжусь как раз тем, что справилась на тех Играх с собой».

Баюл я задала тот же самый вопрос: что такое выиграть Олимпиаду, когда ты совсем ребенок?

– Ну так это действительно так и есть, как сказала Тара, –

ответила мне собеседница. – Олимпийскую корону несут всю жизнь, и порой от нее реально подкашиваются ноги. Нас ведь, если посчитать, набирается не так много – олимпийских чемпионок, кто на сегодняшний день еще жив. Поэтому всегда ощущается некая ответственность за свой титул. Когда мне было 16 и я выиграла чемпионат мира в Праге, а через год – Олимпийские игры в Лиллехаммере, ответственность была иной – за то, как ты катаешься. Просто потом в моей жизни возникла ситуация, к которой я совершенно не была готова.

– Имеете в виду переезд в Америку?

– Да. Сразу после Олимпийских игр в Лиллехаммере мой тренер Галина Змиевская действительно подписала миллионный контракт, который, по сути, был предложен ей под мое имя. Сама я тогда вообще никак не могла влиять на процесс, поскольку была фактически несовершеннолетней. И выбора, ехать в США или нет, у меня не было в принципе. Меня даже никто не спрашивал, хочу я туда или нет. Ну а в Америке всё надо было начинать с самого начала. Учить язык, учиться правильно общаться с окружающими, учиться вести себя в бизнесе, в котором ты оказался. То есть с одной стороны, ты – олимпийский чемпион, но, с другой – ты совершенно не подготовлен к той послеолимпийской жизни, которая на тебя со всех сторон обрушивается. Потому что сама жизнь меняется кардинально. На тебя смотрят миллионы болельщиков, ты становишься примером для подражания, давление растет, растет, растет. И никто не думает о том, что 15–16 лет – это слишком юный возраст для того, чтобы взваливать на себя такую огромную ответственность. У подростка банально нет достаточного жизненного опыта, чтобы понимать, как себя вести в тех или иных ситуациях. Рядом обязательно должен находиться взрослый человек, который способен помочь. Где-то остановить, удержать от каких-то шагов, где-то подтолкнуть вперед. Увы, рядом со мной в тот момент таких людей не оказалось. Змиевская была большей частью занята собственными проблемами, как и Виктор Петренко, а Валентин Николаев перебрался в другой город.

Именно Николаева фигуристка всегда считала своим основным тренером:

«Валентин Алексеевич не только учил меня каким-то техническим вещам, но гениально умел подвести меня к старту, – вспоминала Оксана. – На тех турнирах, где можно было не слишком переживать по поводу занятого места, мы пробовали какие-то новые элементы, не боялись рисковать и экспериментировать, но там, где надо было действительно хорошо выступать, я выступала всегда хорошо. При этом я

никогда не относилась к числу спортсменов, которые на тренировках могли катать произвольную программу бесчисленное количество раз. Мешала не только эмоциональность, но и специфика моих элементов. У меня были огромные прыжки, скорость захода на них тоже была огромной. Если прыжки у фигуриста, как мы говорим, маленькие, на них затрачивается гораздо меньше сил, чем когда они огромные, красивые, на полполяны. Все это требовало очень тщательного тренерского подхода, умения просчитывать множество вещей, и это Николаев умел блестяще…»

* * *

Рассказывая о своем любимом наставнике, Оксана, по сути, сформулировала все то, за что я так любила разговаривать с Николаевым о фигурном катании. Несмотря на уже солидный возраст, тренер ежедневно работал на льду в коньках, находил время смотреть все без исключения турниры, и его цепкий взгляд, как и прежде, ухватывал самую суть. Еще он блистательно умел объяснять. Никогда не забуду, как в одном из первых интервью я спросила Валентина, какие именно слова наставник говорит подопечному, отправляя того на старт.

– Разные, – хмыкнул Николаев. – На предолимпийском чемпионате Европы-93, том самом, где Баюл завоевала свою первую взрослую медаль, меня журналисты долго пытали на пресс-конференции, что я так долго ей рассказывал. А я ее материл по-черному, потому что именно в этот момент Оксана мне заявила, что не хочет кататься. Вот я и высказался, не выбирая выражений. И не останавливался до тех пор, пока у Ксюхи от злости губа не задергалась. Выхода другого не было – надо было ее любой ценой из шока выводить. Если у человека на старте глаза как у мороженого судака, прежде всего тормозится координация. В фигурном катании это – крах. Да и не в фигурном тоже. Аналогичный случай был со Славой Загороднюком, когда он поехал на второй в жизни турнир – юниорский чемпионат мира в Праге. Самым большим достижением разминки стало то, что нам удалось докрутить тройной аксель на две ноги и упасть на спину не разбившись. Больше ни единого прыжка Славка не сделал. Выходит со льда – глаза жалобные. Явно рассчитывал, что тренер сейчас пожалеет. Я же, вместо этого, высказался по полной программе. Воспроизвести, извините, не могу. В итоге он вполне прилично прокатался: выиграл произвольную и в общем зачете стал вторым. А не напихал бы я ему? Конечно, это далеко не

лучший педагогический прием – существуют и другие. Вот только каждый раз стрессовая ситуация возникает у тренера неожиданно. И у каждого спортсмена проявляется по-разному. А копаться в памяти и вспоминать всю прочитанную педагогическую литературу уже просто некогда. Хотя бывают ситуации, когда человека достаточно отвлечь. Если бы у Баюл на чемпионате Европы в Хельсинки не развязался шнурок на ботинке, после чего ей разрешили начать произвольную программу сначала, она не прокаталась бы так здорово. Потом, кстати, покойный Станислав Жук с Алексеем Мишиным долго просматривали видеозапись и всерьез спорили: сама Баюл развязала шнурок на опорной ноге во время вращения или нет.

Перед Играми в Пхенчхане, когда у всего спортивного мира на слуху были имена Алины Загитовой и Евгении Медведевой, я спросила Николаева, каким он видит развитие женского одиночного катания притом, что этот вид фактически уперся в потолок девичьих возможностей. Валентин тут же начал объяснять:

«Если мы вспомним Олимпийские игры 1992 года, их выиграла Кристи Ямагучи, прыгнув каскад 3+3. Мидори Ито на тех же соревнованиях показала тройной аксель. Заметьте, мы говорим о событиях почти тридцатилетней давности. Тогда в женском катании витала идея пяти тройных прыжков, и в 1992-м пятью тройными владела примерно половина участниц. К 2002 году пять тройных уже были нормой женского катания, хотя каскад 3+3 все еще считался эксклюзивом. Сейчас мы видим, что и пять тройных, и каскад 3+3 с тулупом – это абсолютный, рядовой стандарт. Некоторые лидеры пытаются исполнять каскад из тройного лутца с риттбергером, как это делает Алина Загитова. На самом деле тот же самый каскад ничуть не хуже делала в свое время Ирина Слуцкая, так что никакой особенной доблести я тут не вижу. Но я к чему: потолок, в который сейчас уперлось мировое женское катание, должен вот-вот прорваться. Но куда? В направлении четверных прыжков? Маловероятно.

– Почему?

– Потому что для этого должно появиться новое поколение спортсменок, которые с началом пубертатного периода не будут терять скоростные качества, а главное – начальную скорость при входе в прыжок. «Удар-вращение», как когда-то назвал это Алексей Мишин. Пока девочки легонькие и узенькие, этот «удар-вращение» дает им возможность быстро набирать очень большое количество оборотов в секунду. А как только ребенок подрастает, у него тут же начинаются проблемы с угловыми скоростями.

Сейчас есть спортсменки, которые уже выросли, но успешно

выполняют очень сложные прыжки, сохраняя способность быстро крутиться. Как только таких спортсменок станет много, четверные прыжки в женском катании появятся в большом количестве. Это так же неизбежно, как то, что происходило в плане прыжков в мужском одиночном катании. Мы же помним времена, когда четверной тулуп прыгали Элвис Стойко, Курт Браунинг. Каждый раз это была барабанная дробь и никакой гарантии, что прыжок будет выполнен. Когда мы с Галиной Змиевской мучились с четверным прыжком Вити Петренко, чего только ни делали, но начальной скорости вращения Виктору все равно не хватало. Слава Загороднюк делал четверной уже значительно увереннее. А Вася Еременко, с его невероятными скоростными характеристиками, прыгал три различных четверных. Но это были единичные примеры. Которые сейчас наверняка появятся и в женском катании.

– Так они уже появились, – перебила я тренера.

– Знаю, – невозмутимо отреагировал Николаев. – Видеозаписи я смотрел. Во-первых, там пока еще большая проблема с докрутами, а во-вторых, это именно дети, а не девушки. Но сейчас в женском катании есть та же Загитова. Когда Алина выступала в юниорах, она не очень мне нравилась. Более того, я не видел слишком большой возможности развить ее катание. Как выяснилось, ошибался: в этом году Загитова катается значительно лучше. Но это вообще другая спортсменка – она отличается от всех. Это уже не Медведева, но и не те маленькие девочки, которые стоят у нее за спиной. Алину я назвал бы как раз первой ласточкой того поколения, которое массово должно появиться в фигурном катании через несколько лет. Она уже имеет достаточно взрослое тело, и я не исключаю, что пубертатные процессы у нее стабилизировались. Загитова не выглядит ребенком, она – маленькая женщина.

Тут ведь еще важно и то, какую задачу ставит перед спортсменом тренер, – продолжал Николаев. – Я, например, часто думаю о том, что девочки такого уровня, как Загитова и Медведева, с такими начальными характеристиками могли бы показывать в фигурном катании нечто более интересное, чем каскад лутц-риттбергер. Сейчас, понятно, уже никто не будет заниматься усложнением их программ – время ушло. Учить четверные прыжки в шестнадцать лет очень сложно, неважно, кто этим обучением будет заниматься: Сергей Дудаков с Этери Тутберидзе или Алексей Мишин. Это не просто изменение каких-то технических навыков, а глобальное изменение отношения к самому прыжку. Изменение прыжковой философии. Мишин, знаю, это понимает. Большинство других тренеров – нет. Если к

Мишину привести девочку и сказать, что через год она должна прыгнуть четверной прыжок, не думаю, что он ее возьмет. А вот возиться с Каролиной Костнер ему было интересно. Хотя лично я считаю, что проект не получился.

– Почему же? – удивилась я. – Ведь именно под руководством Мишина Каролина восстановила все прыжки и даже тройной лутц.

– Да, – согласился Николаев. – Но ничего нового она не сделала. За счет того, что Мишин детализировал каждый элемент, он дал Каролине «мозговой» фундамент – ментальную уверенность, которая появляется, когда спортсмен до мельчайших винтиков понимает все, что происходит, может предвидеть сбой. Костнер не нуждается в том, чтобы ею управляли. Она работает много, и работает «с головой». Образно говоря, Костнер – это спортсменка, которой нужно ставить задачу не забить мяч в ворота, а забить его под левую перекладину, стоя в дальнем углу штрафной площадки. Так что к Мишину она пришла, скорее всего, не потому, что он – великий тренер, а потому, что ее прежний наставник Михаэль Хут перестал двигаться вперед. Исчерпал на каком-то этапе способность находить для Каролины задания, которые ей нужны. Я как-то был свидетелем сцены, как Сергей Четверухин начинал отрабатывать у Жука восьмерку назад с петлями. Стас опоздал на тренировку и, когда появился, тут же спросил ученика: «Что отрабатываешь?» И когда услышал про восьмерку назад с петлями, выгнал Сергея с тренировки. Потому что этот элемент имеет такое количество деталей, что работа может идти только над чем-то строго конкретным. И очень важно, когда спортсмен умеет свою работу детализировать.

В том разговоре с тренером я заметила: «Знаю, что вам всегда была не слишком близка философия победы любой ценой». И услышала в ответ:

– Это действительно философский вопрос, применительно к спорту. Есть тренеры, которые стараются сберечь спортсмена как можно дольше, есть такие, кто стремится достичь успеха как можно быстрее и действительно использует для этого все методы. Взять Станислава Жука: у него, образно говоря, имелась амбразура, над которой было написано: «Чемпионы мира и Олимпийских игр». На эту амбразуру он бросал всех своих учеников, и ему по большому счету было неважно, упадут вниз живые люди или их останки. Успех «выживших» сопровождало невероятное количество травм, а многие талантливые спортсмены из-за этого и вовсе не состоялись. Сергей Четверухин – ярчайший пример. В этом смысле философия Жука и философия Игоря Москвина всегда были диаметрально противоположны. Стас был

классным тренером, очень хорошо ко мне относился, довольно много помогал, но москвинское отношение к спорту и людям, которые себя ему посвящают, всегда было для меня гораздо ближе, чем принципы Анатолия Тарасова в хоккее или Жука – в фигурном катании. И травм у Москвина всегда было намного меньше. В нашей со Змиевской группе травм тоже было не так много, хотя прыгали спортсмены очень интенсивно – снижали количество прыжков только перед соревнованиями. Просто уровень физической подготовки был у наших спортсменов на высочайшем уровне. Помню, к нам приехал один 18-летний спортсмен, провел вместе со Славой Загороднюком разминку в зале и в ужасе спросил после: «Если это – разминка, то что тогда у вас называется тренировкой?»

Тут есть определенный парадокс, – продолжал объяснять Николаев. – Чем выше человек поднимается, тем меньше у него остается времени на то, чтобы заниматься собой, готовить тело к работе. У нас это тоже было: все, допустим, уже вовсю работали на летних сборах, а Витя Петренко катался в «Туре Коллинза» и присоединялся к группе только в июле. В отношении маленьких детей получается другая история: они растут, вытягиваются, мышечная масса становится в процентном отношении меньше, спортсмен же продолжает тренироваться, не снижая нагрузок. И получается, что, чем больше он умеет, тем больше подвержен опасности. В целом большое количество прыжков всегда приводит к тому, что организм изнашивается раньше времени, исчерпывает свой ресурс. При таком подходе всегда бывает много травм. Травма в фигурном катании всегда где-то рядом, хотя совсем тяжелые случаются не так часто. Я как-то читал медицинскую статистику по этому вопросу, так наш вид спорта стоял на третьем месте – после горных лыж и спортивной гимнастики. Остальные виды спорта были далеко позади. Уж насколько блистательный фигурист Юдзуру Ханю, но даже ему не удалось не травмироваться…

* * *

Когда Медведева уехала в Канаду к Брайану Орсеру, разорвав все отношения с Тутберидзе, я спросила Николаева, верит ли он, что Женя сумеет вернуться на свой прежний уровень. И каково это вообще – заниматься реанимацией спортсмена после столь грандиозного успеха и последующего провала? – Ведь была же история Баюл, которую как раз Николаеву пришлось буквально возвращать к жизни – вытаскивать ее из эмоциональной и

физической пропасти, в которую спортсменка рухнула после Игр в Лиллехаммере.

Однако тренер вдруг начал рассказывать совсем о другом. О том, как однажды, искупавшись ранней весной в ледяной воде Днепра, обнаружил, что на берегу у него украли одежду. В результате подхватил дичайшее воспаление, выкарабкаться из которого не помогали никакие уколы и антибиотики. Когда дело стало совсем плохо, один из врачей сказал: «Не имею права давать вам такую рекомендацию и очень бы просил на меня не ссылаться, но способ есть: нужно взять полсотни горчичников и ровно на 45 минут поставить их на спину».

Рассказывая мне об этом, Николаев признался, что сам не понимает, как вытерпел тогда эту экзекуцию. Но через два дня от болезни не осталось и следа.

Историю же эту тренер вспомнил потому, что перезагрузка спортсмена и вывод его на новый уровень – очень похожая вещь. Просто роль горчичника здесь выполняет тяжелейшая летняя нагрузка, причем не в зале, а на песке.

– Работая на песке, я заметил интересную вещь: после первого года таких тренировок эффект от них уходит достаточно быстро. На второй длится чуть дольше. А вот в третий год держится до четырех месяцев. Такой накопительный вариант получается. Эффект объясним просто: где спортсмену удобнее прыгать – на акробатической дорожке или на песке? Разумеется, на дорожке, потому что, как с нее ни толкнись, она всегда ответит. А песок засосет. Значит, нужно сняться с него раньше, то есть максимально включить взрывные качества. Соответственно, вырабатывается взрывная сила. Длинные кроссы на песке прекрасны для кардиоработы, интервальная работа тоже дает интересный результат. Это все равно что ты стоишь на льду без коньков и нужно быстро двигаться – чтобы сохранить равновесие. То есть у тебя работают все мышцы. Прекрасный вариант для подготовки тела – водные лыжи. Но не слаломные, а для фигурного катания – доска, которая постоянно норовит из-под человека вырваться. На песке требуется постоянно держать равновесие. На льду ты занимаешься тем же самым.

Сложность работы на песке в том, что она опасна: чуть перегнул палку и сразу получил травму – усталость связок накапливается при такой работе очень быстро. Плюс – постоянно закрепощаются мышцы – молочная кислота выводится медленно. Это требует большой работы над растяжкой. Отработали в течение дня четыре или пять часов – вечером обязательно полтора часа очень тщательной растяжки. Очень много видов спорта пользуется песком. Это болезненно, порой невыносимо, но

всегда дает результат. Ведь любое возвращение спортсмена подразумевает, что подниматься нужно уже на совершенно иную высоту, не на ту, что была, когда человек сознательно или вынужденно уходил…

Глава 13
Евгения Медведева. Жизнь после пьедестала

В самом начале 2000-х на одном из телевизионных каналов появилась программа, сделанная специально для трехкратной олимпийской чемпионки Ирины Родниной. Называлась она «После пьедестала», и подразумевалось, что в рамках этой передачи бывшие великие чемпионы будут откровенно рассказывать такому же, как они сами, заслуженному спортсмену-ведущему о секретах и превратностях спортивного бытия.

В попытках создать эксклюзивный и узнаваемый антураж студии администрация программы не преуспела. Родниной предписывалось вести разговор с собеседником, сидя на кованой скамье, какие ставили во времена Ирининой молодости в многочисленных столичных скверах, но интерьер получился до такой степени кладбищенским, что в спортивной среде программа тут же получила иное название: «Жизнь после смерти».

Несмотря на ощутимый привкус черного юмора, название по своей сути было абсолютно точным: для любого спортсмена уход из спорта с уровня элитных достижений – это всегда конец жизни, уход в абсолютную неизвестность и состояние если не паники, то глобальной растерянности. Поэтому и нет ничего удивительного в том, что момента завершения спортивной карьеры так или иначе боятся все.

Программа просуществовала не слишком долго. Очень быстро выяснилось, что рассказы героев о том, что было после, достаточно однотипны и скучны. Никогда не работавшая журналисткой Ирина, похоже, просто не знала, как разговорить собеседника и за какую ниточку потянуть. Сценарий и весь бэкграунд, как это почти всегда бывает в авторских телевизионных программах, создавали специально нанятые редакторы, не понимающие в спорте ни бельмеса.

Я же каждый раз, когда видела Роднину на экране, вспоминала наше с ней самое первое интервью, сделанное во времена еще моей стажерской работы в газете «Советский спорт».

Наверное, я тогда одной из последних прощалась с ней. В квартире на Кропоткинской царила предотъездная суета, на столе лежали паспорта и билеты на самолет, который непонятно на какой срок должен был унести Ирину с семьей в США. Время от

времени в комнату забегала четырехлетняя Аленка, чтобы присесть к маме на колени и тут же умчаться по своим делам. В соседней – Саша занимался с учительницей английским.

Свидетелем отъезда Родниной я оказалась, в общем-то, случайно, и писать о ней не собиралась. Это было инициативой главного редактора, пригласившего меня в свой кабинет со словами: «Надо сделать интервью с Ириной Родниной. Вы ведь знакомы?»

Мы действительно были неплохо знакомы, поскольку выступали за один клуб, но воспринимала я Ирину так же, как и вся страна – несокрушимым бойцом и патриотом. А тогда, приехав к ней домой, увидела прославленную спортсменку совсем другой. Очень домашней и чуточку растерянной.

Разговор получился откровенным. Именно тогда Ирина сказала:

«Я ведь никогда не проигрывала. И не знаю, как бы повела себя, случись проиграть хоть однажды. Хорошо помню, как штангист Юрий Власов, который стал олимпийским чемпионом в 1960-м на Играх в Риме, вновь начал тренироваться после того, как через четыре года проиграл Леониду Жаботинскому в Токио. Тогда я спросила его тренера – Сурена Багдасарова, который помогал и нам, фигуристам, подкачаться, будет ли Власов еще выигрывать. И услышала удивительную вещь. Что есть спортсмены, которые постепенно идут к своим победам через поражения, срывы. А есть такие, которые сразу становятся чемпионами. И для последних проиграть – это катастрофа, после которой им уже не стать первыми. Я вспомнила эти слова, увидев через двадцать лет Власова на передаче в „Останкино“. Человека, много раз преодолевшего себя, овладевшего профессией, о которой не всякий может мечтать. Увидела его с той же громадной раной в душе. Рана кровоточила все эти годы. И всегда она будет болеть».

После того как Женя Медведева фактически решила начать свою спортивную жизнь с нуля, уехав в Канаду, я спросила, волнует ли ее мысль о возможных поражениях? И услышала:

– Знаете, я по своей натуре человек-реалист. Могу убиваться по поводу своего результата только тогда, когда понимаю, что могла бы выступить лучше, но по каким-то причинам не сделала этого. Я умею признаваться себе в каких-то не слишком приятных вещах. Если буду понимать, что да, это мой предел и на большее я просто на данный момент не способна, то точно так же признаюсь в том, что заняла свое место – то, которое мне положено. Сейчас я четко понимаю, что для меня действительно начинается абсолютно новая жизнь. Я никогда раньше не жила в

другой стране, никогда не тренировалась у иностранных специалистов, никогда в жизни не ела непривычную еду дольше двух-трех недель. То есть абсолютно все меняется. Абсолютно новый лист. Но это не пугает. Скорее, я жду всего этого с нетерпением. Если честно, вообще не думаю о том, что могу кому-то проиграть. Пытаюсь заглянуть как бы на несколько лет вперед. Во-первых, хочу сохранить здоровье. Это главная моя цель. Просто нужно постараться сделать так, чтобы эта цель не мешала результату, найти правильный баланс. В нагрузках, в питании, в физическом состоянии, в ментальном настрое. После Олимпийских игр я не то чтобы отпустила себя, правильнее сказать, открыла глаза и просто посмотрела вокруг. Да, у меня была цель – Олимпиада. Я шла, нацеленная только на выступление на Играх, больше ни на что не смотрела. У меня фактически не было друзей, не было каких-либо интересов, притом что я считаю себя достаточно разносторонним человеком. Не случалось никаких новых знакомств: я их просто не поддерживала из-за недостатка времени, а порой и желания. Были только тренировки. Но, видимо, внутри шел какой-то рост. Зимой перед Играми в Пхенчхане, когда я была травмирована и не могла кататься, вдруг поймала себя на мысли: неужели, когда закончу со спортом, я так и останусь без друзей, без каких бы то ни было занятий и умений, без личной жизни – без всего? И как только после Олимпиады я, что называется, открыла глаза, жизнь сама собой потекла не то чтобы в другое русло, а просто стала гораздо более объемной, словно из ручейка превратилась в реку. У меня появились друзья, появилась куча интересов, в том числе и предпосылки к будущей профессии, которая, может быть, мне понравится, а возможно, 150 раз еще поменяется.

– А сумеете ли вы добровольно отказаться от этой жизни? Скрутить себя, засунуть в прежние рамки и снова пойти к цели? И захотите ли? – спросила я фигуристку.

– Захотеть – захочу. Думаю, что, когда придет время, буду готова оставить абсолютно все ради результата.

* * *

Расставшись с Женей, я еще несколько дней продолжала думать о том нашем разговоре за несколько часов до отъезда спортсменки в аэропорт. Мне казалось, что, несмотря на свое поражение в Пхенчхане, Медведева не до конца понимает, что ее ждет. Что речь, скорее всего, уже будет идти не о цвете медалей, а о том, что блестяще сформулировал выдающийся и уже ушедший

из жизни тренер Эдуард Плинер, когда к нему на исходе своей карьеры обратилась Элене Гедеванишвили: «Запомни, девочка, успех – это не те результаты, которых ты когда-либо добивалась в своей жизни, а расстояние, на которое ты сумеешь подпрыгнуть, оттолкнувшись ото дна, на котором находишься».

Поэтому в одном из своих материалов я и написала, что самая главная из проблем, с которой, похоже, столкнется в этом сезоне выдающаяся спортсменка, заключается в том, что ей придется научиться проигрывать.

Эти слова были в некотором роде продолжением темы, которую за восемь месяцев до Олимпиады в Пхенчхане я затронула в разговоре с известным спортивным психологом, призером двух Олимпиад Елизаветой Кожевниковой. Уже после того, как интервью с экс-фристайлисткой было закончено, я спросила ее про Медведеву – про то, что может произойти, если человек, не проигравший на протяжении двух сезонов ни одного старта, вдруг потерпит поражение. Еще ничто не предвещало проблем: Женя без всякого внешнего напряжения во второй раз стала чемпионкой мира, выиграв у ближайшей соперницы более пятнадцати баллов. Но Лиза тогда сказала:

«Существует определенный психологический механизм: если ребенок сверхталантлив и хорошо подготовлен, он, как правило, не поддается никакому оценочному влиянию: он надрессирован до автоматизма, знает, что за ним стоят мощные люди, а кроме того, дети никогда не создают себе дополнительные ментальные навесы: „Что будет, если…“ Соответственно, у такого ребенка нет понимания того, что в соревнованиях могут возникать плохие эмоции, что нужно обязательно учиться претерпевать эти эмоции, создавать соответствующие навыки. По мере того как спортсмен взрослеет, он начинает осознавать, что есть причина и следствие, которых он внутренне боится. Это может быть либо травма, либо неполучение денег или признания, необходимость отстаивать уже завоеванные титулы, ответственность и так далее. Вместе все это создает феноменальное внутреннее давление. Если на этом фоне спортсмен вдруг проигрывает, возникает внутренняя паника. Потому что человек не имеет ни малейшего представления, что со всем этим делать. А главное, что он только в этот момент начинает понимать, что у него больше нет времени на создание всех тех навыков, о которых мы говорим…»

Примерно тогда же, отвечая на вопрос, зачем спортсмены типа Липницкой или Медведевой так отчаянно стремятся вернуться в спорт, притом что у них вроде бы уже есть и титулы, и деньги, и известность, и не логичнее ли закончить кататься и жить нормальной жизнью, Кожевникова ответила:

«Если бы эти люди развивались в соответствии с возрастными канонами, они бы как минимум задавали себе этот вопрос. Но у них в голове встроена матрица: „Я должен быть эталоном. Но в чем еще я могу быть идеальной, кроме как в спорте?“ Эти люди, во-первых, не умеют делать ничего другого так же хорошо, а во-вторых, им сложно учиться. Ведь учиться чему-то новому, не допуская ошибок, оставаясь идеальным, невозможно. Плюс у таких спортсменок с годами формируется убеждение, что страдать – это норма. Для них крайне болезненны перемены и любая смена рода деятельности».

В сентябре 2019 года на второразрядном турнире в Оквилле я увидела очень сильно повзрослевшую Женю. На это обращали внимание все. Один из старейших фотографов канадского фигурного катания Дэвид Кармайкл отметил после первого старта одиночниц в короткой программе, что ему очень понравилось то, что он увидел в исполнении россиянки. Пояснил:

«Я ведь по основной своей профессии школьный учитель, поэтому хорошо знаю, что такое переходный возраст, как меняются дети в этот период, насколько сложно становится с ними работать. Медведева больше не ребенок, она взрослая девушка, она иначе катается. Знаю, что в этом сезоне она впервые в жизни получила возможность самостоятельно выбрать музыку для своих программ, и могу сказать, что у нее как минимум очень хороший вкус. Она очень самостоятельна, а это всегда было для меня признаком сильной личности. Остальное – дело времени».

Столь же восхищенно отозвалась о российской фигуристке двукратная чемпионка мира и обладательница командного олимпийского золота в парном катании Меган Дюамель, заметив, что ей всегда нравилось, как Медведева катается, – с тех самых пор, как та была юниоркой.

«Понятно, что те изменения, которые сейчас происходят, потребуют довольно большого времени, – заметила канадка после того, как Женя не слишком успешно по качеству выступления завершила короткую программу. – Я сейчас даже не имею в виду то, что в жизни Медведевой изменилось слишком много всего. Просто люди, которые хотят видеть результат здесь и сейчас, забывают, как мне кажется, о том, что несколько месяцев после Олимпийских игр эта девочка вообще не каталась. Я знаю это точно, поскольку в апреле мы с Медведевой выступали в одном шоу. Все, что на тот момент она могла делать, – это базовые шаги и вращения. И даже это давалось ей с явным трудом. Когда человек столько времени катается без прыжков, вернуться к обычному катанию крайне трудно. Она сделала это. Сделала блестяще. – Я говорю это как человек, который внимательно

наблюдал в Оквилле за ее тренировками. Ей удалось не просто сохранить технику, но и улучшить ее. Прыжки стали по-настоящему большими, да и в целом Женя выглядит сильнее. Возможно, пока это не слишком проявляется в соревнованиях, но поверьте мне, как профессионалу: у Медведевой все идет очень правильно. Ей нужно всего лишь несколько стартов, чтобы кондиции полностью восстановились и ушел лишний стресс. Куда именно двигаться, ей, полагаю, известно гораздо лучше, чем всем нам».

Фраза канадки удивительно гармонировала с одним из баннеров, на котором под портретом российской фигуристки были аккуратно выведены слова: «Только вперед!»

* * *

О переходе к Орсеру титулованной российской спортсменки я беседовала с тренером почти сразу после того, как этот переход случился, и тогда, как мне показалось, канадец был довольно расслаблен и уверен в своих дальнейших действиях. Говорил о том, что первым делом нужно залечить последствия травм, затем начать готовить тело к нагрузкам. Когда я спросила, приходилось ли тренеру иметь дело с последствиями стрессовых переломов, Брайан ответил:

– Конечно, хотя не могу сказать, что такие переломы – обычная вещь. – Просто какое-то время всем нам придется быть очень и очень терпеливыми. К счастью, в нашем распоряжении есть достаточно специалистов, способных помочь фигуристам справиться с проблемами любой сложности.

Но потом Женя действительно начала проигрывать. Заняла второе место на уже упомянутом турнире в Оквилле, стала третьей на первом из своих этапов Гран-при, вдрызг завалив короткую программу, а после четвертого места на этапе во Франции потеряла возможность бороться за место в финале серии. В российских фанатских соцсетях, у которых после Олимпийских игр появился новый кумир в лице Загитовой, на спортсменку большей частью обрушивалась критика, порой вообще несовместимая со здравым смыслом. Орсер же продолжал сохранять спокойствие.

«Полтора года, – сказал он мне при очередной встрече, – это тот самый срок, когда все, чего ты хочешь добиться от человека, складывается воедино и начинает работать. Когда ты берешь ученика и начинаешь что-то менять, процесс никогда не бывает гладким. На тренировках все может получаться уже после месяца

работы, но на соревнованиях непременно вылезают все прежние навыки и ошибки. Это нормально. Для спортсмена это своеобразная зона комфорта, та самая раковина, куда он уползает, как только начинает чувствовать неудобство. И полтора года ты так или иначе его из этой раковины выковыриваешь. Когда я только начинал работать с Габи Дэйлмен, то объяснил все это ее родителям, предупредив их, что не стоит ждать от нас слишком быстрого результата. Помню, Габи впервые очень хорошо исполнила программу на чемпионате четырех континентов, и, когда мы вернулись в Торонто, в аэропорту нас встречал ее отец. Я очень хорошо запомнил это, потому что первой его фразой было: „Полтора года. Ровно полтора!!! Вы были правы, тренер!“

То же самое я проходил с Юной Ким, после нее – с Юдзуру. Он пришел ко мне после того, как стал третьим на чемпионате мира в Ницце, а через год на мировом первенстве в Лондоне занял только четвертое место. Третьим там стал Хавьер Фернандес, но с ним к тому времени я работал уже второй год. А первый совместный сезон у нас был тоже кошмарный – ни одного приличного выступления ни на Гран-при, ни на чемпионате Европы, ни на чемпионате мира».

Валентин Николаев, которого я как-то спросила, не разочарован ли он тем, каким получается у Медведевой ее первый заокеанский сезон, как всегда, начал раскладывать все по полочкам:

– В одном из ваших же интервью у Жени проскочило, что она больше не может щелкать сложные прыжки как орешки. Дело не только в изменениях ее тела. Просто на тренировке она прыгает, заходя на прыжок подконтрольно, а в программе подконтрольно ничего не сделаешь – иначе ты опоздаешь. В программе нужно все делать на автопилоте, поскольку появляются дополнительные сбивающие факторы – стрессовая ситуация, давление. Почему на одном из этапов Медведева сорвала программу? Да потому, что у Жени не получился первый же элемент, который она считала ключевым. Завал, шок – и попробуй оттуда выберись, особенно когда понимаешь, что ты уже проиграл. Несколько лет назад, когда тройной лутц считался у девочек элементом ультра-си, те, кто имел один такой прыжок в программе, как правило, проигрывал. Потому что если им не удавалось его сделать, то становилось психологически тяжело кататься. Это как пойти за покупками и потерять кошелек со всеми деньгами. А вот те, у кого был второй лутц, доезжали программу лучше – потому что подсознательно понимали: у них есть запасной вариант. Женя не попала в финал Гран-при, но лично я, например, на это и не

рассчитывал. Прежде всего сказался переезд из России в США. Все разговоры о том, что у Медведевой в Канаде мало льда, я не воспринимаю всерьез. Как и то, что она сменила тренера. Есть множество примеров, когда спортсмен, сменив тренера, получал такой заряд адреналина, которого хватало на годы вперед. А вот переезд – это дело серьезное. Когда мы переехали в 1997 году в Америку со Славой Загороднюком, ему понадобилось полгода, чтобы адаптироваться и начать кататься без срывов. Но в эти полгода попали и чемпионат Европы, и Олимпиада. Славе просто не хватило привычного количества стартов. У себя на Украине к началу серии Гран-при мы обычно стартовали 3–4 раза. А в Америке не получилось. У Медведевой был огромный перерыв. Если бы она не выпала из привычного ритма на несколько месяцев, переезд, возможно, дался бы ей легче. Но мне кажется, что самый тяжелый период у Медведевой уже позади. Прежде всего мне самому очень хочется в это верить, хотя фанатом Медведевой я не был никогда. А если серьезно, даже в том неполучившемся прокате мне понравилось, что я не видел паники, не видел, чтобы Женя бросила программу.

– Вы допускаете, что Медведева может проиграть чемпионат России и весь остаток сезона пойдет насмарку? – спросила я тогда тренера.

– Допускаю, что она может проиграть, но, если Женя достаточно умна, насмарку год не пойдет. Напротив, это поможет, условно говоря, закончить переезд, – ответил тренер. И задал встречный вопрос:

– Чем ей грозит потеря шести месяцев, можете мне объяснить? Ровным счетом ничем. И уж тем более это не станет катастрофой. Лиза Туктамышева после своей победы на чемпионате мира не появлялась на главных стартах два года, и это совершенно не помешало ей вернуться и выигрывать. О какой катастрофе вообще можно говорить в 19 лет? Другой вопрос, что разговоров будет много, и это нужно просто пережить. В этом отношении очень хорошо, что Медведева уехала из России.

Спустя год, когда Женя приехала в Москву для того, чтобы выступить в домашнем этапе Гран-при, я получила от Николаева сообщение: «Отменил тренировку, чтобы посмотреть Женю. Катит она очень хорошо. Будешь писать о женщинах? Если будешь, пофилософствуй о том, как интернет-пространство влияет на человеческие судьбы. Женя ведь совсем недавно была всеобщей любимицей. И сколько всего ей сейчас приходится выносить…»

* * *

Журналистов нередко упрекают в том, что именно они раздувают совершенно немыслимое пламя конкуренции между лидерами – как это было в свое время между еще не олимпийским чемпионом Солт-Лейк-Сити Алексеем Ягудиным и еще не чемпионом Турина Евгением Плющенко. История повторилась, когда в олимпийском сезоне-2014 между собой схлестнулись Юлия Липницкая и Аделина Сотникова. Четыре года спустя мир получил новую пару непримиримых конкуренток – Медведеву и Алину Загитову. Поскольку ни та ни другая не ушли из спорта после Игр в Пхенчхане, нагнетание пошло по новому витку.

Журналисты на самом деле всегда вторичны – они всего лишь отражают то, что происходит на их глазах. Сколько бы патоки ни лилось перед Играми в Пхенчхане в адрес Медведевой и подрастающей в той же группе Загитовой, сколь бы часто спортсменки ни повторяли в интервью, что в обычной жизни они совсем не соперницы, а болеющие друг за друга подруги, достаточно было дождаться баталий Олимпиады, чтобы понять, насколько эта внешняя идиллия далека от реального положения вещей. Это нормально: на самой вершине спорта высших достижений есть место только для одного. И если спортсмен недостаточно зубаст, он никогда туда не доберется.

Мой американский коллега Фил Херш, сделавший о Медведевой большой материал уже после того, как она перебралась в Торонто, осенью 2019-го прислал мне сообщение, в котором написал: «Я наконец продрался сквозь сотни и сотни комментариев на одном из ваших сайтов – это какое-то сумасшествие. Теперь я понимаю, что имела в виду Женя, когда говорила мне в интервью, что пятьдесят процентов болельщиков ее люто ненавидят – для того чтобы это понять, мне хватило даже примитивного гугл-переводчика. Похоже, именно эти пятьдесят процентов и комментировали мой текст…»

Сильнее всего Херша задело высказанное кем-то из «критиков» предположение, что ему просто заплатили за материал, хотя, собираясь писать о Медведевой, американец всего лишь выбрал наиболее цепляющую его тему. Точно так же четыре года назад в Сочи он интересовался не столько Аделиной Сотниковой, выигравшей личный турнир, сколько проигравшей его Юлией Липницкой, поскольку именно она, по мнению американца, совершила истинный прорыв – заставила весь мир навсегда в себя влюбиться. А заодно – привлечь колоссальное внимание к женскому одиночному катанию, сделать его на Играх даже более интересным, чем хоккей.

Медведева, даже перестав выигрывать, осталась для публики

не менее интересной и яркой, чем все те, с кем ей предстояло соревноваться: слишком очевидно было намерение спортсменки не просто вернуться на прежний уровень, но сделать это в совершенно ином качественном воплощении. По этому поводу как-то очень точно выразился экс-чемпион Европы—1996 и когда-то очень интересный фигурист Вячеслав Загороднюк, впоследствии ставший тренером:

«Спортсмен должен понимать, что и для чего он делает. Чего хочет добиться, какие приоритеты перед собой ставит. Я имею в виду глобальную жизненную цель, а не задачу выйти на лед в тех или иных соревнованиях и выполнить определенное количество прыжков».

Начав тренироваться под руководством Орсера, Медведева заметно изменилась внутренне. Не думаю, что стала менее честолюбивой – иначе, наверное, не стоило бы затевать переезд за океан и тратить кучу собственных денег ради того, чтобы оказаться в группе одного из сильнейших тренеров. Скорее, Женя действительно поняла: ее спортивная война за то самое единственное место на вершине если когда и случится, то произойдет это не раньше чем через три года – на следующей Олимпиаде. И нужно провести это время максимально эффективно, не распыляясь на попытки во что бы то ни стало выиграть тот или иной промежуточный старт. В конце концов, этих выигранных стартов в ее 19-летней жизни было гораздо больше, чем у любой другой фигуристки мира.

Под занавес своего второго сезона Медведева завоевала бронзу на чемпионате мира в Сайтаме, проиграв Загитовой и миниатюрной казахстанской спортсменке Элизабет Турсынбаевой, впервые успешно выполнившей в женских соревнованиях четверной прыжок. Тот старт был для двукратной чемпионки мира невероятно важен: отобраться в команду на общих основаниях она не сумела, как и Лиза Туктамышева, поэтому после чемпионата Европы, на котором не слишком хорошо выступила Станислава Константинова, и стало ясно, что ее будут менять: для этих двух фигуристок была организована переигровка на Кубке России. По баллам Медведева победила, но, поскольку преимущество оказалось крошечным, это тут же всколыхнуло разговоры о предвзятости судейства и о том, что Лиза, очень успешно выступавшая в серии Гран-при на протяжении всей первой половины сезона, гораздо в большей степени заслуживает поездки на главный турнир сезона. Иначе говоря, Медведевой в случае неудачи была гарантирована очередная порция жесточайшей критики.

Журналисты всего мира отреагировали на выступление Жени

в Сайтаме одинаково: «Она вернулась!»

Интервью после того выступления мы делали в почти пустом автобусе-шаттле, курсировавшем между отелем и катком. Выбрав место подальше, чтобы ничто не мешало разговору, Женя вполголоса рассказывала:

– Знаете, я стояла на пьедестале и думала о том, что на самом деле одержала грандиозную победу над собой. Девочки, которые оказались выше, они просто молодцы, и я вполне способна оценить, какую грандиозную работу проделали и Алина Загитова, и Лиза Турсынбаева. Просто для меня чемпионат мира стал турниром, где вообще не было смысла как-то соотносить свой результат с тем, как выступали другие. Точно так же как сравнивать эти соревнования с теми, что были у меня на протяжении сезона. Это вообще несопоставимые вещи. И я реально горжусь собой.

– Вы говорите искренне?

– Абсолютно. Я поняла, как мне кажется, очень важную вещь. Каждый спортсмен едет на соревнования с мыслью о победе. Это нормально и правильно. Просто победа всегда у каждого из нас своя – в зависимости от обстоятельств. С учетом своих обстоятельств, я однозначно победила. Чемпионат мира был наполнен для меня особенным смыслом, и цвет медали не имеет здесь никакого значения. Это очень важно. Хотя довольна я, как всегда, не всем. У меня пока еще не то тело, которое я хочу иметь. Для изучения более сложных прыжков тело должно быть как машина. И оно у меня будет. Нужно просто время и терпение. Мелисса, мой диетолог, имеет огромный опыт работы с канадскими балеринами. За то время, что мы с ней сотрудничаем, содержание жира у меня снизилось, а мышечная масса увеличилась. Вес при этом остался в пределах прежней нормы. Это тоже большое достижение. Перед Олимпийскими играми я понимала, что, если хочу справиться со своими программами, должна быть максимально «сухой». Весила в Пхенчхане на полтора килограмма меньше, чем за год до Игр на чемпионате мира в Хельсинки. Это был сложный во всех отношениях период, но у меня не было никакого другого выхода. Мышц тогда имелось не слишком много, а в этом случае организм очень сильно задерживает воду. Становишься тяжелой и какой-то опухшей. Поэтому все было реально очень жестко и урон организму нанесло приличный. После того как сезон был закончен, я понимала, что вылечить все свои комплексы по поводу еды я могу только одним способом – позволив себе наесться. Когда много лет держишь себя на очень жесткой диете, а фактически – живешь впроголодь, нужно время, чтобы понять: если в холодильнике

есть еда, ее не обязательно сразу всю в себя запихать. Она никуда из этого холодильника не денется. Как только я все это разложила у себя в голове, вес начал возвращаться в норму. Есть булки я никогда не любила, тарелка голубики – это гораздо вкуснее. И для связок полезно, и настроение поднимает, и двести калорий на мешок, как говорится. Не могу сказать, что сейчас постоянно считаю калории, но почти полностью перешла на рациональное питание. Все изменения с моим телом, на которые люди обращают внимание, произошли во многом благодаря этому.

* * *

Полгода спустя маятник снова качнулся вниз. Медведева не отобралась в финал Гран-при, а на самых главных для любого российского фигуриста соревнованиях – национальном чемпионате – она была вынуждена сняться с турнира: на тренировке у фигуристки сломался ботинок, сделав выступление невозможным. Спекуляций на эту тему тут же возникло множество, тем более что тренировка, на которой случилось ЧП, была закрыта для прессы. Сам ботинок я увидела совсем уже поздним вечером: мне показала его мама фигуристки Жанна Медведева. По ее словам, Женя была готова даже купить в Красноярске новую пару и выступать в нераскатанной обуви, что всегда не только сложно, но и довольно мучительно для фигуриста. Но выяснилось, что ботинок подходящей модели в городе просто нет – есть лишь примитивная и очень жесткая, сильно ограничивающая фигуриста в маневренности модель, предназначенная для начинающих.

По возвращении в Москву я специально поехала на каток в Сокольниках, чтобы поговорить о коньках и ботинках с одним из ведущих специалистов в этой области Александром Кузнецовым, который в свое время на протяжении более десяти лет готовил инвентарь двукратной чемпионке мира и семикратной чемпионке Европы Ирине Слуцкой. Я хотела задать ему один-единственный вопрос: могла ли Медведева все-таки не упустить свой шанс – и попробовать довести турнир до конца и отобраться на главные старты.

Кузнецов исчерпывающе разложил проблему по полочкам.

«Как бывший фигурист и тренер я считаю, что Женя, конечно же, могла кататься и в сломанных ботинках, – сказал он. – Она откаталась на них в короткой программе, собственно говоря, – и стала пятой. Не думаю, что испугалась конкуренции. Просто

когда у вас что-то неожиданно случается с инвентарем… Наверное, гонщик уровня Михаэля Шумахера способен доехать на своем болиде до финиша, в каком бы техническом состоянии ни находилась машина, если до этого финиша остается полкруга. Но если впереди еще тридцать или шестьдесят кругов, он просто сойдет с дистанции, понимая всю тщетность своих намерений. Для фигуриста поломка ботинка опасна тем, что она прежде всего чревата техническими ошибками, которые, наверное, не грозят какими-то фатальными травмами, но с большой долей вероятности приводят к неудачному исполнению элементов.

Мы, конечно же, можем сказать, что Медведева просто упустила свой шанс, – продолжал Кузнецов. – Но не думаю, что все так просто. Дело в том, что на столь высоком уровне выступлений любая небольшая проблема с инвентарем дает абсолютно отрицательный результат. Это касается любого технического вида спорта. Если Мария Ласицкене в легкой атлетике штурмует планку на рекордной высоте, она должна быть уверена, что с каждым шипом и с каждым шнурком на соревновательной обуви у нее все безупречно. Как только в голове спортсмена возникают хоть малейшие сомнения на этот счет, нарушается весь ход двигательных действий. Это не говорит о том, что вы подняли лапки заранее. Та же Медведева – боец, опытнейшая спортсменка, которая прекрасно анализирует ситуацию и умеет просчитывать последствия. Она, безусловно, могла бы собраться, сделать кое-как все свои элементы, с корявенькими и куцыми выездами после прыжков. Получила бы свои минус один, минус два за каждый элемент и оказалась в конце первого десятка или за его пределами. Женское одиночное катание на чемпионате России – это очень серьезное мероприятие. Вот и ответьте себе: оно ей было надо?»

Там же, в Красноярске, Жанна Медведева сказала: «Ничего страшного. Жене сейчас очень кстати эти несколько месяцев, которые освободились для полноценной тренировочной работы. Нужно доводить до ума четверной прыжок…»

Глава 14
Алина Загитова. Скандальный уход

13 декабря 2019 года Алина Загитова официально объявила о том, что приостанавливает свою спортивную карьеру. Случилось это сразу после того, как, выступая в финале Гран-при, куда Загитова отобралась, дважды попав на пьедестал на этапах серии в Гренобле и Саппоро, фигуристка осталась последней, проиграв сразу трем спортсменкам из группы своего же тренера. На показательные выступления Алина не вышла, а сразу после возвращения из Турина в Москву дала интервью «Первому каналу», в котором довольно сумбурно и не слишком подготовленно изложила причины своего решения.

Интервью получилось странным. «Я не ухожу из большого спорта. Остаюсь на льду, продолжаю тренироваться. Буду искать себя, учить новые элементы и заходы на прыжки. Хочу, чтобы ко мне вернулось желание выйти на старт, – говорила Алина и тут же вносила противоречивую нотку в озвученные намерения: – Четверные прыжки надо учить в более молодом возрасте. Фигурное катание молодеет, мне нужно было учить четверные перед Олимпиадой, но тогда был риск травмы и пропуска Игр. На тот момент моего арсенала прыжков было достаточно. Потом я начала взрослеть, началась раскоординация. Главное тогда было оставить все прыжки чистыми и хорошими. Удержать то, что я уже имела…»

Наиболее сомнительно в том контексте звучали слова о том, что приостановка спортивной карьеры носит исключительно временный характер. Не нужно было обладать чрезмерной проницательностью, чтобы понять, что фигуристка выхолощена полностью и не очень представляет, как возвращать себе мотивацию, чтобы продолжать тренироваться и участвовать в соревнованиях. Это подтвердила и Этери Тутберидзе, сообщив, что после выигранной Олимпиады Загитова неоднократно просила дать ей возможность отдохнуть от соревнований.

В этом экстренно организованном телевизионном интервью Алина обмолвилась, что весь предыдущий сезон писала расписки, что обязуется выступить на чемпионате мира.

«Это была некая мотивация, – пояснила она. – „Обязуюсь кататься хорошо и делать все от меня зависящее, чтобы выступить на этих соревнованиях“. Я обещание сдержала. Насчет участия в чемпионате России я пока что не готова писать расписку. Все, что я пишу, я выполняю. На данный момент я пока не готова ехать на

чемпионат России».

Сквозь весь предшествующий уходу сезон олимпийская чемпионка продиралась, как зверь сквозь колючую проволоку, оставляя на ней клочья собственной шкуры: она проигрывала один старт за другим, и не было никакого шанса найти правильный ответ – оправдано ли это непрерывное насилие над собой? Но был ли вообще у Загитовой иной выход, если уж она приняла решение остаться в спорте после выигранной Олимпиады? В какой-то степени Алина просто оказалась заложницей ситуации: до вывода на взрослый уровень следующей плеяды юниорок Тутберидзе оставался целый год, и, если бы Загитова приняла решение взять перерыв сразу после олимпийского сезона и проигранного чемпионата мира, это означало бы, что в самом успешном виде российского фигурного катания образовалась бы дыра: Елизавета Туктамышева, которая прекрасно начала осенние выступления, внезапно выбыла из строя из-за довольно тяжелого воспаления легких, перспективы Евгении Медведевой, продолжающей адаптироваться за океаном, виделись достаточно туманными, а Софья Самодурова хоть и стала чемпионкой Европы, но вряд ли была способна бороться за медали на мировом первенстве. А значит, под угрозу вполне могли попасть российские лицензии, чего, естественно, не могла допустить Федерация фигурного катания. Так что – в любом случае нужно было убедить Загитову довести сезон до конца.

Была еще одна причина во что бы то ни стало уговорить фигуристку вытерпеть этот послеолимпийский год. Когда группу покинула двукратная чемпионка мира Евгения Медведева, Загитова образца 2019 года стала для Этери шансом доказать, что она, как никто другой, заслуживает лавров величайшего тренера в мире. Именно на реализацию этой идеи так или иначе на послеолимпийском этапе были брошены силы тренерского штаба. Все остальное – потрясающие воображение юниорки Тутберидзе с их многочисленными, но пока еще детскими победами, вернувшаяся в группу тренера на каток «Хрустальный» миниатюрная Элизабет Турсынбаева с четверным прыжком, опробовать который спортсменке предстояло на чемпионате мира, – могло считаться лишь сопутствующим декором. Вишенкой на торте в этом сезоне должна была стать Загитова, и только она. То, что этим замыслам чаще сопутствовали поражения, а не победы, лишь добавляло стресса, но не меняло намерений.

* * *

Примерно за месяц до того главного во всех отношениях для Алины старта я разговаривала с уже упомянутой мной в предыдущей главе Лизой Кожевниковой. Знала, что Лиза, уже как психолог, очень пристально следит за всем тем, что происходит в российском женском одиночном катании: сама обстановка предоставляла ей необъятное поле для наблюдений и выводов. Тогда Лиза сказала:

«В моем представлении Алине сейчас очень плохо: это или депрессивное, или субдепрессивное состояние. Избавиться от хронического, зашкаливающего стресса малой кровью уже невозможно. Первое и самое главное, что можно сделать в такой ситуации, минимизировать стресс. Взять продолжительный отдых, начать учиться жить по новой. Нужно понять, что между понятиями „я“ и „мой результат“ не существует знака равенства. Не существует формулировки: „Если я выступаю плохо – это значит, что я плохая“. И вот на это восстановление навыка получать удовольствие от самой себя и от жизни, думаю, уйдет минимум год».

По истечении месяца Загитова, вопреки многочисленным прогнозам, стала чемпионкой мира, собрав так называемый Большой шлем – абсолютно все высшие титулы, которые было возможно завоевать в фигурном катании. Просто эта заключительная победа далась спортсменке такой дорогой ценой, что неизбежно, пусть и с большим опозданием, должна была наступить мощнейшая реакция. Видимо, она и наступила – в проигранном олимпийской чемпионкой финале Гран-при.

В кругу отечественных спортивных психологов Кожевникова чуть ли не с первого дня работы оказалась особняком. Почему – понятно: ни один из специалистов, практикующий в спорте высших достижений, не имел за плечами того бэкграунда, с которым пришла в профессию Лиза. Я писала о ней еще в те времена, когда она была спортсменкой и выступала на своей второй Олимпиаде в 1994 году в Лиллехаммере, где добавила к олимпийскому серебру Альбервиля бронзовую медаль. С тех самых пор между нами сложились дружеские и доверительные отношения. Когда Лиза начала практиковать как спортивный психолог, я как-то спросила ее, почему она выбрала для себя именно эту профессию. И услышала:

– Мне всегда хотелось понять: почему, находясь в спорте и достаточно успешно выступая, я испытывала мощнейшие депрессивные состояния? Откуда вообще берется у спортсмена этот внутренний раздрай? Вот и пошла учиться в институт психоанализа. Жизнь в спорте – это своего рода День сурка. Ты досконально, по дням, знаешь, как выстроен твой год, как

выстроен олимпийский цикл, примерно представляешь, сколько именно тебе отведено этих олимпийских циклов. Спорт ведь устроен достаточно просто: сначала ты попадаешь в обойму под названием «Давай результат!», потом тебя постоянно гладят по головке, если результат есть. И человеку становится просто незачем выходить из комфортной для него зоны. Спортсмены, и особенно – дети, как правило, абсолютно уверены в том, что в их жизни все будет всегда хорошо, гладко и беспроблемно. А выход из спорта – это всегда адаптация к чему-то, чего ты совершенно не знаешь, потому что в этой обычной жизни ты никогда не был и никто тебя к этому не готовил. Ты совершенно не представляешь, насколько это удастся, интуитивно понимаешь, что будет болезненно, не имеешь ни малейшего понятия, где искать помощи, и будет ли рядом кто-то, кто эту помощь окажет. После того как в моей жизни случилась вторая Олимпиада, я поняла, что совершенно не умею, а главное – не хочу начинать жить вне спорта. И разрешила себе просто поплыть по течению. Сейчас же я считаю, что очень важно вовремя донести до атлета мысль: если плыть по течению, то через какое-то количество лет ты окажешься выброшенным из спорта просто потому, что закончился ресурс. Твой тренер получит все причитающиеся регалии, а ты останешься на обочине. Эта схема совершенно актуальна как для 12-летних детей, так и для тех, кто выступает на самом высоком уровне много лет.

Моя собственная история усугублялась тем, что перед Играми в Нагано меня просто выкинули из команды, – продолжала вспоминать Лиза свою карьеру. – Я на тот момент была самой старшей, плюс тройная и не совсем удачная операция на коленке, не очень бодрое восстановление. Мы были в Церматте на сборах, и в один прекрасный день меня просто посадили в самолет и отправили домой. Не могу сказать, что я уходила в никуда. Я знала, чем хочу заниматься, знала, что это, скорее всего, будет журналистика, любила писать и периодически писала статьи в лыжные журналы. Их было немного, но я получала от этого грандиозное удовольствие. Где-то через месяц после того, как меня «высадили» из сборной, я достаточно бойко откомментировала какой-то турнир на «Евроспорте» и поняла, что это я тоже могу. Депрессия случилась позже – когда я стала осознавать, до какой степени мне, такой великой, такой складной, у которой все так ловко получалось в спорте, некомфортно в этой «гражданской» жизни. Я всегда считала себя очень волевым человеком, а тут вдруг появилось ощущение, что воля у меня просто кончилась.

– А титулы давили все сильнее и сильнее?

– Это и было наиболее некомфортным. Я постоянно думала о том, что должна этим титулам соответствовать. Что от меня ждут каких-то слов, действий совершенно грандиозного уровня. Однажды, уже через много лет после ухода, я смотрела свои старые спортивные дневники и нашла записку, которую под влиянием настроения написала сама себе в самом начале своей послеспортивной жизни. Там было что-то о том, что я должна потрясти всех своим экспертным знанием спорта, что, если решу двигаться в журналистику, это должно быть не меньше и никак не хуже, чем мой олимпийский уровень… Читая все это, я очень отчетливо представила, как же мне было плохо, какие невероятные демоны раздирали меня на части.

* * *

Когда Алина Загитова объявила о перерыве в карьере, Кожевникова отнеслась к этому как к абсолютно прогнозируемому событию. Она тогда сказала в одном из интервью:

– Из того, что известно мне, Алина семь раз на протяжении одного года пыталась закончить с фигурным катанием, но ей не позволяли. Представьте себя на месте спортсменки: ей всего 17, но она начинает проигрывать, и позади целая толпа более молодых девочек, у которых впереди еще три-четыре года эффективной карьеры. Это ситуация потери. Потери результативности, стабильности и вообще привычного уклада жизни. Если у человека имеются внутренние ресурсы, он переживает эту утрату более или менее спокойно. Но давайте не будем забывать, что Алина начала заниматься спортом очень рано, в пять лет. Ребенок становится эмоционально способен выдерживать нагрузку профессионального спорта гораздо позже, лет в десять-двенадцать. У него появляется осознанность и собственная мотивация. Если выход на профессиональный уровень происходит раньше, у спортсмена вырабатывается психология лишенца, когда человек вырастает с ощущением, что он сам по себе плох, и единственный способ доказать свою «хорошесть» – это показать требуемый от него результат.

Отказ Алины в декабре 2019 года от выступлений на оставшихся соревнованиях сезона расколол мир фигурного катания надвое, и это противостояние лагерей немедленно выплеснулось в Интернет. Часть наиболее преданных Алине болельщиков принялась убеждать публику (и прежде всего – самих себя), что ничего страшного в приостановке карьеры нет.

Тем более что Загитова за два сезона выступлений действительно выиграла в спорте все, что было возможно. Более профессиональная часть аудитории, то есть тренеры и бывшие фигуристы, были уверены, что спортсменка уже не вернется на большой лед: слишком много в истории фигурного катания было примеров, подтверждающих эту версию.

Рафаэль Арутюнян, тренер двукратного чемпиона мира Натана Чена, говорил по этому поводу:

– Спортсмены никогда вовремя не понимают, что в их подготовке что-то пошло не так, – им до последнего кажется, что всё в порядке и нет повода для беспокойства. А это не так. Для того чтобы не терять способность показывать высокий результат, ты должен быть постоянно в обойме, тренироваться каждый день. Это ведь только кажется, что нет ничего страшного в том, если из-за учебы или по какой-то еще причине пропустишь неделю-другую тренировок. Так в нашем виде спорта было всегда. Помню, после Игр в Турине ко мне обратилась Саша Коэн – спросила, не мог бы я ее потренировать и подготовить к следующим Играм. Я ответил, что готов за это взяться, но Саша добавила, что сначала хотела бы взять перерыв на год, чтобы хорошенько отдохнуть. На этом наше сотрудничество и завершилось, не успев начаться. Я честно сказал Саше, что если она позволит себе такой длительный отдых от фигурного катания, то как спортсменка может прямо сейчас заказывать себе гроб. Потому что после таких перерывов не возвращаются. Исключений настолько мало, что они лишь подтверждают общее правило.

О том же самом говорила Елена Буянова, которая после Олимпийских игр в Сочи так и не сумела вернуть на лед чемпионку тех Игр Аделину Сотникову.

«Знаете, как бывает: ты шел-шел к своей цели, достиг ее и дал себе небольшую слабинку. Кажется, что это ерунда, не произошло ничего страшного: захочешь вернуться, сделаешь в нужный момент шаг обратно – и окажешься в прежней жизни. А это совсем не так», – признавалась тренер, когда стало окончательно ясно, что обратно в большой спорт ее подопечная не сможет вернуться, как бы сильно ни жаждала этого на словах.

Наиболее категорично высказалась по поводу заявления Загитовой Татьяна Тарасова, заметив, что ни в какой большой спорт Алина, конечно же, уже не вернется. И добавила ту самую фразу: «Жаль, что продолжительность спортивной жизни олимпийской чемпионки измеряется только тремя программами…»

Реакция со стороны штаба Этери Тутберидзе последовала

незамедлительно: в инстаграме тренерской появился пост, в котором в достаточно язвительной по отношению к легендарному тренеру форме сообщалось, что за свои три программы Загитова показала больше спортивного результата, чем иные спортсмены показывают за всю свою жизнь.

По факту это было абсолютно справедливо, однако Кожевникова профессионально жестко ответила, когда я озвучила ей этот пассаж:

– Не хочу переходить на личности, но подчеркну: желание получать быстрые результаты «неэкологичными» средствами в России было всегда и во многих видах спорта. Просто, скажем, в легкой атлетике это закончилось допингом и массовым отстранением российских атлетов от Олимпийских игр, а в фигурном катании – уходом из спорта талантливых девушек в 16–17 лет. Все это звенья одной цепи. Люди, которые работают вдолгую, теряют из-за таких «жадных» стратегий деньги, результат и авторитет. Поэтому конфликт рано или поздно должен был произойти… Возможно, очень хорошо, что это случилось сейчас, почти сразу после того, как было озвучено, что Россию, как страну, могут отстранить от участия в Играх на две Олимпиады. Возможно, честно ответив себе на вопрос, какую тренерскую стратегию мы выбираем, мы захотим кардинально изменить систему спорта. Уже третье поколение фигуристок, которые уходят в 16–17 лет, – это, наверное, хорошая статистическая предпосылка, чтобы государство заняло последовательную позицию. Если раннее форсирование формы разрешено в фигурном катании, то его надо разрешать и в других видах спорта, но тогда мы неизбежно приходим к допингу и мировой изоляции. Если мы прекращаем эксплуатацию детей, в результате можем потерять позиции в некоторых видах, но взрослый спорт в целом становится более чистым и результативным. Но посчитайте теперь золотые медали Олимпиады в Пхенчхане, завоеванные Россией и крошечной Швейцарией. У швейцарцев их пять, у нас – две. Тогда возникает вопрос: а зачем мы все это делаем с собственными детьми?

* * *

Все то время, что в Интернете полыхали страсти по поводу Загитовой, я задавалась вопросом: что мешает людям отнестись к решению Алины без эмоций? В конце концов, спортсменка действительно выиграла в спорте все, что только было можно, так почему ей действительно не уйти со спортивной арены и не

зарабатывать деньги, сосредоточившись на коммерческих выступлениях в шоу и гастрольных турах?

Возможно, причина крылась в том, что официально озвученная история о самостоятельно принятом решении представлялась слишком неправдоподобной. Завоевав в Сайтаме единственный недостающий титул чемпионки мира, Алина сбросила со своих плеч колоссальный груз, после чего имела полное право сказать самой себе: «Я больше никому и ничего не должна» – и продолжать кататься. Хотела ли она этого? Было похоже, что да. После того как Алина очень вдохновенно и качественно исполнила короткую программу в финале Гран-при, еще не зная, что произвольный прокат завершится неудачей, трехкратный чемпион США Джонни Вейр сказал о фигуристке:

– Это было самое воодушевляющее выступление из тех, что мы уже видели в этом сезоне. Нечто действительно впечатляющее, до дрожи! Мы разговаривали с Алиной этим летом, и она спросила меня: «Джонни, как тебе удалось выступать так долго?» Я ответил, что нужно просто хорошо кататься, делать свою работу. Тогда же Загитова сказала мне: «У большинства из нас карьера короткая, но я планирую выступать долго. Буду себя вести максимально аккуратно, чтобы как можно дольше остаться в фигурном катании».

На фоне этих слов было как-то очень трудно уложить в голове столь кардинально изменившуюся реальность, заставившую олимпийскую чемпионку резко изменить решение и объявить об этом, с видимым трудом сдерживая слезы.

Или она стала просто не нужна собственным тренерам, и решение отказаться от участия в чемпионате России было навязано ей авторитарно?

На этот вопрос тоже нет однозначного ответа. Финансовые договоренности большинства топ-фигуристов с тренерами обычно подразумевают, что тренерскому штабу отходит до тридцати процентов призовых, заработанных на соревнованиях, до двадцати процентов – с гонораров за шоу и столько же – с любой рекламы. Вряд ли контракт Загитовой выглядел иначе. По слухам, он был гораздо более жестким и кабальным, а уж верить этому или нет – личное дело каждого. Если допустить, что это действительно так, то после своей победы на чемпионате мира в Сайтаме Алина должна была превратиться для всей школы «Хрустального» в ту самую курицу, что несет золотые яйца, и уж точно не следовало допускать, чтобы она повторила путь Липницкой и Медведевой и ушла к другому тренеру. В то же самое время фигуристка реально стала намного взрослее. Работать в прежнем режиме непрерывного прыжкового конвейера

она уже не могла – это было очевидно. Но никакой альтернативы этому у Загитовой не имелось.

В каком-то смысле Алине было тяжелее, чем Медведевой после Игр в Пхенчхане. После того как Женя уехала в Канаду, ее техническим развитием занялись очень основательно. Заново учили скользить, правильно питаться, выстраивали тело, развивали спортсменку во всех направлениях. Было прекрасно видно, что фигуристку готовят к тому, чтобы она не просто продолжала кататься, но делала это на новом для себя техническом уровне. Алина не имела такой возможности по объективным причинам: надо было затыкать брешь в ожидании, когда до выхода на взрослый лед в группе Тутберидзе дорастут Алена Косторная, Александра Трусова и Анна Щербакова. Когда же это произошло, стало очевидно, что олимпийская чемпионка уткнулась в собственный потолок и будет проигрывать тем, кто тренируется в одной с ней группе, даже при идеальном исполнении собственных элементов.

Не понимать этого Загитова не могла: олимпийский чемпион – это не только титул, к которому не существует приставки «экс», но прежде всего устройство мозга. Ты можешь быть болен, травмирован или банально не готов, а сознание продолжает функционировать ровно тем самым образом, как на той Олимпиаде, где ты боролся за золото и выиграл его. Поэтому и поражение для таких людей зачастую сравнимо с концом всей жизни. Алина по-прежнему оставалась неимоверным бойцом, цеплялась за собственное выживание на льду, как никто другой, и не ее вина, что с каждым новым стартом цепляться становилось все сложнее, казалось, уже почти нечем – все осталось там, в олимпийском сезоне. Остальное было лишь инерцией.

Понятно, что все вышесказанное – лишь мои предположения, основанные на тех крохах информации, которые просачивались в Интернет. Но версия, что выросшая Алина перестала соответствовать высоким требованиям ее тренерского штаба, получила после финала Гран-при внезапное подтверждение, что называется, из первых рук – от Марины Хоффманн, родной сестры Этери Тутберидзе, отреагировавшей на фанатские страсти вокруг олимпийской чемпионки резким комментарием в инстаграме:

«Есть проблема в фигуристах, которые теряют мотивацию потому, что уже все заработали. Не надо копаться в дебрях психологии, списывать все на пубертат или проблемы с ТШ (тренерским штабом). Нет никаких проблем, кроме лени, нежелания и расслабона. Чтобы выигрывать, надо соблюдать режим и тренироваться. Это формула успеха, и ничего другого нет».

* * *

На самом деле проблема заключалась не в Загитовой и не в тренерском штабе. Все, кто упрекал Тутберидзе в том, что ее тренерские таланты заканчиваются ровно в тот момент, когда у спортсменок начинается пубертат, были по-своему правы. Однако, когда до взрослых выступлений в группе Этери добрались и начали одерживать одну победу за другой сразу три фигуристки – Косторная, Щербакова и Трусова, – стало очевидно, что вопрос, умеет ли тренер работать со взрослыми спортсменами, вообще потерял актуальность. Было даже как-то странно, что сама Тутберидзе продолжает столь болезненно реагировать на подобные темы вместо того, чтобы просто признать бесспорный факт: гениальная в плане добычи медалей система изначально не предусматривает возни с выросшими фигуристками – это просто никому не нужно.

Брайан Орсер, сказавший мне в свой первый совместный приезд с Медведевой в Новогорск, что с фигуристкой в ее прежней группе не работали как со взрослой, полагаю, имел в виду как раз то, что работа со взрослыми спортсменами требует иного отношения и иного времени. Алину никто не гнал из группы, она продолжала кататься, приходя на «Хрустальный», но, для того чтобы была возможность прогрессировать, с фигуристкой нужно было заниматься отдельно, в штучном режиме – том самом, который не предусматривала система «Хрустального». Стоило ли ради отдельно взятой спортсменки эту систему менять? Не думаю, что кто-то возьмется ответить на этот вопрос утвердительно. Когда есть результат, а на передовую непрерывно подносят все новые и новые снаряды, ценность одной боевой единицы становится просто ничтожной, даже если эта единица – олимпийская чемпионка и чемпионка мира. Это не упрек, а простая констатация фактического положения дел.

Другой вопрос, что тренерский штаб «Хрустального» был просто обязан поддерживать в отношении Алины иллюзию, что спортсменка продолжает тренироваться и совершенно не собирается оставлять спорт. Зачем это нужно, мне растолковал один из бывших агентов IMG – компании, занимающейся управлением спортивными мероприятиями и продвижением спортсменов на мировом коммерческом рынке. Он пояснил, что иначе Загитова вполне могла бы попасть под серьезные финансовые санкции со стороны своих наиболее крупных рекламодателей – косметической фирмы Shiseido и крупнейшего производителя спортивной экипировки Puma: обычно в контрактах такого уровня прописывается, что атлет, выбранный

лицом компании, не может просто так взять и завершить карьеру по собственному желанию.

Впрочем, с точки зрения реального спорта, все это не имело уже никакого значения. Вместо участия в чемпионате страны Загитова провела несколько выступлений в одном из новогодних спектаклей, после чего еще через какое-то время уехала в гастрольный тур крупнейшего европейского шоу Art On Ice. Когда мы ненадолго пересеклись в Цюрихе, где на протяжении нескольких дней я наблюдала, как спортсменка успешно вписывается в коллектив в ходе ежедневных репетиций, то думала о том, что Алину совершенно незачем жалеть. Что даже в этот, возможно, самый сложный период своей жизни, с более тяжелым телом, в связи с чем наружу полезли все технические и хореографические огрехи, с порядком потрепанной психикой и почти что выкинутая за борт большого спорта, она – абсолютный счастливчик. Потому что возраст позволил ей проскочить к заветной цели в единственно возможный момент, причем под надежным прикрытием лидера. Если бы Алина вышла на свою первую Олимпиаду в том статусе, что был у Медведевой, и при том же грузе ответственности золота могло не быть, как могло его не случиться и годом позже: в постолимпийском сезоне, несмотря на титул чемпионки мира, Загитова была уже не так хороша, как в Пхенчхане.

Просто после тех Игр Алина действительно попала в куда более сложное положение, нежели Медведева. Во-первых, по своей натуре она всегда была ведомой, нуждалась в сильной руке, которой и стала для нее Тутберидзе. Олимпийский титул не изменил в этом отношении ровным счетом ничего. Во-вторых, для Жени проигрыш на Олимпиаде обернулся испепеляющим желанием взять реванш – за этим она, собственно, и уехала к Орсеру, преисполненная мотивации вернуться. Историю Алины я бы сравнила с ситуацией, в которой после зимних Олимпийских игр—2012 в Лондоне оказалась самая успешная из российских гимнасток Алия Мустафина, выигравшая на тех играх золото, серебро и бронзу. Уходить из гимнастики спортсменка не собиралась, но ее наставник, великий тренер гимнастический специалист Александр Александров, сказал, что им с ученицей нужно хорошенько подумать, прежде чем принять решение продолжить совместную работу. Потому что в этом случае нужно очень много работать, выбросив из головы все мысли об уже завоеванных медалях. А мысли эти, как показывает практика, застревают в голове надолго.

Когда я однажды напомнила эти слова спортсменке, она согласно кивнула:

– Это действительно так. И сидят эти мысли в голове до тех пор, пока жизнь не отвесит оплеуху. Пока сам не осознаешь, что уперся в стену и не можешь сквозь нее пробиться…

Через подобное состояние в спорте так или иначе проходят все чемпионы. Наверное, все дело в том, что мысли об олимпийской победе настолько приятные, настолько эйфорические, что их просто невозможно отключить и отбросить – противится сознание. А отбросить надо, иначе продолжение карьеры теряет смысл. Просто подобное переосмысление требует времени, но как раз времени у Алины не оказалось.

Ну а что касается ощущения отчаянной несправедливости столь раннего ухода из спорта, возможно самой талантливой одиночницы своего времени, следует признать, что все это уже было, когда из спорта куда более трагическим образом, реально балансируя на грани жизни и смерти, уходила Липницкая. Тогда я написала об этом:

«Мы скорбим на самом деле не по Юле, а по тем чувствам, которые Юля вызывала в нас своим катанием в Сочи – теми своими программами, их трогательностью. Скорбим по яркости собственных воспоминаний – человек по своей натуре крайне эгоистичен в этом отношении. И даже если эта скорбь будет продолжаться годы, это не меняет реальности: все, что будет дальше происходить с Липницкой, актуально лишь для нее самой. Так устроена жизнь в целом и большой спорт – как ее квинтэссенция: новая любовь убивает старую. Профессионалы не могут позволить себе ностальгировать по тому, что закончилось, – они должны продолжать двигаться вперед».

Кстати, если кто-то все еще считает, что история Липницкой или история Загитовой уникальна, должна их разочаровать: это совершенно не так. Когда в 1989-м я впервые пришла в «Советский спорт» как штатный сотрудник, мой тогдашний шеф и будущий легендарный главред газеты «Спорт-Экспресс» Владимир Кучмий сказал мне: «Попробуй написать, что такое большой спорт». Я попробовала. Вот маленькая выдержка из того материала:

«…Главное несчастье в том, что, уходя из спорта, атлет оставляет в прошлом все свои профессиональные знания: умение выступать, бороться, побеждать. И люди, которые к двадцати-двадцати пяти годам оставили за спиной уже целую спортивную жизнь и выиграли кучу титулов, не имеют зачастую самых элементарных житейских знаний, оказываются беспомощными в жизни. И часто никому не нужными…»

Вышесказанное, замечу, будет актуально всегда. Что же касается Алины… Кто знает, а вдруг эта девочка, однажды уже

ошарашившая мир своим появлением, снова вернется?

Глава 15
Корпорация Тутберидзе

Еще до появления Этери в элите фигурного катания один из читателей моего блога как-то упрекнул меня в излишнем пафосе моей фразы – о том, что мне, как журналисту, неинтересна борьба ни за какие места, кроме первых. Написала я эти слова в ходе Олимпийских игр в Ванкувере, то есть когда тема победителей и проигравших была более чем актуальна. На упрек же я тогда ответила, что суть большого спорта в моем понимании – это борьба за победу. Все остальное можно считать самосовершенствованием, попыткой научиться чему-либо для собственного удовольствия, но – это не большой спорт. Скорее – просто хобби. Занятие весьма уважительное, но так получилось, что сама я значительную часть сознательной жизни занималась именно большим спортом, которым в какой-то степени занимаюсь и сейчас – пишу о нем. Мне может быть интересен человек, который на данный момент 10-й или 15-й, но если я вижу, что он стремится быть первым и относится к своему делу соответственно. Мне может быть интересен проигравший, но лишь тогда, когда он отдал все ради того, чтобы победить. При этом совершенно неинтересен серебряный призер, который искренне полагает, что серебряная медаль – это хорошо, и уж тем более безразличны люди, которые крутятся в большом спорте без цели победить.

Впоследствии я не раз думала о том, что, по этой логике, самым большим фанатом Этери Тутберидзе должна была стать я сама. Ее честолюбие и нацеленность на результат были теми самыми качествами, которые невероятно привлекли меня в этом тренере в 2011-м, когда мы впервые встретились в канадском Квебеке на финале Гран-при, куда Тутберидзе привезла двух своих учениц-юниорок – Полину Шелепень и Юлию Липницкую.

Эти две спортсменки произвели тогда настоящий фурор, выиграв золото и серебро, после чего я и подошла к тренеру с просьбой об интервью. Разговор пришлось немного отложить: Этери попросила дать ей возможность посмотреть церемонию награждения учениц, а затем и пресс-конференцию с их участием. Я же в ожидании беседы традиционно попыталась навести о собеседнице справки. И с удивлением обнаружила, что никто из коллег Тутберидзе толком не может мне ответить, в каком виде фигурного катания выступала Этери в бытность спортсменкой и каких результатов добилась. Пришлось, включив диктофон,

первым делом заполнить этот пробел.

– Никто меня не помнит, наверное, потому, что я каталась в те времена, когда в стране началась перестройка, – рассмеялась Этери. – Сначала тренировалась у супруги Эдуарда Плинера, а затем и у самого Плинера на стадионе «Юных пионеров». Начинала как одиночница, потом перешла в танцы – из-за того, что была довольно высокой. У кого я только не каталась! У Татьяны Тарасовой, затем у Елены Чайковской, Натальи Линичук, Геннадия Аккермана, снова у Тарасовой. Несколько раз становилась призером этапов Кубка СССР, отбиралась в финал, но все это, конечно, не очень серьезные достижения. А в 18 лет уехала в Америку – в театрализованное ледовое шоу Ice Capades. Отработала там почти пять лет. Восстановить навыки одиночного катания до такой степени, чтобы быть интересной американской публике, я уже была не в состоянии, поэтому нашла довольно сильного партнера, который когда-то катался в Питере у Людмилы Великовой, и мы с ним стали выступать как «адажио team». В общей сложности моя американская эпопея продлилась шесть лет. Уйдя из шоу, я еще год тренировала всех желающих. Работала с утра и до позднего вечера, но было ужасно скучно. Словно вся жизнь в 24 года остановилась. И, поразмыслив, я вернулась в Москву.

* * *

После Олимпийских игр в Пхенчхане, когда о доминировании спортсменок Тутберидзе заговорил весь мир фигурного катания, я часто возвращалась мыслями к тому разговору. Пыталась понять: на чем основано безудержное честолюбие Тутберидзе-тренера? Не на том ли, что сама она провела большую часть спортивной жизни в роли гадкого утенка? А может быть, дело было не только в спортивном прошлом: Этери родилась в большой многодетной семье пятым ребенком и, по ее же собственным словам, была вынуждена постоянно донашивать одежду даже не за тремя сестрами, которые были намного старше, а за братом, притом что мальчиковую одежду она всегда ненавидела. Вполне возможно, что на фоне трех старших сестер, более чем удачно вышедших замуж, младшая чувствовала себя не слишком комфортно, тем более что сама, отвечая в одном из интервью на вопрос о своих отношениях с отцом, сказала фразу с очень глубоким подтекстом: «Он ждал мальчика. Сына…»

Близкий к ее семье человек рассказывал мне, что самой заветной мечтой Этери было добиться в спорте таких успехов,

чтобы отец стал гордиться ею. Однако судьба не дала ей этого шанса: отец, много лет тащивший на своих плечах всю семью, ушел из жизни, так и не увидев громкого успеха первой из звездных учениц Тутберидзе – Юлии Липницкой.

Начав работать тренером, Этери никак не могла выбраться из прежней колеи невезения. Да и кем она тогда была для профессионального мира? Фигуристка-неудачница, у которой толком не сложилось ни в спорте, ни в шоу, и не имеющая ни опыта, ни реального образования. Формально оно у нее было: когда-то, параллельно с занятиями в институте физкультуры в Малаховке, Этери училась на хореографа-балетмейстера у Геннадия Гараевича Малхасянца в Институте современного искусства. Просто было это, по ее же собственным словам, еще до отъезда в США, когда фигуристке было всего 18 лет. В Америке же приходилось не столько учиться, сколько выживать. Как, впрочем, и в Москве.

– Никто ведь меня дома не ждал, поэтому в поисках трудоустройства пришлось помаяться, – вспоминала Тутберидзе в том первом нашем интервью. – Сначала пришла к Чайковской. Была готова на любую работу, но Елена Анатольевна меня не взяла – не нашлось ставки. Потом мне отказали на стадионе «Юных пионеров», потом в ЦСКА. В итоге я приткнулась сначала на каток в Братеево, потом уехала в Зеленоград, еще через какое-то время нашлось местечко на катке «Серебряный» – именно там я набрала группу, в которой оказалась четырехлетняя Полина Шелепень. Честно говоря, я тогда искала, куда бы уехать. Задумалась об этом после того, как в моей группе произошел массовый уход спортсменов к Алексею Мишину и Марине Кудрявцевой. Льда-то было мало. «Серебряный» всегда считался хоккейным катком. Максимум, на что я могла рассчитывать, – одна полуторачасовая тренировка в день. И то не всегда: в дни турниров наши тренировки обычно отменяли…

В другом своем интервью Тутберидзе рассказывала о том периоде более подробно. В частности, о том, как после нескольких отказов подряд увидела в телефонном справочнике объявление московского цирка на льду. Позвонила туда, и ей сразу предложили две площадки. Одну на Таганке, где требовался тренер три раза в неделю. Вторую – в Братеево, в группу здоровья. Позже, вернувшись в разговоре к этой теме, она признается, что испытывала огромное желание доказать, что все те люди, которые отказывали ей в работе, вынудив в итоге уйти на цирковую площадку, ошибались. И что, не испытав того унижения, она никогда не стала бы тем, кем является сейчас.

Перебравшись на постоянную работу в Беляево, тренер нашла

свою первую золотую девочку – Липницкую. Хотя точнее будет сказать, что тренера для своей дочери нашла Даниэла Липницкая – позвонила Этери и попросила разрешения привезти дочку на просмотр.

– Я сразу согласилась взять девочку к себе, – вспоминала Тутберидзе. – Дома в Екатеринбурге Юля занималась не только фигурным катанием, но и художественной гимнастикой, причем и тот и другой вид спорта давались ей достаточно легко. И я была, честно говоря, потрясена тем, что при уникальной природной гибкости Липницкая каждый день очень много времени тратит на дополнительную растяжку. Она вообще другая. Полина Шелепень, например, довольно тяжело переносила роль лидера. Когда мы повезли ее на первый юниорский финал Гран-при, все считали, что она едет выигрывать. А она осталась второй. Через год – пятой. Как только на первые роли вышла Липницкая, Полина успокоилась и стала кататься гораздо лучше. А вот Юле, напротив, хочется быть лидером. Был период, когда я видела, что Липницкую сильно раздражает тот факт, что она никак не может выиграть у Шелепень…

По сути, Липницкая стала для Тутберидзе ее счастливым билетом, пропуском в очень узкий мир элиты. В спорте вообще нередко случается подобное: ведь даже применительно к легендарной Татьяне Тарасовой можно сказать, что ее великая тренерская карьера была запущена вовсе не благодаря каким-то уникальным тренерским навыкам и умениям, а благодаря тому, что именно к ней, уже будучи олимпийскими чемпионами, пришли в 1974-м Ирина Роднина и Александр Зайцев. Обычно тренеры обижаются на подобные формулировки, но мне запомнился один из наших разговоров на эту тему с Алексеем Мишиным. В 2013-м тренер приехал в Москву на церемонию вручения ему награды «Персона года». Уже было известно, что к Играм в Сочи в большой спорт в очередной раз планирует вернуться его звездный ученик Евгений Плющенко, и я спросила наставника, помнит ли он, как Станислав Жук перестал работать с Родниной и Зайцевым, сказав, что, какого бы результата он ни добился, тренируя пару, заслуга все равно будет приписана не ему, а великой Родниной? И отдает ли сам Мишин себе отчет в том, что, продолжая работать с Плющенко, находится в том же самом положении: какого бы результата он ни достиг – для мира это будет прежде всего результат Плющенко, а не его тренера.

На мой вопрос Мишин тяжело вздохнул: «Леночка, я давно привык трезво воспринимать непреложную истину. Сколь бы гениальным ни был тренер, каких бы успехов ни добивался, его спортсмен всегда будет богаче и знаменитее…»

Похоже, что та же формулировка была актуальна в предолимпийском тандеме Липницкой и ее тренера: даже когда Юля выиграла в Будапеште свой первый взрослый чемпионат Европы, меня не покидало ощущение, что в треугольнике Юля – мама – Этери Тутберидзе последней отведена строго дозированная роль – человека, каждое действие которого в отношении Юли находится под неусыпным контролем родительницы. С моей точки зрения, это было категорически неправильно: тогда Этери казалась мне очень профессиональным специалистом, которому я сама доверила бы собственного ребенка без всяких колебаний. А профессионал в моем понимании не мог и не должен был работать, что называется, на коротком поводке.

Не исключаю, что история с Липницкой легла отдельным кирпичиком в фундамент тренерского честолюбия. Иногда мне даже казалось, что достаточно заметное послеолимпийское пренебрежение Юлей, вынудившее в итоге фигуристку уйти из группы, было своего рода местью тренера маме спортсменки за все пережитые унижения. Не в характере Тутберидзе было глотать подобное: она сама как-то сказала, что не умеет забывать обид. В том, что это на самом деле так, я имела возможность убедиться на собственном опыте.

* * *

Когда-то мой отец, выдающийся тренер по плаванию Сергей Вайцеховский, учил меня, совсем неопытную еще журналистку: «Никогда не обижайся на тренеров и спортсменов, что бы они ни говорили тебе в ходе соревнований. Потому что, в тот момент, когда люди проигрывают главный старт своей жизни, они чувствуют себя так, словно вся их жизнь разлетается в мелкие осколки. Требовать адекватности от тех, кто находится в этом состоянии – пустое дело. Проигравшим всегда нужно время, чтобы прийти в себя».

Конфликт, случившийся между мной и тренером на Олимпийских играх в Сочи, оказался классической иллюстрацией сказанного. Поводом стала неточность в одном из моих материалов – я описала ситуацию, касавшуюся участия Юлии Липницкой в командном турнире со слов тогдашнего министра спорта Виталия Мутко, с которым как раз в тот день у бригады «Спорт-Экспресса» было большое интервью обо всем, и о фигурном катании в частности. Как впоследствии выяснилось, министр был не совсем точен в формулировках, утверждая, что

именно по просьбе Тутберидзе Юля катала обе программы в командном турнире. Возможно, что стрелки на тренера были переведены намеренно: ажиотаж вокруг командного турнира фигуристов в Сочи с заранее гарантированными олимпийскими медалями был крайне велик, в связи с чем каждый из заинтересованных лиц старался протолкнуть в состав своих подопечных, и, по дошедшей до меня информации, окончательное решение по составу, в котором остались по две спортивные и танцевальные пары, но всего одна одиночница, Мутко принял лично, после достаточно долгих обсуждений в узком тренерском кругу. Но разбираться, кто прав, а кто виноват, Этери, естественно, не стала. В довольно грубых выражениях она обвинила меня в том, что я намеренно исказила факты.

Впоследствии я часто думала: случись аналогичная ситуация не на Играх, а на каком-нибудь другом турнире, эта стычка не стоила бы выеденного яйца. Профессия журналиста конфликтна сама по себе в силу того, что подразумевает постоянное вторжение на чужое поле, да еще и с публичной оценкой происходящего. Соответственно, мелких обид в ходе работы случается множество, и самое рациональное – напрямую обсудить все, что произошло, и, если нужно, принести извинения.

В Сочи это оказалось невозможно, поскольку на пределе была не только Тутберидзе, чья ученица в тот день проиграла личный финал, но и я сама: до окончания Игр оставались считаные дни, и груз очень нервных и физически тяжелых двух недель с непрерывной работой на всех соревнованиях давал о себе знать.

Любопытно, что этот вовремя не погашенный конфликт ничуть не снизил моего интереса к Тутберидзе-тренеру. Как бывшая спортсменка, я скорее понимала ее. Даже как-то написала в одном из комментариев, что тем, кто смотрит на людей большого спорта со стороны, хорошо бы усвоить одну достаточно простую вещь, а именно: для тех, кто стремится стать лучшим, на определенном уровне первостепенной становится только цель. И люди либо готовы идти на компромиссы и жертвы, чтобы ее достичь, либо нет. Те, кто готов, идут не то чтобы по трупам, но по достаточно живым телам. Не всегда извиняясь, наступая на живое. А иногда вообще не замечая, что на кого-то наступают. Судить их за это, зная всю подноготную большого спорта и больших побед, я никогда не была готова.

В лице Тутберидзе спортивный мир не получил, если разобраться, ничего нового. Первопроходцем во всем, что касалось сложности, в гораздо большей степени был в свое время Станислав Жук. Вниманием к каждой, пусть даже самой крошечной составляющей успеха задолго до появления Этери в

тренерской компании отличалась Тарасова. А та же Наталья Линичук в танцах на льду ничуть не уступала честолюбивой грузинке в стремлении положить весь мир к своим ногам. Заслуга Тутберидзе была, пожалуй, в том, что она собрала все воедино, и, надо признать, сделала это блестяще. Но далеко не все в ее работе представлялось однозначным.

Еще до Игр в Сочи Этери говорила мне:

– Я постоянно пытаюсь понять, какими качествами должен обладать спортсмен, чтобы бороться за пьедестал. И прихожу к выводу, что это целый комплекс составляющих. И вид у него должен быть соответственный, и определенным набором прыжков надо владеть, причем каждый из этих прыжков по заходу и выходу должен быть индивидуальным. Спортсмен не должен быть как все. В нем обязательно нужно найти что-то особенное. Чтобы человек выходил на лед, и все понимали: так катается только он.

По поводу своей жесткости в отношениях с подопечными тренер тогда же сказала:

– Конечно, куда проще не ставить девочек на весы в переходном возрасте, не отбирать у них еду, не заставлять бегать кроссы… Конечно, ребенку обидно, и он очень часто ищет, кому пожаловаться. Здесь очень важно, какую позицию занимают родители. Именно они должны объяснять ребенку, что все, что делает тренер, он делает во благо. И должны понимать: раз уж пришли в такой тяжелый вид спорта, то, наверное, пришли не просто так, а за результатом. А раз так, надо уметь терпеть. Не все ведь понимают, что если наставник кричит – значит, любит. Значит, он видит в тебе что-то такое, чего нет в других спортсменах. Я сама в своей спортивной жизни проходила через такую ситуацию. Ловила каждый взгляд, а мне делали одно замечание в неделю. Вот это действительно страшно…

В том же интервью Этери произнесла фразу, которая впоследствии превратилась в краеугольный камень созданной тренером системы: «Если родители встают на сторону ребенка, тренер в этом противостоянии всегда проиграет».

* * *

Эти постулаты, составляющие свод жизненных правил тренера и периодически озвучиваемые в СМИ, сами по себе были очень правильными.

«…Мне ничего не остается, кроме как работать с тем материалом, что есть, и пытаться создать свой продукт. Слова „материал“ и „продукт“ могут очень не понравиться читателям.

Но это так и есть. Та же Женя Медведева – это продукт нашей фабрики…»

«…Я не знаю, что такое характер победителя и как его выковать, – все это лирика. У спортсмена просто должен быть характер. Он поставил цель и должен к ней прийти. Независимо от того, болит у него что-то, устал, страшно. Без мотивации выдержать это невозможно. А мотивация тут бывает только одна – не видеть себя вне льда. Вот я, например, не представляю себя в офисе или в магазине. И у них так должно быть…»

«…Если ребенок выигрывает медаль, родителям нельзя начинать думать – ну все, теперь дальше он сам. Не будет он ничего делать сам. Спортсмен должен отражаться таким рикошетом от тренера к родителям, от родителей к тренеру. Получается как раз тот самый коридор, в котором спортсмен находится и не может найти оттуда лазейку наружу. Человек ведь всегда ищет, где проще, – это совершенно нормально. И как только родители начнут спортсмена жалеть, он сразу и уйдет туда, где жалеют. Не надо этого делать!..»

«…Став тренером, я всегда даю спортсменам шанс вернуться. Меня часто спрашивают, зачем? Наверное, потому, что в свое время меня никто не убедил изменить решение, и эта боль нереализованности осталась…»

Незадолго до Олимпиады в Пхенчхане один из моих коллег написал:

«Этери продвинулась дальше всех туда, где находятся пределы женского фигурного катания. Она единственная, кто смог поставить создание фигуристок на конвейер. У Тутберидзе идеально отлажена система: есть человек, который занимается техникой прыжков, другой отрабатывает дорожку шагов, третий – хореограф. А она все это контролирует как топ-менеджер и добивается нужного результата. И еще у нее идет жесткая отбраковка девочек. Но те, кого Тутберидзе отсеяла и кто перешел к другому тренеру, даже не приблизились к результатам, которые показывали раньше…»

Почему же тогда столь неоднозначно воспринимали Тутберидзе в ее же собственном кругу? Ведь ради результата она действительно работала как проклятая, требуя того же самого от других. Никогда не жалела своих спортсменов, но ведь прежде всего она не жалела себя.

Возможно, причина заключалась в том, что, создав собственные правила игры, Этери в какой-то степени обманывалась, искренне считая, что эти правила могут быть распространены на окружающий мир. Ведь те же самые слова о шансе вернуться, который дается каждому, подразумевали в ее

устах, что вернуться человек может только в прежних кондициях и с прежней способностью работать. Что он будет по-прежнему верить в то, что не существует никакого пубертата, что нужно просто закрыть рот и не есть, как сказала однажды журналистам, повторяя, по сути, тренерские слова, Алина Загитова, а до нее неоднократно говорила Медведева.

Убивая как-то время в одном из длинных рейсов, я начала читать одолженный соседкой женский роман, героиня которого объясняла подруге, что правда – это вообще крайне неоднозначное понятие. Как таковой ее просто не существует, поскольку у каждого человека она всегда своя. Ты можешь не верить собеседнику, но должен понимать: если он пытается что-то до тебя донести, то именно это он считает правдой в текущий момент и, естественно, хочет, чтобы точно так же считали все окружающие.

На первый взгляд, утверждение показалось мне спорным, но, чем больше я об этом думала, тем отчетливее понимала: если начинаешь принимать слова собеседников именно в этом ключе, а не искать в каждой фразе подтекст, очень многое становится значительно понятнее и проще. Другой вопрос, что такая же собственная правда всегда имеется у окружающих тебя людей, и не факт, что она тебе понравится, будучи озвученной.

Именно так все чаще всего и происходило в случае с Тутберидзе.

* * *

Когда в 2015-м Елизавета Туктамышева стала чемпионкой мира, ее тренер Алексей Мишин говорил мне в интервью:

«Я не очень люблю „детский сад“ на льду. Дело не в возрасте, не в росте и не в телосложении. Юниорскому катанию свойственны более резкие, оборванные движения. Когда такой ребенок появляется на льду, делает сложнейшую программу, заражая окружающих своим азартом, нацеленностью и эмоциями, это, конечно, здорово подкупает. Но такой эффект нельзя эксплуатировать слишком долго. Потому что хочется видеть развитие, дотянутость, красоту линий…»

Примерно об этом же говорил и другой известный тренер – Рафаэль Арутюнян:

«Давайте сначала определимся, чего мы хотим. Любой ценой добиться того, чтобы отдельно взятый фигурист на протяжении двух или трех лет был непобедимым, как была Евгения Медведева? Не уверен, что это правильно. Лично мне вообще не

нравится идея непобедимости одного человека. Нравится идея элиты, в которой на равных борются между собой сразу несколько спортсменов. А войти в элиту можно в любом возрасте. Вы же не будете отрицать, что Каролина Костнер в свои 30 лет была спортсменкой элиты? О том же говорит пример Лизы Туктамышевой. Конечно, тяжело постоянно находиться в обстановке, где срок жизни каждого очередного лидера – два-три года, после чего его „съедает“ более молодой и резвый. Поэтому я не первый год твержу о том, что детское и женское катание – это два совершенно различных вида спорта, которые хорошо бы разделить. Мне, например, после Игр в Пхенчхане стало намного интереснее смотреть на Алину Загитову, на Женю Медведеву. На то, как Женя меняется, попав в руки к Брайану Орсеру. Интересна Туктамышева, Костнер. В этом и есть смысл фигурного катания – оно должно быть разнообразным, на любой вкус».

Валентин Николаев, который после отъезда в Америку проработал там больше двадцати лет, смотрел на все, что происходит в российском одиночном катании, гораздо более категорично.

– Я ведь тоже много лет работал в достаточно жесткой советской системе, которая была, скажем так, не слишком человечной, – сказал тренер в разговоре со мной. – В США тоже работают с тем материалом, что есть, но никто не пытается высушить человека или искусственно затормозить его развитие, контролируя каждый грамм веса. Дело не в боязни потерять ученика с точки зрения денег – такой боязни просто не существует. Но отношение к спортсмену, каким бы маленьким он ни был, там другое. Если двое взрослых разговаривают между собой, а ребенок стоит рядом и слушает, он может совершенно спокойно в этот разговор вмешаться, задать любые вопросы. У нас же сначала вокруг малыша все прыгают, а потом, когда он вырастает, говорят: «Закрой рот!» То же самое происходит на катке. Ребенку, считай, повезло, если тренер начинает на него орать не с первого дня. В Америке так не проработаешь и двух дней.

– Но ведь есть вполне объяснимая логика: если стране нужны медали, а тренер эти медали исправно поставляет, значит, все, что он делает, оправданно? – спросила я Николаева. Он пожал плечами:

– А почему не взглянуть на ситуацию шире? Допустим, вам нужны деньги – дома дети голодные сидят. Разве это позволяет вам пойти и ограбить банк? Нет. Но логика ведь та же. Как организатор бизнеса, Тутберидзе большая молодец: она очень успешно воспользовалась первым результатом, организовала

систему. Но сама система порочна. Нельзя свести все женское фигурное катание к юниорскому, а дальше жить по принципу «хоть трава не расти». Лично я не понимаю такого потребительского отношения к детям. Сколько медалей нужно тренеру, чтобы почувствовать себя морально удовлетворенным?

Своя правда имелась и у родителей фигуристок из группы Тутберидзе. Одна из мам, например, рассказывала мне уже после того, как ее дочь перестала тренироваться у Этери на катке «Хрустальный»:

«Родители – это колоссальный механизм, частью которого много лет была я сама. Я ведь не дура, прекрасно понимала, что происходит. Этот механизм круглосуточно изо дня в день работает на результат, и каждый из родителей так или иначе ведет ребенка к своей вершине. Меня однажды спросили: мол, если все было настолько плохо, что вы оказались вынуждены уйти, почему же вы столько лет молчали? А мы просто делали свое дело. Другой вопрос, что уже после ухода я много за что извинялась перед собственной дочерью. За наш сговор с тренером, например. Мы ведь загоняли ребенка в угол намеренно. Потому что человек, находящийся в углу, не имеет никакого другого выхода, кроме как подчиняться. Сказано бежать – он побежит. Сказано прыгать – он будет прыгать…»

* * *

История успеха Этери Тутберидзе парадоксальна тем, что, несмотря ни на какие оценки со стороны, ее невозможно раскрасить белой и черной красками. Тренер всего лишь стала играть по существующим в фигурном катании правилам, а уж правила она всегда умела читать, как никто другой, находя в них мельчайшие лазейки для того, чтобы развернуть любую ситуацию в свою пользу. К этому же она всегда исподволь приучала и своих спортсменов. Та же Липницкая, когда ей было всего пятнадцать лет, говорила, что Тутберидзе очень четко учит все просчитывать и быстро принимать решения: что ты прыгнул в программе, что нет, как заменить один прыжок другим, но так, чтобы не нарушить правила и не потерять баллы. «Она всем такие вещи объясняет, просто не все учатся», – добавила тогда Юля.

По мере того как у спортсменов ее группы росли результаты, Этери становилась все более и более нетерпимой к какой бы то ни было критике. Предпосылки к этому были и раньше: когда от тренера стали один за другим уходить взрослые спортсмены – Шелепень, Липницкая, Полина Цурская, Адьян Питкеев,

Медведева, – Тутберидзе давала собственную оценку каждому из уходов, и никогда эта оценка не была в пользу тех, кто ушел.

Достаточно показательной оказалась история со спортсменкой, которая в 14 лет считалась одной из наиболее перспективных юниорок группы, но покинула ее, так и не добившись каких-то заметных результатов. Чуть позже девушка дала известному спортивному изданию интервью, в котором подробно рассказывала, как устроен в группе Тутберидзе рабочий процесс:

«…Ты изо дня в день, с утра до вечера, делаешь одно и то же. Нет понятия „устал, не могу“. Если ты устал или у тебя травма, – ты все равно выходишь и делаешь. Даже если у тебя сломаны два пальца на ноге, – просто выходишь и делаешь по сто раз в день одно и то же. По двести, если понадобится. Когда я только перешла, у меня была травма. Я не знала, какая, никому не говорила. Мне было очень больно, даже не могла кроссовку надеть, пальцы были синие. Но я все равно выходила, прыгала, и… само зажило. О травмах в группе Этери Георгиевны говорят, только если случилось что-то серьезное, а вот эти мелкие – с ними просто тренируются. Взвешивание каждый день, ты не имеешь права его пропустить, как и тренировку. Твой вес может отклоняться максимум на 200 граммов. Все это вместе дает результат…»

То интервью очень быстро исчезло с сайта, оставшись только в печатной версии газеты. Как объяснил потом коллега, который разговаривал со спортсменкой, изданию просто пригрозили судебным иском в связи с тем, что журналист разговаривал с несовершеннолетней спортсменкой один на один, без присутствия ее родителей. Несмотря на то что материал перед публикацией был завизирован, руководство издания решило не ввязываться в скандал, пошло на компромисс.

Интересно, что та же Тутберидзе в свое время говорила о своих спортсменах: «Для спорта они все взрослые. Если мы к ним будем относиться как к детям, они у нас ничего делать не будут…»

Впрочем, тренер вполне могла себе позволить вести себя так, как считает нужным, вообще не принимая в расчет чье-то мнение: сезон-2020 был начат очередными победами. Наконец-то вышедшие на взрослый уровень Алена Косторная, Александра Трусова и Анна Щербакова выиграли все три медали в финале Гран-при, затем – на чемпионате России и на чемпионате Европы в Граце. Иначе говоря, все шло к тому, что мировой пьедестал будет выглядеть точно таким же образом. А победителей, как известно, не судят. Не случайно тот же Мишин, когда в декабре

2019-го Туктамышева не смогла отобраться в команду, проиграв сразу трем совсем юным фигуристкам Тутберидзе, отреагировал предельно политкорректно:

«Считаю результаты Тутберидзе выдающимися, потому что это термин, который соответствует уровню мастерства, который ее девочки демонстрируют. Сейчас Этери является наиболее яркой фигурой на небосклоне российского фигурного катания, поэтому говорить о моих или ее преимуществах нет смысла. В каждой системе существуют свои плюсы и минусы. Если сейчас она добивается тех высочайших результатов, которые показывают ее девочки, значит, она лидер отечественного фигурного катания – и моральный, и спортивный…»

Глава 16
Александра Трусова. Расколотый лед

11 марта в 22:35 по московскому времени фигуристы досрочно закончили соревновательный сезон. Ему предстояло стать особенным, поскольку впервые в истории этого вида спорта сезон должна была завершить уникальная по замыслу церемония первого ледового «Оскара», приуроченная к 110-му по счету чемпионату мира. Идею подобной церемонии взлеял в свое время известный агент спортивного шоу-бизнеса Ари Закарян. Он же как-то признался, что впервые задумался об этом в 2009-м, когда вместе с Александром Овечкиным приехал на NHL Worlds в Лас-Вегас, где выдающемуся российскому хоккеисту вручали приз самого ценного игрока Лиги. Он же – MVP: Most Valuable Player.

– Помню, мы шли по улице, люди тыкали в Сашу пальцами и скандировали: MVP! MVP! – вспоминал Закарян. – То есть никто даже фамилию не произносил, настолько этот титул самодостаточен в глазах американской публики. Такие вещи очень прочно застревают в голове. Правда, когда на Конгрессе Международного союза конькобежцев я впервые озвучил, что нам нужен ледовый «Оскар», люди отнеслись к этому скептически: «Поняли тебя, садись, молодец!»

Своих усилий Закарян тем не менее не оставлял, и спустя несколько лет лед наконец тронулся. После того как идею красной дорожки для лауреатов года поддержал Международный союз конькобежцев, Закарян предложил подтянуть к реализации проекта руководителя известнейшего шоу-коллектива Art on Ice швейцарца Оливера Хенера. И тоже получил добро.

Церемония должна была получиться очень мощной. Чемпионат мира—2020 планировалось провести на одной из лучших арен мира – 18-тысячном стадионе, где играет свои домашние матчи хоккейный «Монреаль Канадиенс». Планировалось, что награждения будут проведены в семи номинациях, а вручать специально изготовленные по этому случаю золоченые статуэтки пригласили звезд спорта, музыки и эстрады.

Однако вместо всего этого великолепия сезон был оборван письмом канадской федерации фигурного катания совместно с Международным союзом конькобежцев, написанным сухим официальным языком: «В связи с неопределенностью, связанной с

распространением вируса COVID-19, правительство Квебека проинформировало Skate Canada и Международный союз конькобежцев об отмене чемпионата мира по фигурному катанию —2020…»

Удар был воспринят особенно болезненно еще и потому, что всего за три дня до появления этого документа канадские организаторы уверяли, что никакой речи об отмене главного турнира не может быть в принципе. Соответственно, тренерский персонал, спортсмены, судьи и журналисты успели упаковать чемоданы (соревнования официально должны были начаться 16 марта), а кое-кто из фигуристов даже успел улететь за океан на акклиматизацию.

С другой стороны, не сказать, что принятое решение стало для спортивного мира большой неожиданностью. Первыми ласточками были запреты на посещение соревнований зрителями, как это произошло, например, в самом начале марта на этапе Кубка мира по биатлону в чешском городе Нове-Место. В конце февраля я сама находилась в Италии на чемпионате мира по биатлону, и, возвращаясь, мы с коллегами, что называется, уносили ноги: итало-австрийская граница была полностью закрыта для автомобильного транспорта спустя час с небольшим после того, как мы ее пересекли. Просто до последнего казалось, что фигурное катание не постигнет всеобщая участь.

Как выяснилось, все мы сильно недооценили ситуацию.

То, что отмена соревнований неизбежна, стало понятно как раз 11-го числа, после того, как Лоренцо Магри, тренер итальянского фигуриста Даниэля Грассля, обратился с открытым письмом к Международному союзу конькобежцев, в котором простым и доступным языком написал все то, что не могло не беспокоить любого здравомыслящего человека.

«Я искренне считаю, что риск распространения коронавируса на чемпионате мира будет огромен, – писал тренер в своем аккаунте в Instagram. – Мы все полетим через разные аэропорты и долгие часы будем дышать одним воздухом, после чего окажемся на арене с более чем 20 тыс. людей, сидящих рядом. Наши семьи сильно рискуют, наша страна заблокирована, наша экономика рухнула из-за вируса. Мы уверены, что должны продолжать соревноваться? У меня нет решения, но у меня есть тысячи вопросов, и я напуган…»

Ну и кто, скажите, на фоне происходившего в Европе, где продолжали экстренно закрываться границы и отменялись все публичные мероприятия, рискнул бы взять на себя ответственность сохранить чемпионат в прежнем формате и в прежние сроки?

Когда я позвонила в монреальский отель, чтобы отменить бронь, сделанную за полгода до соревнований, служащая, еще, как выяснилось, не знавшая, что чемпионат мира отменен, заплакала: «Мы так надеялись, что с нами этого не случится…»

Вряд ли можно было подсчитать имиджевые потери, которые понесло фигурное катание: планируемая церемония на красной дорожке, наплыв спонсоров и множество связанных с этим телевизионных трансляций могли бы позволить этому виду спорта приобрести совершенно новый статус и как минимум остановить падение своей популярности на Североамериканском континенте. У России (и у группы Тутберидзе, в частности) в этом мероприятии виделся свой немалый интерес: наиболее вероятной претенденткой на номинацию «Прорыв» представлялась Александра Трусова – девочка, первой в мире, еще юниоркой, освоившая лутц, сальхов и тулуп в четыре оборота и первой исполнившая программу с четырьмя удачными четверными прыжками. На номинацию «Тренер года» как тренер олимпийской чемпионки и чемпионки мира Алины Загитовой и трех сильнейших российских одиночниц Трусовой, Алены Косторной и Анны Щербаковой претендовала сама Тутберидзе, а Загитова рассматривалась аж в трех категориях: лучший костюм, лучшая программа и MVP. За титул лучшего хореографа мира намеревался бороться хореограф группы Даниил Глейхенгауз. Так, по крайней мере, считали российские фанаты фигурного катания.

Когда общие эмоции немного схлынули, журналисты многих фигурнокатательных стран не сговариваясь стали муссировать одну и ту же тему: чего в связи с отменой мирового первенства лишилась Россия в женском одиночном катании со спортивной точки зрения?

Парадокс, но больше всего от отмены турнира выиграла уже ушедшая с арены Загитова. Вместо того чтобы в последних числах марта закономерно получить к своему мировому титулу приставку «-экс», она как минимум еще на год осталась действующей чемпионкой мира. Шанс стать победительницей в Монреале и тем самым отнять у Загитовой упомянутый титул в равной степени имела каждая из трех старлеток – Косторная, Трусова и Щербакова. Все трое радикальным образом отличались от прежней продукции конвейера Тутберидзе: все-таки и Липницкая, и Медведева, а вслед за ней Загитова выглядели в гораздо большей степени штучно-взлелеянными созданиями. Здесь же сама аббревиатура ТЩК, которой Трусову, Щербакову и Косторную привык объединять спортивный мир с момента появления этих девчушек на большом льду, как бы

подразумевала: речь идет не о трех отдельных фигуристках, а об оружии массового поражения. О неуязвимых бойцах без страха и упрека. И без слабых мест.

Слабые места, конечно же, у фигуристок имелись, но они с лихвой перекрывались чем-то другим. Недостаточно качественное скольжение Трусовой и Щербаковой – четырьмя различными четверными прыжками первой из спортсменок и двумя, но наиболее сложными – второй; Косторная же нивелировала недостаток ультра-си фантастическим качеством катания и прекрасной техникой элементов, заложенных еще в те годы, когда Алена тренировалась у одного из самых придирчивых и педантичных российских специалистов – Елены Жгун.

Просто все эти качества не отменяли иного – срока годности. За свой первый взрослый сезон Щербакова сумела стать чемпионкой России, Косторная выиграла финал Гран-при и чемпионат Европы, Трусова трижды осталась с бронзовыми наградами. Ничто – в сравнении с теми стратегическими задачами, которые вынашивали применительно к подопечным их тренеры. И не было ровным счетом никаких предпосылок к тому, что век ТЩК продлится на льду дольше, чем у их предшественниц.

За Трусову лично мне было особенно обидно. Даже целый ряд неудач не сломил Сашиного желания продолжать прыжки в четыре оборота. Более того, незадолго до чемпионата мира фигуристка даже заявила, что намерена включить в произвольную программу рекордное количество четверных – пять. Поэтому и хотелось так сильно, чтобы этой маленькой девчушке с пронзительно-синими глазами повезло хотя бы раз. Она ведь реально совершила в женском одиночном катании прорыв, который не снился ни одной из ее конкуренток. Не случайно же в декабре 2019-го, когда Саша стала третьей в финале Гран-при, предварительно выиграв оба своих этапа, а затем отобралась на чемпионате России на главные старты, мама одной из спортсменок группы Тутберидзе сказала: «Трусова сумела преодолеть колоссальный психологический барьер, и ее тренеры, благодаря ей, – тоже. По-хорошему, они должны в ножки Сашке за это упасть. Она – первый ребенок, кто по собственной инициативе пошел на четверной прыжок, только потому, что очень этого хочет. Всем остальным прыгать четверные довольно долго запрещали, потому что Этери жутко боялась травм. Боялась, что девочки могут поломаться – и она останется ни с чем. Трусова же начала прыгать первый четверной еще ребенком, и только потом вслед за ней это стали пробовать все остальные».

После победы Загитовой на мировом первенстве в Сайтаме

мне довелось, по настоянию начальства, поучаствовать в редакционном подкасте, темой которого была дальнейшая перспектива российских одиночниц. Браться за столь взрывоопасную тему не просчитав последствий, конечно же, было опрометчиво – в кругах, приближенных к тренерскому штабу действующей чемпионки мира, та беседа вызвала форменную истерику, с бурными всплесками в интернете и прямыми оскорблениями в адрес всех участников подкаста. Хотя, по сути, ни мои коллеги, ни я сама не поднимали в той дискуссии никаких новых тем. Мы всего лишь обозначили, что большой спорт – это зона ответственности взрослого человека. И, если тренер или родители сознательно идут на эксплуатацию чисто детских качеств – отсутствие понимания опасности, чувства самосохранения, телосложения, веса, – то это некое преступление по отношению к ребенку. Понятно, что так было на протяжении многих лет, и не только в фигурном катании. Но как раз весь прежний опыт говорит о том, что стремление получить в юниорском спорте взрослые результаты неизбежно приводит к тому, что ребенка выхолащивают, лишая его ресурса на то, чтобы развиваться дальше. Отсюда – крайне непродолжительные, порой трагически оборванные карьеры.

В том же подкасте я сказала: «Думаю, что ни Косторной, ни Щербаковой, ни Трусовой ни на какой следующей зимней Олимпиаде не будет. Или, по крайней мере, очень высока вероятность того, что их не будет. И мне это кажется отчаянно неправильным. Потому что они реально потрясающе талантливы».

Когда у российских девочек забрали их шанс на золото Монреаля, один из моих коллег написал: «Вероятно, ни Косторной, ни Трусовой, ни Щербаковой больше никогда не будет суждено услышать гимн России в честь своей победы на чемпионате мира».

То мнение было отнюдь не единственным. Вряд ли в мире мог найтись хоть один человек, способный предугадать наверняка, как долго юные дебютантки взрослого льда сумеют продержаться в прежних победных кондициях. Век фигуристок, как ни крути, слишком короток, чтобы откладывать реализацию глобальных целей даже на год. Тем более что случилась пандемия. А с ней – отсутствие какой бы то ни было определенности в будущем и возможности выходить на лед в настоящем.

* * *

Тревогу по поводу надвигающейся на спортсменов угрозы одной из первых забила все та же Кожевникова.

– Неопределенность – это гораздо более серьезная проблема, чем может показаться на первый взгляд, – сказала мне она, когда в одной из бесед мы начали обсуждать, чем и как может ударить пандемия по атлетам.

– Никто не может сориентироваться, что делать, как долго продлится карантин, на какой срок будут перенесены те или иные соревнования, – продолжала Лиза. – Все это вызывает страх, а когда человеку страшно, он регрессирует: начинает действовать быстро, судорожно, автоматично, лишь бы пережить текущий момент, без расчета на будущее. А надо действовать ровно противоположным образом: успокоиться, замедлиться, включить мозг, начать соображать рационально. Особенно это касается спортсменов. Как только люди останавливают тренировочный процесс, они сталкиваются с огромным объемом дискомфорта, который нужно как-то переварить. Первым делом следует снизить уровень тревоги: сократить количество поступающих новостей, сократить время в социальных сетях. Очень важно планирование, но для того, чтобы начать этот процесс, нужно обязательно задать себе вопрос: «Что я хочу? Остаться в спорте? Тогда я продолжаю тренироваться и использовать те возможности, которые есть, не в зале – так на улице, не на улице – так в квартире. Хочу поехать на следующую Олимпиаду? Тогда беру на себя ответственность за этот выбор, и, если он окажется неудачным, по крайней мере, будет не жалко, потому что я сам принял такое решение. Подобные планы позволяют потихоньку переводить свое внимание с тревожного «сейчас» в какие-то рациональные действия, направленные в будущее.

– Проблема еще в том, – заметила моя собеседница, – что большинство атлетов и тренеров не очень сведущи в том, как регулировать и поддерживать свой эмоциональный аппарат. Если обычному обывателю можно остановиться и, никуда не торопясь, задуматься о том, как стратегически перепланировать собственное будущее, то спортсменам останавливаться совсем нежелательно, потому что все они очень эмоционально уязвимы. Они привыкли поддерживать себя через постоянную высокую нагрузку, и когда эта нагрузка в привычном объеме исчезает – накатывает волна мощнейших эмоций: страх, злость, растерянность, а переварить их – нет навыка. Кроме того, всем им страшно браться за что-то новое. Атлеты профессионально заточены именно таким образом: делать то, что хорошо получается, и избегать того, что не получается совсем. Им страшно начинать учиться просто в силу того, что в своем

профессиональном мире человек чувствует себя грандиозным и великим, у него все получается с полпинка, а тут, когда спорт временно закончился, нужно окунуться в совсем новый мир, все начать с нуля. В результате мы имеем дело с активацией внутреннего «карателя» атлета, который не готов на компромисс и транслирует мысли, не содействующие выживанию: «Я считаю все бессмысленным, считаю себя уродом, считаю, что не справился, что никто мне не поможет, что спорт вообще стал абсолютно никому не нужен, а на остальные профессии даже и не претендую и вообще лучше бы улететь на Марс!»

Тот разговор случился у нас почти сразу после того, как стало известно об отмене монреальского чемпионата, поэтому я просто не могла не задать Лизе вопрос о трех уникальных девочках-фигуристках, каждая из которых, возможно, лишилась своего главного в жизни шанса.

– Подавляющее большинство «нормальных» юниоров, которые выходят на взрослый уровень не раньше 21 года, переживают стресс достаточно спокойно, потому что, во-первых, они еще в значительной степени находятся под крылом родителей, а во-вторых, в силу юного возраста, у них нет такого отдаленного взгляда за горизонт: они не думают про семью, про свои стратегии, про то, как им устраиваться в жизни, как зарабатывать, – ответила мне на вопрос Кожевникова. – Понятие перспективы для этой возрастной категории – это то, что находится в 10 сантиметрах от собственного носа человека. Что касается упомянутых вами девочек, они здесь просто вынесены за скобки, потому что представляют собой такой одноразовый продукт, как обойма у винтовки: одну обойму отстреливают, другая вставляется…

В похожем ключе, но уже как профессиональный тренер, отреагировал на возникшую ситуацию Николаев. Говорил он примерно о тех же вещах, что и Лиза.

– Прежде всего, надо понять, что перерыв, связанный с распространением коронавируса, будет длинным – хотим мы того или нет, а значит, нужно отнестись к нему предельно взвешенно, – сказал мне Валентин Алексеевич, когда я в очередной раз набрала его ричмондский номер. – Если спортсмен внезапно оказывается в ситуации, подобной той, что сложилась в мире сейчас, он должен первым делом ответить себе на вопрос: что он хочет? И что в связи с этим должен делать. В человеке много разных деталей, так что ему всегда есть над чем работать, в каких бы условиях он ни находился. Не знаешь сам, как работать – посоветуйся с тренером, со специалистом по физподготовке, с врачом, определи, какие группы мышц у тебя недоразвиты,

займись балансировкой мышечного корсета – дай возможность мышцам развиться. Это первое и самое главное.

Есть множество глубоких мышц, которые почти никогда не бывают хорошо проработаны и не имеют высоких скоростных характеристик. Например, приводящая мышца бедра – так называемая нежная мышца. А ведь именно она позволяет спортсмену быстро сводить и разводить ноги. Та же Лена Водорезова в годы своих тренировок у Станислава Жука была физически подготовлена так, что могла бы вполне профессионально играть в теннис. Назовите мне сейчас спортсменок, которые способны хотя бы несколько раз подтянуться? У фигуристов ответ на подобные претензии обычно один: нет времени. А на самом деле это отражение однобокости тренерской работы, когда результат нужен скорей, скорей, скорей. Хотя в качестве объяснения многие традиционно сетуют на недостаточное количество льда.

– Но ведь профессиональному фигуристу действительно нужно много льда, – возразила я тренеру. Николаев хмыкнул в давно уже привычной мне манере:

– Давайте приведу простой жизненный пример: вы проснулись утром и захотели приготовить себе на завтрак яичницу с ветчиной и сыром и свежевыжатый апельсиновый сок. Открыли холодильник и обнаружили, что там нет ничего, кроме маленького кусочка хлеба. Каковы будут ваши действия – откажетесь от завтрака вообще или все-таки съедите этот кусочек? Так и здесь. Нужно использовать то, что есть, но постараться распорядиться этим максимально эффективно. А для этого человек должен понимать конечную цель, которую он способен реализовать в настоящее время. Что, в квартире нельзя найти место, чтобы сделать колесо или два кувырка вперед-назад, а потом встать в позицию равновесия? Или прыгнуть тур и постараться не упасть? Понятное дело, что собственный дом дает человеку больше возможностей, а небольшая квартира – это тот самый кусочек хлеба в холодильнике. Ну так либо съешь его, получив какое-то количество энергии, либо протяни ноги. Не существует никакого оправдания тому, чтобы бездельничать и ждать, что кто-то решит за тебя все проблемы!

Заканчивая телефонный разговор, специалист заметил:

– Вообще-то, нынешняя ситуация – это прежде всего проблема тренеров.

* * *

Парадокс, но было очень похоже, что внезапный форс-мажор в виде запрета на тренировки, а также необходимость поддерживать спортивную форму, оставаясь дома, наиболее сильно ударили по тем, кто совсем недавно казался неуязвимым, – по группе Тутберидзе. Одной из причин виделась сложившаяся в школе традиция отдавать на откуп родителям все то, что происходит за пределами катка. К тому же сама Этери успела улететь в Америку к дочери и пережидала затянувшийся карантин там.

А в первых числах мая полыхнуло: об уходе из группы объявила Александра Трусова.

В аббревиатуре ТЩК в силу порядка букв спортсменке отводилась главенствующая позиция, и вряд ли это было случайностью: в октябре 2019-го, когда Саша встряхнула мир победой на Japan Open при четырех удачных четверных, выполненных в одной программе, казалось, что в мире не существует фигуристки, способной перебить заявленную россиянкой сложность каким-либо иным набором качеств.

Но вышло совсем иначе. Все, чем могла похвастаться дебютантка взрослого сезона на момент его завершения, – это три бронзовые награды, завоеванные в финале Гран-при на чемпионате России и чемпионате Европы. Иначе говоря, козыри, имеющиеся на руках самой уникальной фигуристки мира, не сыграли ни разу.

В таких ситуациях не нужно быть пророком, чтобы понять: спортсменка, как и ее родители, с очень большой вероятностью, задумаются о смене тренера. Так и произошло: в последних числах апреля источник, близкий к группе Этери Тутберидзе, сообщил о том, что Саша уже известила о своем решении своего прежнего наставника: она уходит из группы с одним из тренеров, с которым намерена продолжать сотрудничать, но, кроме этого, будет искать более именитого специалиста, чтобы тот согласился бы взять спортсменку под свое покровительство. Так уж повелось в фигурном катании, что с не слишком известным тренером у борта завоевывать авторитет в глазах судей иногда становится проблематично.

Официально информация о переходе ничем не подтверждалась: переход Трусовой к другому наставнику мог считаться оформленным только после того, как сама Александра или ее представитель, обладающий соответствующим правом, передаст Федерации фигурного катания России необходимые документы о смене. Поскольку события пришлись на майские праздники, да еще совпали с приостановкой деятельности большинства государственных структур, процедура оформления

обещала получиться небыстрой.

Колесо тем не менее завертелось. Уже на следующий день после утечки информации о возможном переходе олимпийский чемпион Турина Евгений Плющенко подтвердил: да, Александра действительно начала процесс смены тренера и готовит соответствующие документы, чтобы предоставить их в ФФККР. Впору было запасаться попкорном, заняв места в зрительном зале.

Переход спортсменки такого уровня – это всегда почти детективная история. Не прошло и суток, как мне стало известно, что в качестве нового тренера (того самого, кто мог бы стать основным) семья Трусовых рассматривала три кандидатуры, одна из которых отпала уже на первоначальной стадии переговоров: получивший предложение специалист, ошалев от количества выдвинутых «под Трусову» финансовых требований, ответил семье отказом. Второй кандидатурой, по слухам, был Рафаэль Арутюнян. Однако наставник действующего чемпиона мира Нейтана Чена категорически опроверг информацию о том, что вел какие бы то ни было переговоры со спортсменкой или ее представителями.

Пока история развивалась, я частенько думала о том, что ситуация с Трусовой отчасти напоминает ту, что за несколько лет до этого имела место с Юлией Липницкой. Применительно к героине Игр в Сочи, тогда ведь очень быстро выяснилось, что наставников, готовых взять к себе сильно сдавшую позиции фигуристку, можно пересчитать по пальцам. И что никто из них не горит желанием приобретать кота в мешке. Один из наиболее опытных и заслуженных специалистов отказал Юле сразу; наиболее оптимальным с точки зрения технического развития спортсменки казался переезд за океан к Брайану Орсеру или Рафаэлю Арутюняну, но вставала та же самая проблема, что впоследствии возникла у Трусовой: несовершеннолетняя фигуристка не могла отправиться в США или Канаду одна, поскольку не имела водительских прав и банально не смогла бы передвигаться. Вот и вышло, что единственной реальной кандидатурой на роль тренера Липницкой тогда остался Алексей Урманов – человек, прекрасно знающий технику прыжков и умеющий этому научить.

Плющенко выглядел в истории с Трусовой точно такой же единственно реальной кандидатурой, тем более что в его частном клубе продолжал работать предыдущий тренер спортсменки Александр Волков. Отправить юную Сашу за океан к Арутюняну представлялось не слишком вероятным не только потому, что Калифорния – наиболее дорогой для проживания штат, а

Арутюнян ¬– один из наиболее дорогих тренеров, но и потому, что у Трусовой, в силу ее возраста, потенциально могло оказаться слишком много «багажа» – кто-то ведь должен был решать бытовые вопросы, выполнять функции менеджера, переводчика и так далее. С аналогичными проблемами сталкивалась после переезда в Канаду двукратная чемпионка мира и вице-чемпионка Игр в Пхенчхане Евгения Медведева, но она, несмотря на драматизм ухода, обладала гораздо более громким, нежели у Трусовой, послужным списком, более мощной спонсорской поддержкой и многочисленными рекламными контрактами. Да и время было гораздо более благоприятным, нежели весной 2020-го, когда под угрозой ликвидации оказались все значимые мировые шоу, а само фигурное катание, того и гляди, могло рухнуть из-за коронавируса как бизнес.

* * *

Комментируя уход талантливой ученицы от тренера, специалисты были не слишком комплиментарны. «Из всей троицы Трусова нравится мне меньше всего, – говорила известная наставница питерских спортивных пар Людмила Великова. – Пока она относительно плохо катается, но очень хорошо прыгает».

Схожее мнение выражал патриарх тренерского цеха Виктор Кудрявцев.

«Одними прыжками Саше не добиться побед на крупных стартах – ее техника пока оставляет желать лучшего. Так что Плющенко, если он настроен серьезно, предстоит проделать огромный объем работы, чтобы она была конкурентоспособна на следующий год».

Все это звучало так, словно тренерскому штабу Тутберидзе – останься Трусова в группе – не пришлось бы решать ровно те же проблемы с катанием своей наиболее одаренной от природы подопечной.

Главный вопрос на самом деле заключался в другом: сумеет ли Трусова, независимо от того, кто именно станет заниматься ее дальнейшим развитием, подняться в свой второй сезон на новый для себя уровень?

Ответить «да» не поворачивался язык, и Плющенко был здесь совершенно ни при чем. В школе Тутберидзе задолго до появления там Трусовой, Щербаковой и Косторной сложилась достаточно ярко выраженная специфика – примерно как в барселонской Академии футбола, где игроки бывают прекрасно подготовлены для того, чтобы продолжить карьеру в том же

клубе, но крайне болезненно приживаются в других командах, а то и не приживаются вовсе. После тех нагрузок и той конкуренции, через которую приходится пройти девочкам, прежде чем оказаться на взрослом льду, у фигуристок почти не остается ресурса. И вряд ли кто не согласится с тем, что пик Сашиной карьеры ее прежний тренерский штаб планировал не в каком-то обозримом будущем, а «здесь и сейчас» – на Чемпионате мира—2020 в Монреале, отмененном из-за пандемии. Для того чтобы продолжать выступать на прежнем уровне сложности, Саше требовалась уже совсем другая работа, которая позволила бы фигуристке выстроить новое тело, новую технику, новый стиль катания. Иначе говоря – начать все с нуля. Но возможно ли это было в принципе?

Когда я задала тот же самый вопрос Арутюняну, он ответил:

– У Саши, кстати, неплохая техника. Не сказать, что все прямо супер, но Саша вполне нормально выполняет сложные прыжки, видно, что с ней можно заниматься, видно, что она сама по себе очень работоспособный человек, очень мотивирована, хочет много прыгать. Ее мотивация видна невооруженным глазом: она хотела делать пять четверных прыжков в программе – и сделала это. В принципе, Нейтан в свое время вел себя точно так же: я хочу – я буду! Я хоть и пытался как-то сдерживать совсем неоправданный риск, но понимал, что прогресс есть прогресс – и ничего против этого не поделаешь. Такой спортсмен – это очень благодатная почва для тренера. Другой вопрос, что надо уметь все взвешивать. Тактику в нашем виде спорта никто не отменял, как и в футболе, где все так или иначе умеют играть на разных позициях, все хорошо бегают, но не все при этом идут в нападение. Если бы та же Трусова или тот же Нейтан в свое время были более профессиональны как атлеты, наверное, они согласились бы с тем, что в некоторых ситуациях следует использовать тактику: сегодня два прыжка, завтра три, и так далее. Но они оба просто супермотивированные люди, которые не оглядываясь прут вперед, и ничего с этим не сделаешь. Значит, тренеру остается просто встать рядом и всеми силами помогать.

Можно ли переучить такую спортсменку? Это не быстрый процесс, – продолжал тренер. – Если на официальных тренировках главного старта люди делают по пятьдесят прыжков за сорок минут, значит, на обычных тренировках они прыгают намного больше и мышечная память у них выработана гораздо сильнее, чем у тех, кто работает не столь интенсивно. Приведу простую статистику: сто прыжков на одной тренировке – это двести прыжков в день, 1200 прыжков в неделю, почти 5000 – в месяц и порядка 50 тысяч, а то и больше – в год. А все эти

девочки катаются в таком режиме уже лет пять или шесть. Потом такая спортсменка приходит к тебе, ты начинаешь с ней работать, а со всех сторон несется: ё-моё, она у тебя уже полгода катается, а ничего не изменилось. Ребята, за полгода ты можешь, условно говоря, только загрунтовать тот холст, на котором захочешь что-то написать. Поэтому, когда я говорю, что мне нужно два года на то, чтобы начать видеть в своем спортсмене хотя бы какие-то изменения, я не просто так называю эту цифру: два года уходит только на закладку новой мышечной памяти. И только потом можно начинать говорить о какой-то новой технике и стабильности.

* * *

Уход Трусовой из группы Тутберидзе сопровождался реакцией, которая воспринималась как дежавю: спортсменку объявили предательницей, а один из тренеров-ассистентов договорился до того, что назвал решение фигуристки ударом ножом в спину, и пафосно заметил: «Когда человек предает, он перестает для нас существовать».

Узнав об этом, Арутюнян долго смеялся:

– Вот этого я вообще понять не могу. Почему же тогда никто из тренеров не сказал, что Трусова совершила предательство, когда ушла к Тутберидзе от своего предыдущего наставника Александра Волкова? Получается, что все те, кто приходит в группу от других специалистов, ни разу не предатели, но становятся таковыми, когда уходят? Это даже смешно. На мой взгляд, так нельзя. Берете к себе спортсмена – скажите спасибо тому, кто его для вас подготовил. Уходят от вас – пожелайте удачи.

– Почему же вы все-таки даже не попытались заполучить Сашу к себе, когда она приняла решение уйти от Тутберидзе? – поинтересовалась я, пользуясь благодушным настроением известного специалиста.

– Понимаете, – начал он, – любому тренеру было бы очень интересно поработать со спортсменом, который входит в первую десятку мира. Но нужно понимать, что все российские спортсмены – и речь здесь не только о Трусовой – не выросли сами по себе. В них вкладывали свой труд, свои финансы определенные организации и определенные люди, поэтому любые переходы и уходы в России и воспринимаются настолько болезненно. Иностранные тренеры, как мне кажется, далеко не всегда это осознают. Думают: вот пришел к ним спортсмен из

России, они его могут взять и продолжать работать точно так же, как работают с любым другим фигуристом. Я хоть и живу много лет в Америке и считаюсь американским тренером – понимаю российскую специфику очень хорошо. Потому и уверен, что любые переходы российских фигуристов должны прежде всего досконально согласовываться и с бывшими тренерами, и тем более с руководством национальной Федерации фигурного катания. Нельзя просто так оторваться от прежней жизни и уйти в новую – это просто нереально. Это не та ситуация, когда спортсмен сам за себя много лет платил, сам выбирал себе тренера, параллельно нанимал других специалистов по своему усмотрению, которые тоже как-то принимали участие в тренировочном процессе, а потом вдруг решил все поменять – и поменял: нанял новых людей за свои деньги. В России так быть не может. Там до сих пор многое держится на принципах и понятиях, заложенных еще в советские времена. Вот когда наши спортсмены начнут сами за все платить, тогда они и будут делать, что хотят…

– Получается, что Брайан Орсер совершает подвиг, работая с Евгенией Медведевой? – скорее в шутку, нежели всерьез спросила я Арутюняна.

– Конечно, – абсолютно серьезно ответил он. – Орсер совершил подвиг уже тогда, когда согласился ее тренировать. Думаю, только он один и мог себе это позволить…

Глава 17
Открытый финал

Татьяна Анатольевна Тарасова однажды дала самую верную и самую, на мой взгляд, исчерпывающую характеристику большого спорта, какую я когда-либо слышала. Сказала она примерно следующее: «Ты карабкаешься на вершину, все выше, выше, а потом вокруг тебя вдруг заканчивается воздух. Весь. А надо продолжать подниматься. Любой ценой».

Возможно, большой спорт – это самая жестокая игра, в какую когда-либо играло человечество, если не считать войн. Наверное, поэтому периодически мы и задаемся вопросом: должны ли в этой игре участвовать совсем маленькие дети?

Как журналист, который уже более тридцати лет пишет о спорте во всех его проявлениях, я бы, скорее, говорила о другом. О том, что слово «звезда» подразумевает, как правило, не столько титул, пусть даже олимпийский, но красивую и обязательно длинную карьеру – за исключением разве что тех случаев, когда карьера внезапно обрывается трагическим образом – на взлете. Когда за чемпионом не стоит история не только побед, но и преодолений, история, заставляющая сопереживать, его просто сменяет другой чемпион – примеров этого в спорте тоже множество.

Ну а если отбросить лирику, в современной истории российского женского одиночного катания интересно другое: что будет, если Международный союз конькобежцев изменит правила? И что вообще будет с фигурным катанием, когда спортивная жизнь вернется в привычное всем нам русло?

Предложение поднять возраст допуска ко взрослым соревнованиям для женщин до 17 лет уже однажды выдвигалось на повестку дня. Инициатором этого сразу после Олимпийских игр в Пхенчхане стала голландская Федерация фигурного катания, но, поскольку предложение не набрало нужного количества голосов, пункт даже не был внесен в повестку послеолимпийского конгресса. Два года спустя за повышение возрастной планки высказывалось уже большинство стран. Формально – заботясь о здоровье слишком юных фигуристок. На самом деле причина заключалась, скорее, в том, что наметившаяся тенденция к тому, что век взрослой фигуристки может быть ограничен всего двумя годами и что именно в этом направлении станет развиваться все женское одиночное катание, пугала не только функционеров, но в равной степени спонсоров и

представителей ледового шоу-бизнеса. Один из них, владелец знаменитого швейцарского шоу Art on Ice Оливер Хенер сказал мне, когда я приехала на шоу в феврале 2020 года:

«Я вижу серьезную проблему в том, что возраст фигуристок неуклонно снижается, а их карьеры становятся все более и более короткими. Во-первых, люди должны иметь возможность запомнить звезд и полюбить их. Во-вторых, фигуристка должна понимать, что она хочет донести до зрителя своим катанием, а это умение в нашем виде спорта приходит с возрастом. Если его нет, прыжки не помогут. Даже если эти прыжки четверные…»

Очень вероятно, что решение по повышению возраста до 17 лет войдет в силу после Олимпийских игр—2022 в Пекине. Если, конечно же, эти Игры состоятся. Оно не коснется нынешнего поколения одиночниц, то есть тех, кто получил право допуска на взрослый лед в пятнадцать лет. В том числе – для Алены Косторной, Александры Трусовой и Анны Щербаковой. Просто думать всем этим девочкам следует точно не об этом. А о том, чтобы дотянуть до своей первой и единственной Олимпиады и попытаться ее выиграть. Для каждой из фигуристок это, скорее всего, единственный шанс – очень высока вероятность, что другого в их жизни просто не случится. Лично мне это кажется отчаянно неправильным.

Кроме того, стоит помнить, что Олимпиада, как никакие другие соревнования, всегда была и продолжает оставаться очень индивидуальной историей. Невероятно точно сказала об этом уже в разгар коронавирусной пандемии Лиза Туктамышева. В одном из интервью фигуристка призналась, что планирует выступать еще как минимум два года, чтобы все-таки попасть на Олимпиаду, очень рассчитывает, что третья попытка окажется успешной, и добавила: «Ради Игр я постараюсь выжать из своего тела максимум, а не думать о том, что и как будет происходить с телами моих конкуренток».

Возможно, как раз от нехватки индивидуального тренерского внимания из самой успешной группы России ушла Трусова, вовремя поняв, что нет никакого смысла в том, чтобы штурмовать олимпийский пьедестал толпой, работая не столько на себя, сколько на своих соперниц. Сумеет ли Саша добиться успеха, отказавшись от прежней жизни и прежнего окружения? Сумеют ли сделать это те, по кому на самом взлете ударила пандемия, или все они будут сметены следующей волной прекрасных бабочек-однодневок?

Не ждите от меня ответа – у меня его просто нет. Есть лишь ощущение, что в последние несколько лет вместе с мировым женским одиночным катанием все мы переживали невероятно

захватывающую историю. И невероятно трагическую.

Впрочем, с этим можно не соглашаться. Моя версия всех изложенных в этой книге событий – лишь одна из множества. Простите, если она не совпадает с вашей.

2020 год